

Дарья Ратникова

Проданная

Глава 1

— Господа, не хотите ли купить мой товар? — Заговорщически прошептал купец, обращаясь к людям, собравшимся возле его палатки. Интересно, а зачем они тогда здесь собрались, если не за этим?

— Работорговля, — фыркнул один зажиточный господин, живо рассматривавший всё вокруг. Диаре было особенно видно его с того места, на котором она сидела.

— Ни в коем случае не работорговля, что вы, милейший! Наш король, да славится его имя, запретил работорговлю.

— И тогда вы, хитрые пройдохи, нашли возможность её обойти.

Громкий голос заставил Диару, чьи нервы и так были на пределе, почти подпрыгнуть. Его обладателем был мужчина в чёрном плаще, с капюшоном, скрывавшем лицо, худой как палка. Обычно чёрные плащи носили люди, связанные с запрещёнными науками. Ну да, кому бы ещё понадобился раб для опытов?

— Не обойти, уважаемый господин, никак нет, — продолжил разливаясь соловьём купец. — Мы лишь помогаем трудоустроиться сиротам, оставшимся без попечения родственников, всё согласно трудовому договору и королевскому уложению, параграф пятый, пункт второй.

И купец достал из карманов своего необъятного кафтана свиток и помахал им перед носом у потенциальных покупателей. Те заметно приободрились. Нарушать закон никому не хотелось. Ну да. Закон то новый, да вот порядки старые. Как раньше избавлялись от ненужных родственников, так происходило и теперь, только форма поменялась. Диара грустно усмехнулась. Её продала собственная тётка. Слёзы были все выплаканы и давно сменились апатией. Не сойти с ума помогала лишь мысль об её Эдмоне.

Разве могла она ещё даже год назад помыслить о таком скотстве? Год назад был жив её отец, уважаемый механик и, между прочим, потомственный дворянин, и она знать ничего не знала ни о рабстве, ни о порядках, царивших в Империи, так далеко от родного Ганта, ей попросту было это не нужно. Она только закончила пансион и была уверена, что видит перед собой будущую жизнь, прямую как дорога. Какой же наивной дурочкой она была! А потом в одночасье всё рухнуло. Отец умер и имение майорат перешло к её троюродному брату. А она как несовершеннолетняя должна была покориться той судьбе, что выберет для неё опекун, точнее опекунша — её тётка. Если бы не брат — Джефри, она бы и покорилась, хотя эта судьба была незавидна — до совершеннолетия работать гувернанткой и жалкие гроши отдавать тётке, но Джефри... В общем он повёл себя не так, как поступают джентльмены и получил грубый отпор от неё, а тётка, слепо обожавшая сыночка, тут же воспылала ненавистью к единственной племяннице своего покойного мужа и воспользовалась случаем. Если бы она, Диара только знала, какую подлость замышляет тётка, то попробовала бы сбежать, или, на худой конец, обратиться в королевскую канцелярию, но, увы...

Днём, на прогулке, её схватили трое мужчин, зажали рот, накинули на голову мешок и в этот же день вывезли за границу, в вольную Империю, где лишь на словах было запрещено рабство. Потом из беззлойной перепалки своих похитителей, она узнала, что её продала тётя. Наверное, решила, что выдать выгодно замуж бесприданницу, да ещё и с таким характером, ей вряд ли удастся.

Мысль о замужестве отзывалось болью в сердце. До смерти отца она была помолвлена с соседом Эдмоном Валенсом и, что греха таить, с детства до смерти влюблена в него. Когда Эдмон наконец-то попросил её руки, она чувствовала себя невероятно счастливой. Но он отправился в университет, поклявшись жениться по окончании учёбы. Только он вернулся в университет после каникул, вдоволь нагостившись дома, как случилось это несчастье с отцом. Диара толком не поняла, что там произошло, но после взрыва в его лаборатории, отца не стало. И она в одночасье осталась сиротой. То ли до Эдмона не доходили письма, стараниями тётушки, то ли с ним что-то случилось (она запрещала себе об этом думать), но кроме соболезнований после потери отца, больше ни одного письма она от него не получила. А до следующих каникул случилось то, что случилось.

И больше всего Диару мучило то, что она так и не смогла передать жениху весточку. Оставалось только надеяться, что он и так её найдёт, найдёт обязательно. Только это помогало ей не отчаиваться в первые месяцы.

После похищения она пыталась несколько раз сбежать, но её схватили и стали стеречь уже внимательней, хотя и не обижали. За приличного раба можно было получить очень много денег. Да и по документам всё было законно. Тётка, как она поняла, подписала какой-то договор, по которому она как опекунша отдавала купцу такому-то в услужение свою племянницу за такую-то сумму. И не придаться.

Пока она предавалась воспоминаниям, возле их обоза шёл торг. Работорговец показывал свой товар и называл цену. Когда пришла её очередь, Диара вышла сама, не желая, чтобы её вытащили силой. Её привели на импровизированный помост и оставили. Она гордо вздёрнула голову, надеясь, что на её лице не разглядеть слёз. А в голове мутилось от страха.

— Посмотрите, какая красавица-девушка, сирота. Надеется найти нанимателя, который будет достаточно щедр, чтобы оценить её умения. — Звучало слишком приторно и до жути двусмысленно. Диара видела, как зажётся огонёк интереса в глазах покупателей. Их осталось пять человек, включая человека в чёрном плаще.

— Эта девушка умеет считать и писать по имперски? — Задал свой вопрос человек в чёрном плаще, указывая на неё пальцем.

— Ну же, отвечай быстро, что ты умеешь, — ткнул её кулаком в бок один из подельников хозяина. Диара посмотрела на него презрительно и отвернулась. Разве её ответ что-то сможет изменить?

Но работорговец, купивший её у тётки, видимо решил по своему, потому что ответил.

— Любезнейший, эта девушка — дворянка. Её родители умерли, и ей ничего не осталось, кроме как поступить ко мне в услужение, — при этих словах двое покупателей глупо хихикнули. — Она училась в пансионе и обучена всем тем наукам, которым обучают девушек в таких заведениях.

Покупатели при этих словах оживились. Диару затрясло, когда она увидела на их лицах неприкрытую радость. Они едва только не облизывались. Старые, лысые, похотливые как на подбор. Она со страхом сцепила руки, ожидая своего приговора. Торги начались.

— Пятьдесят риров, — крикнул один из покупателей, самый толстый и злобный.

— Даю семьдесят, — отозвался второй, который, кажется, уже купил и отправил домой со слугой мужчину. Тот трясся, как осиновый лист, видимо, знал человека, к которому попал.

— Семьдесят раз, семьдесят два, — кричал работорговец. Диара стояла, сжимая руки так, что побелели костяшки. Она сбежит по дороге, на виду у стражников, специально, чтобы её закололи, если этот человек купит её.

— Даю пятьсот риров, — вдруг прозвучал холодный голос. Диара подняла глаза и встретилась взглядом с человеком в чёрном плаще. От его взгляда по коже побежали мурашки. Цепкий, холодный. Для опытов её покупает. Ну и ладно. Долго она не выдержит, и мучения её закончатся. Не самый плохой вариант. Она посмотрела на других покупателей и увидела там гамму самых разных чувств — от ненависти до удивления, настолько ярко написанного на лицах, что она чуть не рассмеялась нервным истерическим смехом. Видимо, такие деньги были им не по зубам.

— Пятьсот риров раз, пятьсот риров два, пятьсот риров три. Девушка поступает к вам в услужение, господин...

— Травник Алистер Эурелиус, — отрекомендовался мужчина.

Всего лишь травник? Диара вздохнула от облегчения, но тут же нахмурилась. Она не на секунду не поверила, что нужна травнику для того, чтобы что-то считать и страх вернулся с новой силой.

Она на мгновение замешкалась, спускаясь с помоста и едва не упала, споткнувшись.

— Рано радуешься, деточка. Господин Эурелиус из тебя всю душу вытрясет, — услышала она злобный шёпот проходившего мимо несостоявшегося покупателя.

— Ты всегда такая неуклюжая? — Она сразу узнала этот холодный голос. Подняла голову и снова встретилась взглядом с ледяными глазами травника. Господин Эурелиус. А он продолжил, не дожидаясь ответа. — Как тебя зовут?

— Диарлинг, — она хотела добавить своё родовое дворянское имя, а потом промолчала. Какое теперь кому дело, как её когда-то звали?

— Пойдём, — травник махнул рукой, приглашая за собой.

Убежать? Да ведь ей некуда идти. И ни еды с собой, ни воды. К тому же страх липкой паутиной окутывал разум.

Диара опустила голову и медленно побрела вслед за травником.

Вопреки ожиданиям травник с вычурным именем, не толкнул её в экипаж, а заставил идти пешком почти через весь город. Если бы не сумерки и усталость, она бы пристальнее присмотрелась к окружавшему её миру. Но сейчас всё сливалось в одинаковое серое марево, от голода и усталости кружилась голова.

Пока её везли из Ганта сюда, в небольшой имперский городок, она не чувствовала особой усталости. Кормили вдоволь, обращались едва ли не лучше, чем дома при тётушке. Поэтому сегодняшний день выбил из колеи. Она никогда не думала, что будет делать, когда её всё-таки продадут. Думала, Эдмон успеет раньше...

Они пришли, когда Диара держалась на ногах уже из чистого упрямства. Она боялась, что если упадёт, этот человек с холодными глазами потащит её волоком прямо по пыли на виду у горожан.

Пошатываясь, она вошла в прихожую. Здесь было темно. Кажется, горело только несколько свечей, а ещё стоял застарелый запах каких-то приторных трав. С непривычки её замутило, и она пошатнулась, едва устояв на ногах.

— Гастин, — громкий холодный голос разорвал сонное забытие, в которое она погружалась, — накорми моё новое приобретение и покажи ей комнату.

Туман перед глазами у Диары немного рассеялся, и она увидела, что стоит в большой мрачной комнате с огромным столом посередине. Стол как будто сошёл с картинок из книги по истории Мрачных Времени. Это — столовая?! Она вздрогнула, представив, что теперь изо дня в день ей придётся есть здесь. Кроваво-красные панели на стенах и старинные светильники, дарившие комнате бледный призрачный свет, уже сами по себе способны были отбить любой аппетит.

Но Гастин (дворецкий? слуга?) принёс ей поднос с едой и молча удалился. Диара подошла, села на стул и с опаской понюхала принесённые блюда. Холодный суп и каша с куском мяса. На отдельном блюде лежал хлеб, а в бокале судя по запаху толи травяной чай, то ли сок, но не вино. Если даже в еду что-то и подмешано, то она всё равно не сможет определить, что. Не тому её учили в пансионе. Помедлив чуть-чуть, она всё же принялась за еду. Никаких неприятных привкусов, хотя напиток она решила пока не пить, мало ли что.

Пока она ела, тревога только усиливалась. В голове, наконец, прояснилось, а вместе с ясностью пришёл и страх. Почему её кормят отдельно, а не вместе со всеми слугами? Зачем этот мрачный травник заплатил за неё пятьсот риллов? Для чего такого особенного она ему нужна?

Как только она поела и встала из-за стола, со скрипом отодвинув стул, в комнату всё так же молча вошёл Гастин и жестом указал ей идти за собой. В этом доме вообще, кажется, лишний разговоривать не принято.

По длинной лестнице, освещаемой только подсвечником в руке Гастина, они поднялись на второй этаж, прошли по коридору, завернув несколько раз так, что Диара скоро запуталась, откуда они пришли, прошли несколько комнат и остановились перед дверью. Комната была угловая. Гастин открыл дверь и так же молча подождал, пока она войдёт, а потом закрыл её и ушёл. Может он немой? Такой слуга вполне подходит своему хозяину.

Диара ещё могла понять, для чего она была нужна тем, другим покупателям. Их цели были до омерзения ясны, хотя все они, собравшиеся перед палаткой работорговца, выглядели так, будто судьба посмеялась над ними. Уродливы, как на подбор. Старые, толстые, лысые, с горбатыми носами, ушами, напоминающими ослиные или маленькими заплывшими глазками. И только травник, насколько она смогла разглядеть его из под капюшона, был ещё сравнительно молод, вроде бы даже не уродлив, хотя и худой, словно жердь. Его молчание пугало, а мысли о том, для чего он её купил, не давали расслабиться ни на минуту.

Она даже и не думала лечь спать, а занялась осмотром комнаты. В темноте мало что можно было разглядеть. Источником света служило только небольшое окно. Диара выглянула в него. Внизу располагался небольшой сад, а за забором — просёлочная дорога. Странно. Разве травник жил за городом? Комната была чуть больше и просторнее, чем каморка для слуг в её родном имении. Небольшой шкаф, кресло, да кровать. Больше ничего.

Внезапно навалилась усталость. Она присела на кровать. Мысли путались. Наверное, всё-таки этот проклятый травник что-то подсыпал в еду. Диара отчаянно не хотела называть его хозяином. Она не рабыня! Это недоразумение. Эдмон обязательно найдёт её и выкупит. Надо только верить.

Она сама не поняла, как забылась тревожным сном.

Утром её разбудил скрип открывающейся двери. А потом шаги. Медленные и тяжёлые. Спросонья она не сразу поняла, где находится и вскочила с постели, думая, что она всё ещё в повозке по пути в Империю. А потом пришло воспоминание. Она подняла голову и порадовалась тому, что легла спать в чём была, то есть в уличном платье. В комнате стоял травник господин Эурелиус, кажется, и пристально её рассматривал. Невольно к щекам прилила краска. Стучать в этом доме, похоже, тоже не принято.

— Сейчас переоденешься, потом позавтракаешь, и Гастин проводит тебя в мой кабинет. Я объясню тебе твою работу.

Травник развернулся и вышел из комнаты, оставив дверь открытой. Сонливость как рукой сняло. Диара вскочила с кровати, первым делом подошла к двери и закрыла её. Жалко только, что внутри не было никакой щеколды. Вот как ей переодеваться, если в этом доме к ней в любой момент может зайти хозяин, а там, может быть, и слуги придерживаются таких порядков?

Но она всё-таки открыла шкаф. Платье, надетое на ней, в котором её украли, уже больше ни на что не годилось. Ткань истёрлась, запылилась, вылиняла, а по подолу уже зияли большие прорехи в нескольких местах. В шкафу висело пару платьев. Ей было всё равно, какое из них надеть. Оба выглядели не новыми и не подходили по размеру. Наверное, остались от небогатой экономки.

Диара оделась, потом открыла дверь и выглянула в коридор. Никого. Интересно, успеет она осмотреть дом? Но как только она закрыла дверь в свою каморку и остановилась в нерешительности, не зная, куда идти, послышались тихие шаги и из-за поворота показался Гастин. Он молча махнул рукой, указывая ей идти за собой.

При робком свете, пробивающемся из под неплотно прикрытых ставень, она, наконец, как следует разглядела слугу. Высокий, худой, сгорбленный и уже совсем не молодой, по выражению лица он был как две капли воды похож на своего хозяина. Гастин привёл её во вчерашнюю комнату, которая при свете дня казалась чуть менее зловещей, и оставил в одиночестве.

Молчание давило, хотелось заговорить с кем-нибудь. Но Диара посмотрела намрачного сгорбленного Гастина и оставила мысли о том, чтобы поговорить с ним. Очень уж неприветливо он выглядел. Да и по положению, судя по всему, она теперь стояла ниже свободного слуги.

Завтрак был до невозможности похож на ужин. Такая же каша с куском мяса, разве что без супа. Кажется, здесь сэкономили даже на еде, или, может быть, травнику было всё равно, что есть. Но тогда тем более непонятно, почему он её купил за такую огромную, по здешним меркам сумму.

После завтрака, когда Диара, скорее не наелась, а просто утолила голод, Гастин так же молча отвёл её к кабинету хозяина. Постучал, буквально втолкнул её внутрь и удалился. Диара мельком разглядела мрачные, тёмного цвета, панели на стенах и огромный дубовый стол, заваленный бумагами. А потом всё её внимание приковала к себе фигура, сидевшая за столом.

Травник выпрямился, и его холодные глаза впились в неё, рассматривая и изучая.

— Ты, правда, из дворянского рода? — Голос мог заморозить кого угодно. Диара вздрогнула и поёжилась, чувствуя себя неуютно под этим пристальным взглядом. Стало тоскливо до боли. Если бы ей хотя бы улучшить минутку и написать Эдмону... Но молчание затянулось, и травник нетерпеливо постучал по столу костяшками пальцев.

— Да.

— Откуда ты?

— Из Гаста, — она не видела смысла лгать. Холодные хлёткие вопросы ложились словно пощёчины.

— Как ты оказалась в Империи?

— Меня продала тётка. — Ей показалось, или в глазах травника мелькнуло какое-то человеческое чувство?

— Ты хорошо знаешь имперский?

— Да, — опять утвердительно ответила она. Речь шла о письменном имперском. Говорили что в Империи, что в Королевстве, где был её родной Гаст на одном языке.

— Тогда будешь заниматься учётом всех покупателей, проходящих ко мне. Я покажу тебе форму

для отчёта. Приёмные часы начинаются с полудня. Гастин покажет тебе, где находится приёмный зал.

И травник махнул рукой, показывая, что ей, наверное, сейчас надо удалиться. Диара постояла немного, помялась, а потом всё-таки развернулась и вышла. Она хотела бы задать этому травнику вопросы — какие у неё права, может ли она отправить письмо и выйти в город, но один его вид навевал страх.

До полудня оставалось ещё несколько часов. Чем ей занять себя до этого времени? В своём поместье она бы направилась в библиотеку или на прогулку. Но вряд ли здесь ей такое будет позволено. Надо привыкнуть — она ведь рабыня. Вот только Диара не хотела привыкать. Привыкнуть — значит смириться и потерять рано или поздно себя.

Поскольку никто её не держал, она отправилась бродить по дому. Может быть, узнает что-нибудь интересное для себя. Дом как будто вымер, или, может быть, давно был мёртв. Кроме звука шагов, неожиданно гулко отдававшихся в тишине, Диара больше ничего не слышала. Это рождало ощущение какой-то странной обречённости. Как будто она здесь совсем одна и почему-то это пугало больше, чем мысль о том, что она теперь рабыня. Это просто не укладывалось в голове.

Диара задумалась и медленно свернула в какой-то полутёмный коридор, да так, что сама потом не могла понять, где находится её комната и как туда вернуться. В коридоре пахло травами, сильнее, чем во всём доме. Здесь прямо витал аромат, пряный, своеобразный, он почему-то неожиданно понравился ей. Словно, ведомая, она медленно направилась туда, откуда исходил запах.

За углом обнаружилась приоткрытая дверь. Диара заглянула в неё. Она сама не могла понять, что ей двигало. За дверью находилась лаборатория. Всё выглядело так отлично и в то же время неуловимо похоже на ту лабораторию, где творил её отец — прирождённый механик. Из-под его руки выходили механические заводные куклы и танцующие девушки, да такие искусные, что даже король заинтересовался. Мечтой отца было создать самодвижущуюся повозку и он даже начал работу над ней...

Лаборатория в этом доме до неожиданности была чем-то неуловимым похожа на отцовскую. Расположение полок, такой же беспорядок бумаг на единственном столе и травы, везде травы. Она сделала несколько шагов вперёд и пригнулась. Голова неожиданно закружилась.

Шаг, ещё шаг. Запах исходил от небольшого котелка, стоявшего на маленькой, импровизированной печке. Он дурманил и навевал такие приятные воспоминания. Вот отец жив, вот ещё жива мама. А вот Эдмон. Они вместе гуляют возле пруда. Шаг, ещё шаг. Картины были такие живые, как будто она и правда вернулась в прошлое. Вот же стоит отец. Она видит его наяву. Диара протянула руку и в тот момент, когда она почти дотронулась до фигуры отца, кто-то грубо дернул её за руку.

Она вздрогнула. Миражи рассеялись. Она стояла посреди лаборатории рядом с печкой, на которой кипел котелок. Сейчас котелка на печке не было, а напротив неё стоял травник. Диара взглянула на его лицо и тут же опустила глаза, не желая встретиться взглядом с рассерженным хозяином.

— Что ты делала в моей лаборатории? — Если бы голосом можно было убить, то она была бы уже мертва.

— Я просто зашла, — тихо ответила она и добавила, не ожидая ответа, — здесь очень вкусно пахло.

— Это дурман-трава. Она очень опасна. Впредь не смейте входить в мою лабораторию без разрешения.

И травник кивнул ей, видимо ожидая, что она уйдёт. Диара не стала испытывать его терпение и покинула лабораторию. Выйдя за дверь, она ускорила шаг. Встреча с травником почему-то оставила двойственные чувства.

С трудом найдя свою комнату, она улеглась на кровать. Всё, что произошло с ней за последний день, было так странно. Почему-то она перестала испытывать страх. Да, Диара до сих пор не понимала своего хозяина, но бояться его вдруг перестала. Может быть, это виновата дурман-трава? У неё до сих пор немного кружилась голова. Эх, если бы существовал такой эликсир, позволявший повернуть время вспять...

Кажется, она уснула, потому что внезапно очнулась от скрипа открывающейся двери. Опять к ней зашли без стука.

— Пойдём в приёмный зал. Господин Эурелиус ждёт. — Надо же, а Гастин всё-таки умеет говорить. Голос у него был тихий и немного хриловатый. Выглядел слуга так же невозмутимо, как и вчера. Интересно, травник его тоже купил?

Диара встала и попыталась привести себя в порядок, насколько это было возможно при отсутствии зеркала. Отряхнула помятое платье, пригладила волосы и вышла в коридор вслед за слугой.

Спустившись вниз, она услышала, как часы пробили полдень.

— Ты опоздала, — услышала она холодный голос, когда Гастин открыл дверь и впустил её в приёмный зал. Диара хотела пролепетать что-то вроде, что она больше не будет так делать — такую оторопь вызвал внезапно у неё и сам приёмный зал и присутствие рядом — рукой можно дотянуться — травника, но она смолчала. Зачем оправдываться, если не требуют оправданий?

Приёмный зал был большой комнатой, скорее всего гостиной, переоборудованной для других целей, и выглядел очень мрачно. Уставленный склянками со снадобьями и эликсирами, он отталкивал своим негостеприимством. Как будто травник специально хотел произвести впечатление на покупателей. В самом конце зала стоял стол, за которым сидел сам хозяин, а сбоку — маленький столик, который, видимо, поставили специально для неё, с тетрадами и пером с чернильницей на нём. Окна в зале были закрыты ставнями, а свечи тускло горели только над столами. Зал терялся в полумраке. И не сказать, что на улице полдень. Неужели она теперь все оставшиеся годы просидит безвылазно в этой темноте? Уныние затопило горячей волной. Захотелось свернуться в клубочек и уснуть, чтобы потом не проснуться.

— Вот. Выпей, — травник внезапно протянул ей пузырёк с каким-то снадобьем.

— Что это? — Спросила испуганно Диара. Она даже боялась подумать, что это может быть, настолько пугающими рисовались картины. А если она не выпьет? Какое наказание грозит ей?

— Пей. — А потом заметил её испуганный взгляд, и Диаре показалась, что она увидела лёгкую ухмылку, тронувшую губы. — Я не отравлю. Будет не так уныло.

Она не могла объяснить самой себе, почему взяла из рук травника склянку и поднесла к губам. Она пахла так... так восхитительно! Что-то из детства. Мёд, малина, мята, земляника. И на вкус, как чай, просто чай из тех, которые заваривала матушка. Диара вздохнула и едва заметно улыбнулась. Тьма, стянувшая сердце как капканом отпустила. Всё будет хорошо. И Эдмон обязательно приедет за ней и заберёт с собой.

Ей почудилось, или она услышала едва заметный вздох?

Но подумать о том, что только что произошло, она не успела. В дверь постучали и робко, бочком втиснулся какой-то полный неопрятный горожанин. От него разило луком и перегаром, да так, что она даже поморщилась.

— Господин Эурелиус, мне это... ну лекварство, — с трудом выговорил сложное слово посетитель.

— От чего? — Сухо спросил травник.

— Голова у меня болит пятый день.

— Пить надо меньше.

— Ага, ага, точно так, — покивал горожанин. — Так энто, вы дадите мне лекварство?

— Здесь снадобье от похмелья, — почти неуловимым жестом показал травник на одну из многочисленных полок. Диара поняла, что это говорится для неё. Когда горожанин ушёл, расплатившись за снадобье, она добросовестно записала в тетрадь, что господин Эурелиус продал и за сколько.

Следующие несколько часов (а посетителей принимали до четырёх часов вечера) она едва успевала записывать. Народу было много с самыми простыми заболеваниями, вроде болезни руки, ноги или головы. Травник с невозмутимым видом отдавал им снадобья и получал деньги.

Под конец приёмного дня, около четырёх часов (по старым большим часам, висевшим в зале над столом), пришёл один странный посетитель.

— Господин Эурелиус, мне нужно поговорить с вами наедине.

— Говорите, — травник был немногословен, но он не сделал Диаре ни одного жеста, который можно было бы расценить, как то, что он её прогоняет. Поэтому она осталась, преспокойно сидеть на своём стуле. Хотя она бы с удовольствием отправилась в столовую, например. Есть хотелось просто невероятно.

— Эм... — Помялся мужчина, потом всё-таки продолжил. — Понимаете, мне нужно особое снадобье,

такое, чтобы забыться.

Диара только сейчас разглядела глубокие морщины на лице мужчины и мешки под глазами. Видимо, какое-то горе мучило его. Травник молчал, словно что-то взвешивал, потом ответил:

— Простите, я не работаю с дурман-травой. Это запрещено законами нашей Империи. Поищите себе какое-нибудь дело, чтобы забыться.

— Конечно-конечно. Простите, — мужчина вышел из комнаты, ссутулившись и опустив плечи, как будто потеряв последнюю надежду. Диара услышала, как гулко хлопнула входная дверь

— Зачем вы солгали ему? — Тихо спросила она, сама не понимая, как, а главное зачем осмелилась задать вопрос травнику.

— Я не солгал, — спокойно ответил он ледяным голосом. — Дурман-траву я использую только для личных опытов и никогда не продаю. А если человек слишком слаб, чтобы пережить своё горе и ищет забвения, пусть идёт в ближайший трактир, — Жёстко ответил он.

— Это слишком жестоко, — гневно воскликнула Диара, на секунду забыв, с кем разговаривает.

— Жестоко — это изо дня в день вспоминать о том, что прошло и уже нельзя вернуть, мучая и себя и других. — Внезапно вспыхнули пламенем холодные глаза. Диаре показалось, что она увидела бурю за толстой ледяной стеной, которая бушует, не найдя выхода. — К тому же, — добавил травник уже спокойнее, — не всякую тоску можно утолить дурман-травой.

Пока Диара раздумывала над его словами, Эурелиус встал и направился к двери, чтобы закрыть её. Приём закончился.

— Дай посмотреть твои записи, — она вздрогнула — так близко внезапно очутился травник. Прямо за спиной, чуть-чуть наклоняясь и заглядывая через плечо в её записи. Она слышала его дыхание. Вполне человеческое, ни капли не ледяное. Как будто не было между ними сейчас этого разговора. Может быть, ей это только показалось? Диара подавила неуместное желание повернуться, чтобы рассмотреть травника. Она подвинула ему тетрадку с записями.

— Хорошо пишешь. — Если это была похвала, то звучала она слишком равнодушным тоном. — Где ты училась имперскому?

— В пансионе госпожи Карст, недалеко от Гаста.

— Ты была хорошей ученицей, верно? — Внезапный вопрос травника застал Диару врасплох. Она теперь всё-таки повернулась так, чтобы видеть его лицо. И ей на долю секунды показалось, что за ледяной стеной, которой господин Эурелиус отгородился (только ли от неё, или от всех?), промелькнуло какое-то человеческое чувство.

— Да, — она не видела смысла скрывать. И ещё почему-то злилась. Какое до неё дело человеку, который, по сути, купил её?

— Ты злишься, — он сказал это утвердительно, хотя Диара была уверена, что по её лицу нельзя прочесть, о чём она думает. Запоздало накатил страх. Он что, читает её мысли? Значит он, наверное, знает и про Эдмона. Паника накрыла с головой. Она увидела как почему-то нахмурился травник, потом развернулся и отошёл от её стола. — До завтра можешь быть свободна. Выходить из дома я не разрешаю. Наобед и ужин за тобой придёт Гастин. Надеюсь, в своей лаборатории я больше тебя не увижу.

Развернулся и вышел из зала. Диара вздохнула, потёрла виски руками. После приступа страха накатила усталость. Вот и что ей теперь делать? Из дома выходить нельзя, значит, письмо Эдмону она не отправит, даже имея доступ к писчим принадлежностям. Как бы ещё узнать, какой секрет хранит её хозяин?

Она поднялась в свою комнату и первым делом распахнула ставни. Можно было, наконец-то разглядеть при свете дня, куда её занесло. Из окна действительно открывался замечательный вид. Сельская идиллия. Небольшой сад (правда, очень сильно неухоженный) возле дома, а дальше поля, пестрящие всеми буйствами красок. Возделанные — темно-зелёные или уже желтоватые от наливающихся колосьев, невзрачные — разноцветные от полевых цветов. И никакого города, никаких домов. Насколько хватало взгляда только зелень и поля. Хотя судя по количеству посетителей, дом травника просто физически не мог стоять далеко от города.

Диара с упоением вдохнула. Пахло летом, совсем как дома. Она так устала сидеть в темноте и затхлости повозки, что даже не заметила, как наступило лето, а теперь уже скоро сменится осенью. И Эдмон совсем скоро вернётся на каникулы из своего университета. Воспоминания о женихе были тем лучиком, который не давал пасть духом.

В комнате скоро стало скучно. Не зная, чем себя занять, Диара решила поискать библиотеку, очень надеясь не столкнуться в этот раз с хозяином и не забрести случайно в его лабораторию. Если честно, ей вовсе не хотелось его видеть. Но вряд ли было возможно этого избежать, тем более, если в этом доме принято входить в комнату к девушке без стука. Но она справедливо рассудила, что запрета бродить по дому он ей не давал, значит и не сможет придрататься, к тому, что она куда-то вышла кроме своей комнаты и столовой.

Где находится библиотека — она не знала. Искать Гастина и спрашивать не было совсем никакого желания, поэтому Диара как и в прошлый раз побрела наугад, справедливо надеясь, что рано или поздно, она выйдет к библиотеке. То ли она очень сильно этого желала, то ли счастье наконец улыбнулось ей, но ближайшая открытая дверь в одном из коридор как раз вела в библиотеку. Книг здесь, конечно, было не в пример меньше, чем в её домашней библиотеке (каждый раз приходилось напоминать себе, что не в её библиотеке, а теперь уже в библиотеке Джеффри) и в основном — трактаты по травологии, но пару интересных экземпляров она себе присмотрела. И села читать тут же, рядом, потому что понятия не имела, как воспримет господин Эурелиус такую вольность — как унести книги себе в комнату.

Книга попалась интересная и она незаметно для себя зачиталась, чтобы очнуться от вопроса:

— Разве я разрешал заходить в библиотеку?

— А разве запрещали? — Наконец нашлась Диара после нескольких мгновений молчания, когда первый страх прошёл. И на место ему пришла злость.

— Поскольку я тебя купил, имею право требовать послушания, — невозмутимо отозвался господин Эурелиус. Если утром Диара испытала к нему мимолётное чувство уважения, то сейчас ничего кроме злости и досады он у неё не вызывал.

— Но я же не могу по каждому вопросу беспокоить вас, чтобы спросить разрешения, — попыталась ответить она спокойно, но получилось с издёвкой и едва скрываемой злостью.

— Ты дерзишь мне и злишься, — спокойно ответил травник. — Я не терплю от слуг такого неповиновения.

— Но я не служанка, которым вы хотя бы платите. Я — рабыня! А глупо ожидать от рабов повиновения! — Высказалась она и испуганно замолчала, ожидая встретить бурю негодования. Но к её изумлению, травник издал короткий смешок и подошёл ближе, так, чтобы она могла видеть его лицо.

— И правда, я тебе не плачу. Завтра же исправлю это досадное недоразумение. Ты будешь получать в месяц десять золотых риллов. Но за это я требую послушания.

Диара удивлённо всмотрелась в лицо Эурелиуса. Но на его лице нельзя было сейчас прочитать ни одной эмоции. Он испытывал её? Возможно ли такое. Поэтому она с каким-то мстительным удовольствием увидела, как и на его лице промелькнуло удивление, когда она спокойно ответила:

— Я отказываюсь от вашего предложения, господин Эурелиус. Меня продали в рабство без моего согласия. Но добровольно я на рабство не соглашусь, даже за деньги. Благодарю вас.

Воцарилось молчание. Диара подняла глаза на травника, а потом снова опустила книгу. Она ждала чего угодно, поэтому не удивилась, услышав шаги. Господин Эурелиус отошёл к двери.

— Я разрешаю тебе свободно передвигаться по дому, кроме моей лаборатории и моего кабинета. И, да, жалование я тебе всё равно буду платить, даже если ты не будешь им пользоваться.

Диара, ошеломлённая, сидела, сжавшись, в кресле у стола. Книга перестала привлекать. Что сейчас только что произошло, и для чего травник купил её? Неужто для того, чтобы платить жалование? Вопросов было больше, чем ответов. Но её сейчас не должны занимать эти вопросы. Её главная задача — найти возможность связаться с Эдмоном. А там... Он обязательно что-нибудь придумает.

Глава 3

Следующий день прошёл на удивление скучно и без происшествий. Эурелиус (Диара даже в мыслях не могла называть его господином) проверил тетрадь с записями и отпустил бродить по дому. За эти пару дней она понемногу освоилась с расположением комнат в доме, ровно настолько, чтобы опять не забрести случайно в лабораторию к травнику. Хотя Диара поймала себя на мысли, что понимает того господина, который требовал у Эурелиуса дурман-травы. Хоть на минуты побыть в таком месте,

где отец жив и они снова все вместе...

Она вздохнула. Правда, воскресить его не сможет никакая дурман-трава. А если так, то зачем травить душу, бесконечно вспоминая то, что ушло и больше никогда не вернётся? Наверное, в этом травник всё-таки прав. Но вот того снадобья, которое так восхитительно пахло мёдом и земляникой она бы не отказалась попробовать ещё раз. Поймав себя на этом, она смущённо улыбнулась.

Исследовав дом, Диара не теряла времени даром. Она забрала с собой в комнату несколько интересных книг, а заодно и заложила между страниц пару листов бумаги. Не вечно же она будет сидеть взаперти в этих четырёх стенах. Хотя с травника станется запереть её тут на всю оставшуюся жизнь. Ничего, она всё равно как-нибудь найдёт способ отправить письмо Эдмону. Тем более что порталная почта здесь должна хорошо работать. Всё-таки Римас, судя по карте в библиотеке — достаточно большой имперский город. Адрес университета, где учился Эдмон, она знала наизусть. Перо с чернилами были ей доступны каждый день. Осталось только терпеливо дожидаться подходящей возможности.

Утро началось до невозможности однообразно. Тот же завтрак в одиночестве в мрачной столовой, в которой кусок в горло не лезет. Спасибо хотя бы кормили её хорошо. Хотя Диара не обольщалась. Её скорее пугало, что принимала пищу она отдельно от слуг. Почему она не завтракала с травником хотя бы понятно, но вот почему её каждый раз кормили как госпожу в столовой, она решительно не могла понять. И её это настораживало. Неужели Эурелиус не хочет, чтобы она общалась с остальными слугами? Кроме Гастина она пару раз видела только молчаливую и робкую девушку-прачку, да несколько раз кухарку, когда забредала в кухню. На все попытки поздороваться или что-то узнать, встречала настороженное молчание. Интересно, это травник их так запугал?

Ровно в полдень в приёмном зале открылась дверь, чтобы впустить очередного посетителя, а точнее посетителей — двух женщин, видимо мать и дочь. Диаре пришлось встречать их в одиночку, потому что травник запаздывал. А может и вовсе хотел скинуть это неблагодарное занятие на неё.

— А где господин Эурелиус? — Едва войдя, спросила старшая женщина.

— Его сейчас нет, — ответила Диара, не покривив душой.

— Хорошо. Я надеюсь вы знаете свою работу, — скривившись ответила старшая женщина. Младшая хранила молчание, презрительно осматривая Диару, которая под таким взглядом почувствовала каждой клеточкой тела, что на ней надето старое полинялое платье на два размера больше, а волосы просто забраны в пучок.

— Нам нужно снадобье, чтобы вернуть жениха Элизы. Мы хорошо заплатим, — и женщина постарше, небрежно потрясла аккуратным кожаным кошельком, в котором звякнули монеты.

— Вернуть откуда? — Переспросила Диара, с тоской думая, что у Эурелиуса нет ни одного снадобья на этот случай. Или он ей о них не сказал. За два дня попадались только стандартные просьбы вроде головной боли, снадобья от похмелья и прочих мелочей. Не считая того человека, который хотел забыться. Она конечно бы не удивилась, узнав, что в своей лаборатории травник варит и запрещённые любовные зелья, но вряд ли он их вот так в открытую продаёт. Может быть, поэтому она и не получила никаких указаний на этот счёт.

— Он собирается жениться на другой, — сухо ответила женщина постарше, тогда как молодая с презрением отвернулась от Диары. Как будто она — пыль на её ногах.

— К сожалению, господин травник такие зелья не продаёт, — после минутного раздумья ответила она. Раз указаний на этот счёт не было, то она решила действовать на свой страх и риск.

— Ты лжёшь, — не выдержала молодая, указывая на неё длинным и до странности неопрятным пальцем. — Позови господина Эурелиуса, живо, иначе я тебе быстро покажу, как княгиня Маррез может наказать тех, кто ей не подчиняется.

— Простите, но господин Эурелиус занят, — Диара постаралась, чтобы её голос звучал ровно и спокойно. Она, конечно, могла попробовать позвать Гастина и попросить, чтобы он позвал травника, но в любом случае достанется ей, поэтому терять ей нечего.

— Позови его сейчас же, иначе я всё здесь вверх дном переверну, — бросилась к ней та, которая назвалась княгиней Маррез.

Диара покачала головой, с тоской надеясь, что княгиня не разобьёт все эти склянки со снадобьями. Здесь ведь наверное целое состояние. А виновата всё равно будет она.

— Ах ты, паршивка! — Княгиня совсем не по-аристократически занесла руку, чтобы её ударить.

— Госпожа Маррез, что происходит? Почему вы позволяете себе бить моих работников, — услышала

Диара знакомый голос и почему-то вздохнула с облегчением.

— О, господин Эурелиус, как я рада вас видеть! — Сразу сменила тон княгиня. — Ваша работница отказывается выполнять свою работу.

— То есть как? — Диара смело выдержала ледяной взгляд, хотя страх захлестнул с головой. Травник первым отвёл глаза, и ей опять почудилась какая-то тоска в них.

— Она, — княгиня опять указала пальцем на Диару, словно не было понятно о ком речь, — отказалась продать нам нужное снадобье.

— Это — правда? — Травник смотрел почему-то на княгиню, хотя спрашивал вовсе не её. Та, не выдержав его взгляда, отвернулась.

— Да, — скрывать было бессмысленно. К тому же она не сделала ничего предосудительного.

— И какое снадобье хотели дамы?

— О, ничего предосудительного, всего лишь снадобье, чтобы вернуть жениха Элизе, — поспешила ответить старшая княгиня.

— Простите, но вы видимо, ошиблись домом. Я не продаю такие снадобья. У меня можно купить от боли, лихорадки, подагры... — начал перечислять травник. Не делай он этого с каменным лицом, Диара была бы уверена, что он так своеобразно шутит.

— Но мы же заплатим! — Возмутилась княгиня.

— Нет. Я не занимаюсь такими снадобьями, — отрезал Эурелиус, а потом добавил, — и впредь пожалуйста не позволяйте себе распускать руки.

— Вы ещё за это заплатите, — прошипела младшая княгиня, не обладавшая, видимо, выдержкой матушки. — И служанка ваша, одетая как чучело на базаре.

И обе дамы выбежали из зала. Диара проглотила оскорбление, но на душе стало совсем тоскливо. Ещё год назад никто не позволил бы себе так обращаться с ней.

Она подняла глаза. Эурелиус пристально смотрел на неё, словно изучая, а потом произнёс.

— Сегодня вечером пойдём, выберем для тебя одежду.

Диара подумала, что ослышалась. С чего это господину Эурелиусу заботиться о её одежде? Или его задело слова этих дамочек? Интересно, они знают, что она не просто служанка, но бесправная рабыня? Хотя у них вроде бы рабство запрещено законами. Надо вплотную заняться изучением законов Империи. Может быть, найдёт для себя какую-нибудь лазейку.

За оставшееся время приёма больше ничего интересного не произошло. Травник с невозмутимым видом сидел за своим столом, позволяя Диаре самой отвечать на просьбы, раздавать снадобья и принимать деньги, не забывая записывать это всё в тетрадь. Она бы вообще забыла об его существовании, если бы не внимательный взгляд, который буквально кожей ощущала на себе. Раньше сказали бы, что такое возможно, она бы не поверила.

После приёма, Гастин позвал её в столовую и предложил полдник. Видимо, гулять им с господином Эурелиусом придётся долго. Тем лучше. Диара надеялась успеть посмотреть город и выяснить, на всякий случай, какой транспорт ходит отсюда в её родной Гаст. Вдруг да получится сбежать? Хотя кроме Эдмона её там никто не ждёт. Но иногда дикое желание увидеть родной город, прогуляться по улочкам, по которым она с отцом бегала в детстве и хотя бы издалека посмотреть на родной дом, было выше доводов рассудка.

В половине шестого Гастин зашёл в её комнату:

— Господин Эурелиус ждёт.

Хорошо, что хотя бы не молча. Она прошла за ним в коридор, где её уже ждал травник.

— От меня не отходить, — холодно бросил он ей. Диара вздрогнула. Явно это была не пустая угроза. Ей было интересно, что Эурелиус сможет сделать в случае её побега, но проверять почему-то лично на себе не хотелось.

Выйдя на свежий воздух, Диара несколько минут щурилась, не в силах открыть слезящиеся глаза. После темноты в доме травника, солнечный свет ослеплял. Видимо, такие же ощущения испытывал

и травник, потому что не торопил её. Наконец через пару минут они зашагали по тропинке, которую она видела из окна дома. Тропинка терялась между полей. А крыши ближайших домов темнели за ними..

— Мы пешком пойдём? — Спросила она, не выдержав. Прогулка это, конечно, хорошо, но она боялась сплетен, хотя не призналась бы в этом даже самой себе.

— В город пешком, обратно, я думаю, найму экипаж, — спокойно ответил травник. Что-ж, это возможность запомнить дорогу до города и осмотреться.

В сам город с его мощёными улочками и маленькими домами в один, редко в два этажа с покатыми крышами, они пришли где-то через четверть часа. Прохожие, встречавшиеся им на пути, кланялись, но никто не заговаривал с ними, а некоторые посматривали весьма пренебрежительно. Странно. Диара думала, что травника, если и не уважают здесь, то по крайней мере относятся достаточно хорошо. Но, по-видимому, его не особо любили в городе. Она украдкой посмотрела на своего хозяина, который шёл, даже не оглядываясь, словно уверенный, что она точно не убежит. При свете дня его одежда выглядела совсем убого. В потёртой чёрной рубашке, выдавших виды сапогах, и чёрном плаще, капюшон которого почти закрывал лицо. Травнику самому не мешало бы купить себе одежды. Поймав себя на этих мыслях, Диара невесело улыбнулась.

Наконец ещё через четверть часа, они вышли на городскую площадь, отличавшихся от остальных улиц лишь наличием небольшого фонтана, да торговыми лавками вокруг. Их путь лежал в лавку готового платья.

— Доброго вам вечера, господин Эурелиус, — продавщица была сама любезность, но от Диары не укрылось, как искоса она смотрела на травника. Похоже, его в городе недолюбливали. Вот только за что? — Что изволите выбрать?

— Подыщите одежду для моей работницы.

— Сию секунду, — и уже грубее Диаре — Пошли со мной.

Она зашла вместе с продавщицей за ширму и глаза разбежались от обилия всякого рода одежды. А продавщица вытащила несколько платьев и подала ей.

— На, надевай. На твою фигуру должны быть самое оно.

Диара примерила. Продавщица подвела её к зеркалу. Впору было за голову схватиться. Худая, платье болтается как на вешалке, а про причёску лучше промолчать. Увидел бы её сейчас Эдмон — не узнал бы.

— Вот. Тут ещё три похожих платья и бельё. Поди спроси господина Эурелиуса, возьмёт он всё это? — От фамильярности продавщицы Диару коробило. Она никак не могла к этому привыкнуть.

Но травник едва взглянув на неё, кивнул и спросил:

— Сколько?

Потом отсчитав нужную сумму, вышел, даже не оглянувшись, уверенный, наверное, что Диара идёт за ним. Она вздохнула, подхватила пакеты с платьями и направилась вслед за травником. Был большой соблазн сбежать, но она удержалась. Сейчас ещё не время. Что она будет делать одна в незнакомом городе без денег и средств к существованию. Вот она немного освоится и тогда уже...

Травник уверенно шагал через весь город в одно ему известное место. Диара с трудом поспевала следом, приноравливаясь к его широкому шагу. Но сегодня она была не такая уставшая как пару дней назад, поэтому внимательно рассматривала вывески. Еда, одежда, цирюльник... Портальная почта! Вот оно! Она едва не подпрыгнула от радости и тут же почувствовала, как в сердце змеей заползает страх. Эурелиус повернулся и внимательно на неё посмотрел. Может быть, он всё-таки читает мысли? Но травник внезапно остановился.

— Пойдём присядем.

Диара вздрогнула, но послушно направилась вслед за ним, стараясь, чтобы ноги не тряслись от страха.

— Ты можешь перестать меня бояться? — Вопрос застал врасплох, заставив хватать ртом воздух, как рыбу, вытасченную из воды. — Мне неприятно это. Я ведь не сделал ничего плохого тебе.

Слова повисли в воздухе. Диара обернулась к травнику, ожидая увидеть насмешку на неправильном худом лице господина Эурелиуса, но натолкнулась на внимательный взгляд. Не выдержала и отвела

глаза первой.

— Вы меня купили, — выпалила она, не успев подумать, что говорит. Потом всё-таки сообразила и зажала рот руками, словно надеясь вернуть слова обратно. Но они возымели вовсе не то действие, на которое она рассчитывала.

— Верно, — спокойно ответил травник. — Ну и что? А тебе хотелось бы, чтобы тебя купил кто-то другой? Который из них? Бэридэр или Джонсан? Который тебе больше нравится?

Диара замерла, пытаясь осознать, что только что сказал Эурелиус, а потом осторожно ответила:

— Я не хотела, чтобы меня вообще кто-то покупал.

— Но такое ведь невозможно, согласишься? — И опять ледяным тоном добавил. — Поэтому будь добра, перестань меня бояться. Меня это раздражает.

— Ну знаете, это не в моей власти, — фыркнула Диара, не удержавшись.

— А ты хотя бы попытайся, — невозмутимо ответил травник.

И пока Диара обдумывала, что бы ответить ему, Эурелиус поднялся и неторопливо направился к ближайшей лавке с лаконичной вывеской: «Травы», предоставив ей либо догонять, либо оставаться на улице. Он был так уверен, что она не сбежит? А если она попытается, будет ли он её искать? Пока она не оповестила Эдмона о своём местоположении и не освоилась в этом городе, сбежать просто глупо. Да, к тому же, если травник её купил, хотя рабство запрещено по закону, она имеет право пожаловаться на него. Но это всё не сейчас.

Поэтому она встала и покорно побрела вслед за травником, который уже скрылся в лавке с травами.

Пока Эурелиус переговаривался с продавцом, называя ничего не значащие для неё названия, Диара с упоением вдыхала здешний аромат. Пахло чем-то таким родными знакомым, но чем — хоть убей, она не могла понять. Медленно побрела, пригнувшись, вдоль полок, на которых в деревянных полках лежали образцы трав. Возле одной полки остановилась и закрыла глаза. Вот оно. Запах был такой же, как в лаборатории отца. Один в один. Терпкий, немного цветочный, он обволакивал и навевал воспоминания. Она сама не заметила, как на глаза навернулись слёзы. Такие непрошенные и неожиданные.

— Эй, отойди от моего товара! Ты что там высматриваешь? Своровать вздумала? Да? Вот я тебе сейчас задам! — К ней спешил, переваливаясь, продавец. Маленькие глаза на полном лице налились кровью. Диара вздрогнула, как будто её ударили. Она давно уже не в родном Гасте, а отец — лежит в могиле. Ни к чему здесь слёзы. Она приготовилась защищаться, когда услышала:

— Оставьте, господин Лерон. Это моя работница.

— Ох, простите, господин Эурелиус, не признал. Давайте, я вам скидочку сделаю, хорошую. Вы же у нас постоянный и самый драгоценный покупатель, — продавец теперь был сама доброта. Видимо, каждый покупатель у него на вес золота, поэтому так и лебезит перед травником.

— Благодарю, — холодно ответил Эурелиус.

Диара думала, что они сейчас отправятся домой, но травник подошёл к ней.

— Какой запах вас здесь привлёк?

— Вот этот, — Диара ткнула пальцем на полку, на которой лежала та самая трава, напомнившая о доме. То ли Эурелиус читает мысли, то ли просто слишком догадлив, но она уже поняла, что скрывать что-то от него не имеет смысла.

— Галискаас. Хороший выбор. — И уже продавцу. — И галискаас заверните пожалуйста. Пойдём. Дома расскажешь, чем тебя он так привлёк.

Глава 4

— Ну так я слушаю. Чем тебе так нравится запах этой травы? — Эурелиус сдержал своё слово и допрашивал её в гостиной, когда они вернулись. Или продолжал разговор? Диара не могла дать точное определение его поступкам. — Между прочим, толку от неё особого нет. Считается, что она придаёт ума и сил для мыслительной деятельности, но вряд ли это правда. По крайней мере, мои эксперименты это не подтверждают.

— Вот почему у отца в лаборатории пахло ею! — Выпала Диара, а потом смущённая замолчала.

— А кем был твой отец? — Опять в глубине глаз Эурелиуса промелькнуло что-то похожее на чувство, но Диара не захотела в этом разбираться.

— Один из лучших механиков Гаста и всего Королевства! — Это звучало гордо, но, вспомнив отца, она сразу сникла. Не хватало только позорно расплакаться, как там, за прилавкам.

— Механик. Это интересно. А как его звали? — Диара неуютно чувствовала себя под цепким холодным взглядом, словно на допросе. С трудом подавив в себе страх, всегда накатывающий на неё при виде травника, она, словно удав под взглядом заклинателя ответила.

— Джереми Керенер.

Она ожидала какой угодно реакции, но её не было вообще. Травник встал с кресла в гостиной и махнул ей рукой, показывая, что она свободна. Диаре ничего не оставалось, кроме как вернуться в свою комнату. Благо чтение при свечах немного скрасило ей вечер. Итак, теперь она знает, где находится порталная почта. Осталось дело за малым — заслужить доверие Эурелиуса, чтобы беспрепятственно выходить в город. А возможно ли это? За те несколько дней, что она провела в доме травника, он показался ей человеком отталкивающим, нелюдимым и пугающим. Хотя что в нём такого пугающего она, если честно, сказать не могла.

Утром она проснулась сама. Гастину будить её не пришлось. На стуле обнаружились вчерашние покупки — платье и бельё, а ещё мешочек, при виде которого сердце забилось, а на глаза опять предательски навернулись слёзы. Это была вчерашняя трава с мудрёным названием, которое она не запомнила. Она встала с кровати и первым делом прижала мешочек к лицу, окунаясь в знакомый с детства, аромат. Потом оделась в новое платье. Ещё бы сделать другую причёску, а не тот пучок, что она привыкла носить. Но, увы, ни зеркала, ни гребня, в этой комнате она не нашла, а спрашивать у травника — нет уж, увольте.

Завтракая опять в полной темноте, при свете свечей, несмотря на то, что в доме были окна, Диара гадала — когда это зыбкое состояние неизвестности, в котором она сейчас пребывала, наконец, изменится. Не сидеть же всю жизнь в этом доме! Хотя, если честно, не сказать, чтобы тут было плохо, не считая странного хозяина, который вносил переполох в размеренные мысли. Но это то и пугало. Если честно, ей были непонятны его намерения, и от этого становилось совсем уж не по себе.

Перед приёмными часами, травник послал Гастина, чтобы сообщить, что сегодня он не придёт, и поэтому принимать людей ей придётся в одиночестве. Проверяет? Ей же лучше. Возможно, что если даже Эурелиус не выпустит её одну в город, она сможет передать письмо к Эдмону через одного из посетителей.

Посетители приходили один за другим, ничего интересного. Все снадобья из тех, которых у травника были в огромном количестве, ничего нового. Здесь, в основном просили от разных болей, и иногда были неординарные просьбы, для которых специально приходилось готовить эликсиры. Вроде как для успешных родов или для срочного роста волос. Такие эликсиры готовились под специального человека заранее. Диара записывала эти просьбы в специальную тетрадь и обещала передать Эурелиусу при первой возможности.

За полчаса до окончания приёма вошёл мужчина. Диара сразу поняла, что это знатный человек. Возраста, наверное, её отца, богато одетый, с драгоценным перстнем на пальце, он почему-то сразу вызвал у неё неприязнь.

— Мне, пожалуйста, как в прошлый раз, господин Эурелиус, — попросил он, подслеповато щурясь в темноте зала после солнечного света.

— Простите, но я не знаю, что господин Эурелиус предлагал вам в прошлый раз, — вежливо ответила Диара. Может быть, она зря подумала плохо об этом господине.

— А вы, простите, кто? — Господин поднёс к глазам монокль, рассматривая её так, что Диара поёжилась, почувствовав себя голой, как тогда перед продажей.

— Я — работница господина Эурелиуса.

— Странно. Я давно знаком с Алистером, но не слышал о том, чтобы он искал или, уж тем более, нанимал какую-то работницу. Но я поговорю с ним. Как вас зовут, прекрасная девушка? — Мужчина подошёл ближе и улыбнулся. Нехорошо так улыбнулся. Диара инстинктивно спряталась за стол и ответила:

— Диарлинг.

— Какое замечательное имя! А может быть, мы с вами познакомимся поближе? — Его рука легла на стол, за которым укрылась Диара. Она стояла, кусая губы. С такими людьми нельзя показывать, что тебе страшно. Никогда. Это то, чему она научилась, пока её везли как рабыню на продажу.

— Боюсь, что господин Эурелиус не одобрит этого, — ответила она, цепенея от страха.

— Да ладно вам! Уверю вас, что Алистер не будет против того, чтобы мы познакомились после вашей работы поближе. Когда вы заканчиваете свою работу?

— Но у меня вовсе нет желания знакомиться с вами поближе, — прибегла к последнему аргументу Диара.

— Милочка, со мной нельзя что-то желать или не желать. Я секретарь Его Величества — Граций Аделиос и я всегда получаю то, что хочу. Завтра я приду к вам мы обязательно поговорим. До свидания.

И мужчина, немного похрамывая, вышел из зала, оставив Диару стоять, прижав руки к бешено бьющемуся сердцу.

Что же ей делать? После того, как закончился приём, она, наверное, ещё с полчаса простояла в растерянности. На травника надежды не было. Вряд ли он захочет ссориться с королевским секретарём. Даже в Гасте она смутно слышала его имя. И слава о нём ходила отнюдь недобрая, а как о человеке циничном и даже жестоком. Только вот что он забыл здесь, в Римасе? Насколько она успела узнать — городок был небольшим, не столица, во всяком случае. Так, скорее, большой посёлок. И тем тяжелее было её положение. В столице или крупном городе ей было бы легче затеряться. Здесь же такое невозможно.

— Как прошёл приём? — Травник, умеющий неслышно подкрадываться, заставил натянуться и так напряжённые нервы. Она едва не вскрикнула, резко повернувшись, и опять увидела отголосок какого-то странного чувства, мелькнувшего на лице Эурелиуса. Открыться или нет? Попросить защиты? А вдруг травник без вопросов продаст её Грацию так же, как когда-то купил? В конце концов пока секретарь Его Величества придёт ещё раз, она, наверное, что-нибудь придумает. Поэтому после минутной заминки она излишне бодро ответила:

— Как обычно. Вот здесь вся сумма, тридцать два рила и записи — что купили. Два человека попросили снадобье на заказ.

Травник молча взял деньги, мельком взглянул в тетрадь и сказал:

— Хорошо.

То ли похвалил, то ли просто оценил сделанную работу — Диара так и не поняла. Когда он ушёл, она вздохнула с облегчением. Ей только не хватало, если он будет допытываться со своей ледяной дотошностью, почему она сейчас испуганна. Она так и не поняла, читает ли травник мысли, но каким-то образом угадывает то, что она чувствует. И это ему почему-то не нравилось.

А в комнате она подумала сначала засесть за написание письма Эдмону, потом всё-таки решила повременить. Несмотря на то, что страх рвался наружу, сейчас ещё не время. Пока травник с Гастином спокойно заходят в её комнату, даже не стучась, письмо представляет слишком большую опасность. Не носить же ей всё время его с собой. Вот когда травник разрешит ей выходить в город, тогда она и займётся написанием. А пока она решила заняться самообразованием и освежить в памяти информацию об Империи и её законах. Тем более, что чтение хоть как-то позволяло заглушить удушливый страх.

На следующий день к двенадцати она опять должна была быть в зале и принимать посетителей. Травник, видимо, остался вполне удовлетворён результатами её работы, потому что опять оставил её наедине с покупателями, а сам, видимо, уединился в своей лаборатории. Пока Диара думала, кого боится больше — господин Эурелиус или этого секретаря Его Величества, пробило двенадцать, и покупатели поспешили один за другим, так что она едва успевала их принимать. Ближе к вечеру она всё больше и больше нервничала, а огромные старинные настенные часы, казалось, отбивают каждый час похоронным звоном. По крайней мере он раздался у Диары в ушах, когда опять около четырёх вошёл Граций.

— Вот видишь, девочка, — улыбнулся он ей с порога, нехорошо, довольно и сыто, как кот, объевшийся сметаны, — Я сдержал своё слово. Пойдём, пообщаемся.

Он придвинулся поближе. Что же делать? Ударить секретаря Его Величества? За это полагается

тюрьма и вряд ли там она будет в большей безопасности. Но страх застилала глаза и, когда Граций подошёл ближе, она схватила со стола первый попавшийся предмет, им оказался тяжёлый резной подсвечник, и отступила к стене.

— Что такое? — В глазах Грация мелькнуло удивление. Видимо, он не привык, к тому чтобы ему действительно кто-то отказывал. Но Диара была настроена решительно. Значит она будет первой, если он не привык. — Вы боитесь гнева своего хозяина? — По своему истолковал он её реакцию. — Сейчас я спрошу у Алистера, отпустит ли он вас ко мне на пару дней, скажем.

— Что вы хотели у меня спросить?

Голос травника вызвал у Диары странную смесь облегчения и страха. Конечно, его разрешение ничего не изменит, но почему-то она всё равно надеялась на заступничество там, где никакой надежды вроде бы и быть не могло.

— Алистер, как старого знакомого, можно на пару слов, — Граций улыбнулся травнику так открыто и дружелюбно, что Диара с испугом поняла — сейчас травник точно уступит. Настолько располагающий вид был у королевского секретаря (и это несомненно часть его работы), что если бы она не видела его настоящее лицо, никогда бы не поверила, что человек может так измениться.

— Я слушаю, — травник стоял, скрестив руки на груди. Диаре показалось, или в глазах королевского секретаря вот уже второй раз за день, мелькнула растерянность и удивление.

— Я хотел бы пообщаться с твоей работницей после, так сказать, завершения рабочего дня. А она, вот, бедняжка, боится, что ты её не отпустишь. — И вид такой невозмутимый. Диара вздрогнула от страха.

— Это не...неправда, — только и смогла она выдать из себя. Сил ответить что-то другое, словно бы совсем не было. Страх вернулся и с такой силой, что она едва не задохнулась от нахлынувших эмоций.

— А хочет ли моя работница пообщаться с вами? — Задал вопрос Эурелиус, игнорируя её признание. Он не услышал? Или не захотел услышать?

— О... — Граций на секунду замаялся, но тут же нашёлся. Не зря же он королевский секретарь. — Прекрасная девушка просто стесняется. Обычная девичья скромность.

И усмехнулся, плотноядно. Диаре показалось, или ледяные глаза травника полыхнули огнём снова? Она опять почувствовала себя на рынке рабов. Оценивали её достоинства и недостатки, как у породистой лошади, не обращая внимания на неё саму. Слово её здесь не было. И всё-таки её дальнейшая судьба зависела от этого разговора.

— Девушка сама в состоянии ответить — хочет она пообщаться с вами или нет, — В тон Грацию ответил травник. — Если хочет — я не буду держать.

Неужели от неё ждут ответа?

— Не хочу, — осторожно ответила Диара, стараясь, не показать как ей страшно.

— Да ладно тебе, Алистер! — моментально изменил голос королевский секретарь. Исчезло заискивание и дружелюбие. Перед ней стоял воистину секретарь Его Величества — холодный оценивающий взгляд. — Ты же знаешь меня.

— Приходилось встречаться, — ответил травник, и Диара могла с уверенностью сказать, что ответил брезгливо.

— Отдай мне девушку. Хочешь — насовсем. Я заплачу. К чему эти разговоры? Я привык всегда получать то, что желаю. А ты отыщешь себе ещё служанку. Хочешь, я даже подкину парочку? — Усмехнулся одним краем губ Граций. Опасный человек, хитрый интриган. Как, впрочем, и все, приближённые к королевскому двору. Другие там не выживают.

— Долго искать придётся, — ответил без малейшей улыбки Эурелиус. — Слишком тяжело найти грамотную работницу, чтобы хорошо писала на имперском в этой глуши.

Что-ж, вот и разгадка, для чего травник её купил. А если ещё учесть, что не грамотную работницу, а грамотную рабыню, то получается ещё лучше. Пятьсот рилов, которые за неё заплатил Эурелиус, насколько она успела узнать — не такие уж и большие деньги. Полгода работы экономки, допустим. Или год — посудомойки. Гувернантки и прочие грамотные девушки, получали и того больше. Жаль, что дома она мало интересовалась этими вопросами. Она намеревалась выйти замуж за Эдмона

и жить с ним счастливо в любви и согласии.

— Я тебе привезу из столицы. Там таких самородков полно, — самодовольно ответил секретарь Его Величества. — Так что, обойдёшься пару недель без неё? Или предпочитаешь, чтобы она всё-таки на тебя работала? У меня она ни в чём нуждаться не будет, — и Граций сделал шаг вперёд. Травник стоял, словно бы в раздумьях. А Диара, сама не зная, почему так получилась, инстинктивно, шагнула назад, к травнику.

— Нет. Диарлинг никуда не пойдёт, а останется со мной. Я не хочу другую работницу.

Диара спокойно выдохнула. Пусть Эурелиус оставит её себе ради выгоды. Лишь бы оставил.

Граций ошеломлённо смотрел на единственного, наверное, человека, осмелившегося ему перечить, потом перевёл взгляд на Диару, и она вздрогнула — столько ненависти читалось в глазах.

— Вы ещё пожалеете об этом, — прошипел Граций и покинул дом, хлопнул дверью так, что задрожали стёкла.

Глава 5

— Зачем вы это сделали? — Спросила Диара через несколько минут, точно уверенная, что Граций их теперь не слышит.

— Может быть, потому что мне действительно не нужна другая работница? — Насмешливо, как ей показалось, ответил Эурелиус. Она внимательно присмотрелась к нему. Глаза смотрели как обычно холодно. Вот только в них появилось какое-то новое выражение, и она не могла определить, какое.

— Не настолько, чтобы из-за меня наживать себе врагов, — невесело усмехнулась Диара.

— А это уж, позволь, решать мне.

Вот и всё. Разговора не получилось. Ну хотя бы, по крайней мере, она поняла, что бояться травника неразумно, когда на свете есть такие люди как Граций, которые к тому же почему-то излишне в ней заинтересованы. Диара вздохнула, и вздрогнула, услышав:

— Если Граций посмеет угрожать или проявлять какой-то интерес к тебе — сразу рассказывай мне.

Она совсем забыла про присутствие травника, занятая своими мыслями. Интересно, что это сейчас — собственнический интерес хозяина к своей рабыне и по совместительству ценной работнице или... Что или, она даже и не могла вообразить.

— Пытаешься понять, почему я защитил тебя от стукача Его Величества? — В который раз словно прочитал её мысли Эурелиус. Диара осторожно улыбнулась, несмотря на всё отчаянье ситуации. Грацию правда, пошло бы куда менее приличное прозвище, но эти мысли она лучше оставит при себе. Поэтому она осторожно кивнула. — Считаю, что мне глубоко неприятны такие люди, которые считают, что всё можно купить или продать.

— Однако сами вы меня купили, — как-то странно звучали рассуждения травника на фоне его поступка.

— Мне нужна была ценная работница, — спокойно ответил он. — Но если ты хочешь — ты вольна уйти — я не держу тебя, только отработай мне, пожалуйста те деньги, которые я на тебя потратил. — Диара ошеломлённо воззрилась на Эурелиуса. Неужели он это сказал? Но... Её предположения и такие замечательные по своей простоте планы побега в голове просто рассыпались. Взять и уйти? А не ловушка ли это? — Если тебе, конечно, есть куда возвращаться, — вкрадчивым голосом заметил он.

— Есть, конечно, я вернусь на родину. Это лучше чем жить здесь бесправной рабыней, — Она точно верила сама в то, что говорила. Тогда почему же её слова прозвучали так фальшиво даже для неё самой. Дома её ждёт только Эдмон, который искал бы её, если бы знал, где. Да и, наверное, ищет. Но тётка ни за что не скажет. Самое худшее, что она может для неё сделать — это придумать какую-нибудь гадость про неё, соврать. Наследства у неё не осталось, кроме нескольких диалов, но и тех отец не успел положить в банк. Он витал в облаках, вечно занятый своими изобретениями. И она не могла его за это винить. Дома на родине у неё тоже нет. Если бы она вышла замуж за Эдмона, то ей пришлось бы жить либо у его родителей, пока он занимается в университете, либо вместе с мужем в студенческом общежитии. Выходит, что и возвращаться то ей некуда. И травник это откуда-то знает. Но от этого он не станет более приятен ей. Потому что согласиться с его условиями, значит остаться в его доме навсегда. Поэтому она отработает эти деньги и уйдёт. Какая разница куда?

Если ты так любишь твою родину — я тебя не держу, — Диаре почудилось или его голос звучал устало. — Но ведь возвращаться тебе некуда. Не так ли?

Ей показалась усмешка на его лице. Или просто показалось... Но это подстегнуло её, заставив сорваться после этого тяжелого разговора, после всех приставаний Грация.

— Какая вам разница, есть ли мне куда возвращаться? Вам то до этого должно быть меньше всего дела!

И тут же замерла, испуганная. Она ждала, что травник накинет на неё с обвинениями или колкостями, а то и вовсе прикажет как-нибудь наказать. Не зря же он её купил, но он развернулся и ушёл. Просто и молча. Она постояла немного в растерянности возле стола, на котором сиротливо лежала тетрадь с её записями и ещё мешочек с золотыми рилами. Эурелиус не забрал его. То ли был слишком богат, то ли знал, что она не украдёт, то ли был уверен, что в любом случае сможет найти и наказать. Не важно. Вот он, её шанс. Взять несколько риллов, чтобы отправить письмо Эдмону. А потом она отработает. И он даже не узнает.

Искушение было очень сильно, на мгновение она сжала кулаки, потом шумно выдохнула и отправилась к себе в комнату, наверх. Кто бы ни был травник, точнее каким бы человеком он ни был, он пока ни разу не отнёсся к ней так, чтобы она могла себе позволить такое. Она подождёт, как ждала до этого, утешая себя мыслью, что и без письма Эдмон наверное её ищет. Не может быть иначе. А раз ищет — значит, обязательно найдёт.

Следующие несколько дней прошли относительно спокойно. Секретарь Его Величества словно бы насовсем пропал, травник тоже. Диара видела его за эти дни всего пару раз, наверное. Он словно бы её проверял. Ей это нравилось куда меньше, чем его постоянный контроль. Просто потому что она не понимала, что Эурелиусу надо от неё. Вроде бы она и хотела ему поверить, что он искал всего лишь работницу и в то же время что-то мешало. После всего что с ней случилось доверять, чтобы потом ошибиться было слишком больно.

А через два дня, утром, до приёмных часов оставалось ещё около часа, в дверь дома постучали. Диара услышала стук, но не обратила внимания, занятая чтением книги. А через полчаса за ней явился Гастин и в своей обычной молчаливой манере указал рукой на дверь, призывая следовать за собой. Диара спустилась вслед за ним в гостиную. Там был господин Эурелиус, при виде которого ей почему-то стало немного не по себе, и двое мужчин в форме. Охранители закона, подчинявшиеся только Его Величеству.

— Вы хотели видеть мою работницу, Диарлинг Керенер, — Надо же, а Эурелиус запомнил её родовое имя. Она удивлённо подняла на него глаза, чтобы тут же их опустить. Ей показалось или он смотрел немного печально? А может быть, это игра воображения, желавшего во что бы то ни стало разглядеть, что скрывается за этой невозмутимой маской, или кто.

— Добрый день, госпожа, — учтиво поклонились ей охранители. — Нам сказали, что вот этот вот господин, — они посмотрели на травника с лёгким презрением. Диара уже поняла, что он, мягко говоря, не пользуется в городе популярностью. Хотя, насколько она знала, снадобья, в том числе целительные и такого уровня, готовит он один. — Совершил недопустимое для нашей великой Империи деяние.

Охранитель сделал эффектную паузу. И был грубо прерван вторым охранителем, который, видимо, не разделял радости по поводу его торжественных речей.

— Нам сообщили, что господин Эурелиус купил вас, как рабыню. Хотя это запрещено законами нашей Империи. Если это правда — ему грозит тюрьма. А вам мы как пострадавшей стороне выплатим компенсацию.

— И, разумеется, вернём свободу, — подхватил второй охранитель.

Вот же он, шанс. Сейчас она скажет, что они правы. Эурелиуса заберут в тюрьму, а она получит компенсацию и сможет вернуться домой, к Эдмону. Диара задумчиво посмотрела на травника. Он стоял как всегда невозмутимый, словно это не его пришли арестовывать. Но почему то, последние дни ей всё чаще и чаще казалось, что это маска. А потом пришли запоздалые мысли, что ведь он то ей ничего по-настоящему плохого не сделал. Ей стало страшно при мысли о том, что случилось бы, попади она к Грацию в рабство. Вот тот бы уж точно воспользовался своим положением хозяина во всех смыслах.

Диара снова перевела взгляд на травника. Он, наверное, читает мысли и чувствует, когда она его боится. А, может быть, даже знает, что вот сейчас она размышляет, предать его или нет. Почему она воспринимала ответ охранителям как предательство — Диара не смогла бы ответить даже самой себе. Ведь это было бы честно — ответить им правду и в то же время... Несколько минут

пролетели как секунду. Дальше молчать — означало вызвать подозрения, и Диара сказала, постаравшись, чтобы это прозвучало как можно искреннее.

— Нет, что вы, господа охранители, какое рабство? Я нанялась помощницей к господину Эурелиус по собственному желанию.

— Благодарим вас, — после такой же небольшой паузы, — ответили охранители. — Простите за беспокойство.

Когда за ними закрылась дверь, Диара почему то с облегчением выдохнула и опустилась в кресло. Ложь далась ей тяжело. Она боялась поднять голову и посмотреть на травника. Почему? Сама не знала. Может быть, боялась увидеть что-то, что ей не понравится.

— Спасибо, — вдруг нарушил тишину он. Ей показалось, или Эурелиус только что поблагодарил её. Она изумлённо подняла голову, чтобы на секунду встретиться с его холодными глазами и заметить в них искры какого-то чувства. Потом травник отвернулся и излишне торопливо, как показалось ей, вышел из комнаты, оставив её в недоумении.

Утром она проснулась сама. Гастин ещё не пришёл. Открыла глаза и ахнула в изумлении. Возле окна стоял туалетный столик из тёмного дерева, а на нём... Цветы. Обычные полевые цветы. Те, которые она любила собирать и приносить отцу в лабораторию и те, которые всегда так замечательно пахли... Она закрыла глаза, на секунду представив себя дома, потом вздохнула и нехотя открыла. Но цветы никуда не исчезли. А ещё на столике не было никаких записок, вообще ничего, что объясняло бы откуда они взялись. Только сами цветы, которые до жути неуместно (как она сейчас ощутила) смотрелись в этом мрачном особняке.

Не в силах разгадать эту загадку, Диара встала, намереваясь привести себя в порядок и направиться в столовую, когда увидела то, что изумило её ещё больше. Каким-то чудесным образом в комнате появилось зеркало (наконец-то!) и даже гребень. Кто это о ней так позаботился? Неужели тот, кого язык не поворачивался назвать хозяином?

Её настроение сегодня не мог поколебать ни обычно молчаливый Гастин, ни завтрак в мрачной столовой. После приёмных часов (интересно, бывает ли у травника выходные) Диара уже собралась, было, вернуться к себе в комнату, когда Гастин наконец-то нарушил своё молчание, чтобы сказать, что её зовёт хозяин.

Поднимаясь вслед за дворецким в кабинет к травнику, она не могла не спросить себя — зачем она ему нужна. И не смогла найти ответ. Но если где-то в глубине души Диара думала, что отношение Эурелиуса после утреннего подарка хоть как-то изменится, то их встреча заставила её почему-то разочароваться. Капельку, но всё же разочароваться.

— Вы звали меня? — Спросила она, когда молчание стало уже надоедать. Почему то она чувствовала себя так, словно её рассматривают и оценивают.

— Да. Если тебе чего-то не хватает из одежды или, — он махнул рукой, не зная, наверное, какое слово вставить. А Диара поняла, что Эурелиус так прячет что-то похожее на смущение. — Одним словом, завтра с утра Гастин собирается в город. Ты можешь поехать с ним.

Диара постаралась не выдать ничем свою радость, по крайней мере внешне, всё время забывая, что травник то ли читает мысли, то ли что-то близкое к этому. Она попадёт в город, одна, без него! А там уже делом случая будет зайти, допустим, в книжную лавку и сторговавшись купить книгу дешевле той цены, за которую выставлена. А разницу забрать себе. А, может быть, она сможет отправить письмо Эдмону прямо завтра. Она едва не напевала от радости. Если бы Эурелиус хотел бы ей это запретить, прямо или косвенно, он бы так сделал. А пока — она свободна и раз свободна — значит она этим воспользуется.

Поклонившись травнику, который так и стоял, молча глядя на неё и Диара бы даже сказала — обречённо (нет, ей наверное, это почудилось), она бросилась обратно в свою комнату, писать письмо Эдмону. Дверь подпёрла изнутри единственным креслом. Если Гастин или сам травник захочет зайти, скажет, что она переодевается. Быстро достала из книги чистые листы, а запасное перо с чернильницей она чуть ли не в первый день отыскала в приёмном зале. Теперь дело за малым — написать само письмо и сообщить, где её искать. Подумав немного, начала выводить буквы на белизне листа.

«Милый Эдмон, я в Римасе, Империя, меня продали в дом травника. Приезжай скорее. Твоя Диара»

Да. Так кратко написать будет лучше всего. Она объяснит Эдмону потом, при встрече, что с ней случилось. Диара сложила письмо и убрала. В отделении портальной почты на её письмо поставят свою печать и отправят, почти мгновенно, в любую точку страны. Наверное, и в Королевство, по

идею, письмо тоже должно будет прийти так же быстро. Вопрос в том, сколько это будет стоить. Но ответ она узнает завтра. А сегодня надо спать.

Утро принесло проливной дождь. Когда Гастин пришёл за ней, Диара была уже одета. Она проснулась ещё на рассвете и не могла заснуть, ужасно переживая, что случится что-то, что не позволит ей вырваться в город и отправить письмо, что-то страшное. Но, к её радости, по крайней мере, первая часть её ожиданий не оправдалась. Они преспокойно отправились в город. Разумеется, пешком. Травника она с утра не видела, хотя была уверена почему то, что он уже проснулся.

После тех цветов на столике, после разговоров с охранителями, Диара сама не знала — хочет ли она видеть Эурелиуса или нет. И письмо. Письмо для Эдмона. На протяжении последних дней, что она жила в доме травника, Диара каждый день перед сном представляла перед глазами образ своего жениха. Красивого, с правильными чертами лица, изящного, светловолосого. Этот образ спасал её, когда она пленницей ехала в Империю, давал силы жить дальше. Но вот сейчас, когда она судорожно сжимала письмо для него, когда должна была больше всего думать об Эдмоне, Диара вдруг с ужасом поняла, что при мысли о нём, сердце не колотится как прежде. И что ещё хуже — что образ его побледнел. Раньше она вспоминала его лицо, улыбку, морщинки на лбу, взгляд и могла описать в мельчайших подробностях, она видела его как живого, а сейчас образ Эдмона поблек, словно выцвел и она уже с трудом напрягая память могла вспомнить его лицо. Но то, что делало его именно её Эдмоном, его взгляд и его улыбку она почему-то забыла. И от этого становилось так больно и непонятно...

В Риме всё шло по плану. Гастин не отходил от неё ни на шаг, но в лавки с ней не заходил, видимо, получив такие указания от Эурелиуса. У Диары не было какого-то особого плана на этот счёт. В конце концов, если не получится от него сбежать, за деньги она сможет попросить любого мальчика-посыльного, что в изобилии крутились в лавках и возле них. Чтобы не вызвать подозрение, она купила несколько невинных мелочей вроде шпилек для волос или пары удобных туфель (о которых в прошлую прогулку с травником они просто забыли). Торговаться она не умела, но пришлось. Сначала было непривычно, но Диара быстро втянулась. Всё-таки отец часто посылал её за покупками, не доверяя некоторые свои механические вещи никому, кроме неё.

В результате, когда Гастин купил в городе всё, что хотел, а она обзавелась необходимыми мелочами, пришло время отправить письмо. В книжной лавке, которая ей на радость соседствовала со зданием портальной почты, Диара осталась надолго. Она специально ходила между шкафов с книгами, поглаживая выцветшие корешки. И даже действительно заинтересовалась книгой по прикладной механике. Большие картинки самых простеньких изобретений, шестерёнок и колёсиков различного размера напомнили её об отце. Так же как и та трава, галискаас, кажется. Поэтому Диара не раздумывая, купила книгу. Когда дверь лавки хлопнула, впуская следующего покупателя, она старательно скосила глаза, чтобы увидеть, как Гастин неторопливо входит в дверь лавки напротив. Видимо, устал ждать её. Вот она, удача.

Диара быстро попрощалась и выскользнула из лавки, а потом, оглядываясь, почти бегом, забежала в здание портальной почты. Главное, чтобы Гастин не заметил, куда она заходила, главное, чтобы не увидел. Кусая губы, она быстро отдала письмо. Золотых риллов хватило едва-едва. Диара, постоянно оглядываясь, произнесла заученный наизусть адрес, дождалась отправки и только тогда, едва сдерживая волнение, вышла на улицу. А минутой позже из соседней лавки появился Гастин. Да, если она не научится скрывать своё волнение, Эурелиусу не нужно будет даже мысли читать, или что он там делает, чтобы определить, что она чувствует.

— Уже поздно. Пора домой, — ради двух коротких фраз разжал наконец губы Гастин. — Ты всё купила?

— Да, — кивнула Диара. А в груди разливалось приятное тепло. Она наконец сделала то, что должна и теперь только вопрос времени, когда за ней придёт Эдмон. Письма, отправленные через портальную почту терялись так редко, что эти случаи заносили в историю.

Глава 6

Утро принесло впервые за много дней радость, чистую и незамутнённую. А ещё почему-то облегчение. Она написала письмо Эдмону и теперь остаётся только сидеть и ждать его. Но было и ещё что-то. Словно она выполнила свой долг и могла теперь просто жить. Хотя, какой же Эдмон долг? Это её любимый, её жених. И она несомненно его любит.

Перед приёмными часами она решила разыскать хозяина, чтобы взять у него настойку, заказанную заранее покупателями. В кабинете было пусто. Диара постучала несколько раз, потом толкнула дверь. Она открылась, со скрипом, открывая её взгляду небольшую мрачную комнату со столом и одиноким стулом. Очертания комнаты терялись в такой привычной уже для неё темноте.

Интересно, где он ещё может быть? Лаборатория, спальня? Может Эурелиус и вовсе уехал куда-то?

По пути к лаборатории, Диара столкнулась с Гастином.

— Ты к хозяину? — Нарушил он своё неизменное молчание.

— Да, — кивнула она. — Господин Эурелиус должен был к сегодняшнему дню сделать настойку для госпожи Таассис.

— А, пойдём. Настойка у меня. Хозяина в ближайшие дни лучше не беспокоить, — выдал необыкновенно длинную фразу Гастин.

— А что с ним? — Не сказать, чтобы ей это было действительно интересно, но Диара зачем то всё же спросила.

— Приступ меланхолии, — уклончиво ответил Гастин. — Бывает. Он не любит, когда его беспокоят в такие дни. Идём.

Диаре ничего не оставалось кроме как последовать за ним. Приступ меланхолии? По-моему жизнь в этом доме — один сплошной приступ меланхолии. К тому же у травника да чтобы не нашлось лекарства от этого приступа. Тут, наверное, что-то другое. Правда, её это вряд ли должно интересовать. Жизнь в этом странном доме без его пугающего хозяина будет только лучше. Она сама не знала, почему при мысли об Эурелиусе мурашки пробежали по коже.

После приёмных часов, Диара решила зайти в библиотеку. Почитать про законы и традиции Империи. А в комнате своего часа ждала механика. Если бы она хотя бы на четверть разбиралась в чертежах и механизмах своего отца, она бы тут не сидела сейчас. Закрыв глаза, она представила родной Гаст и небольшую лавку механических изделий, то над чем так упорно трудился отец. Если бы всё можно было вернуть назад, она бы помогала ему, вместо обучения в пансионе, она бы заменила отцу недостающего наследника. Но... Не дело женщинам занимать место мужчин. Так когда-то сказали ей.

Из грёз её вывел чей-то то ли стон, то ли вздох, раздавшийся почти на грани слышимости. Диара вздрогнула и с опаской посмотрела на дверь. Там было пусто. Медленно она подошла к двери и заглянула в коридор. Никого. Но откуда то должен был исходить этот стон. Кто-то же издавал его. Решившись, она вышла в коридор и направилась в то крыло, в котором раньше никогда не была. И не пройдя и десяти шагов, замерла на месте, услышав шёпот:

— Сюзан! — Столько боли и тоски было в этом вздохе, что у неё вдруг перехватило дыхание.

Она направилась туда, откуда слышался голос. И замерла перед раскрытой дверью, не в силах заглянуть туда. Как будто она остановилась в двух шагах от чьей то тайны и было бы очень нескромным узнать её.

Но может быть этому человеку требуется помощь? Вот только она до сих пор не знала о существовании в доме травника кого-то помимо самого травника и слуг, кого-то, кто мог бы вот так вздыхать. Она заглянула за дверь и застыла, поражённая. На полу, привалившись головой к креслу, полулежал сам господин Эурелиус. Глаза его были закрыты, лоб покрыла испарина, волосы растрепались. Одного взгляда на него хватило для того, чтобы понять — он болен и бредит. И болезнь его наверняка серьёзна. Почему же Гастин так спокойно и невозмутимо сказал, что у хозяина всего лишь приступ меланхолии? Его ведь лечить надо.

Диара, было дёрнулась сбегать, за зельем от лихорадки, которое хранилась в приёмном зале, потом вернулась, решившись всё-таки осмотреть травника. Он казался сейчас таким нестрашным и абсолютно беззащитным. Она села на колени и наклонилась, чтобы потрогать его лоб. Если у него сильный жар, поможет только настойка дикого корня.

Диара дотронулась рукой до лба Эурелиуса и едва не закричала от ужаса, когда он вдруг перехватил её руку. Посмотрела на него. Глаза открыты, но на губах блуждает блаженная улыбка. Она вообще никогда не видела, чтобы он улыбался, тем более улыбался так. А травник повторил:

— Сюзан, — и потом добавил, — Ты наконец пришла? Я ждал.

— Тихо-тихо. Я не Сюзан, — сказала она, пытаясь осторожно разжать его руку. Но травник перехватил её только сильнее.

— Не уходи. Останься.

— Не уйду, не бойся, — тихо ответила она, лихорадочно раздумывая, что делать дальше. Позвать Гастина? Вряд ли он услышит. Вернуться в комнату она не сможет. Травник даже в бессознательном состоянии держал крепко. Остаётся только либо уговорить его отпустить её, либо дожидаться пока он не придёт в себя.

И если первое ещё как-то было возможно, то второго ей, может быть придётся ждать вечно. Диара вздохнула, раздумывая с чего лучше начать разговор и осмотрелась. Возле кресла, на которое так замечательно опирался травник, лежали в беспорядке пустые пузырьки. Она с трудом дотянулась до одного и поднесла к носу. И тут же скривилась. Настойка как раз таки дикого корня. В другом было что-то, на запах напоминавшее земляничный лист с мёдом. Наверное, личное изобретение Эурелиуса. Возможно ли такое, что он каждый месяц страдал от неизвестной болезни, а в лаборатории искал от неё лекарство?

Диара не знала, что и думать. Но следующая находка заставила её возмущённо вздохнуть. Когда она вдохнула горьковато-сладкий запах из пузырька, у неё закружилась голова и на краткий миг мир заволочло туманом — она снова увидела отца. Дурман-трава. Так просто. Вот и причина столь странной и таинственной меланхолии. А она почти поверила в его громкие слова тому несчастному мужчине, который умолял продать ему дурман-траву. На какую-то секунду, ей стало стыдно за свои мысли, а потом горячая жалость захлестнула её. В его жизни произошло, наверное, что-то настолько тяжёлое, что заставило его прибегать (и судя по всему не раз) к дурман-траве. И, наверное, это как-то связано с таинственной Сюзан. Да вот только ей до этого какое дело? Она подняла голову и пристально посмотрела на травника, словно надеясь, может быть, неосознанно, что он придёт в себя. Но Эурелиус застонал и уронил голову на грудь, а с его губ опять сорвалось:

— Сюзан.

— Тихо-тихо, я не Сюзан, — попыталась опять вытащить свою руку Диара, но безуспешно. Травник держал её мёртвой хваткой. А на губах его блуждала странная безумная улыбка.

Что же ей делать? Ситуация была глупая просто до абсурда. Уговорить человека, который не владеет собой и пребывает сейчас где-то в своих грёзах, отпустить её, не представлялось возможным. Поэтому Диара выбрала самый безболезненный вариант. Она села на полу, рядом с травником, и прислонилась головой к креслу. Так было не больно и рука не сильно немела. Помочь она всё равно Эурелиусу не сможет. Но, может быть, когда ему станет чуть лучше, он вспомнит о ней и отпустит.

— Что ты здесь делаешь? — Диара вздрогнула и открыла глаза. Видимо, она задремала в таком глупом положении. Надо же было такому случиться! Наверное, сказалось напряжение и волнение последних дней.

На неё смотрел совершенно осмысленным взглядом Эурелиус. Он больше не держал её. Рассказать всё как было, или солгать? Но ложь, как учил её отец, допустима только в крайних случаях. Он всегда говорил только правду.

— Я была в библиотеке, когда услышала стон. Вышла посмотреть, кто это стонет и наткнулась на вас. Вы выглядели больным. Я хотела помочь, когда вы схватили меня за руку и отказались отпускать. Пришлось сесть рядом. И, видимо, я задремала, — Ответила Диара спокойно, стараясь, чтобы голос не дрожал. А ну как травник её выгонит или продаст тому же Грацию, за то, что видела его таким?

— И всё? — Травник пристально смотрел на неё. Диара чувствовала себя странно неловко под его взглядом. Он словно видел её насквозь. Может, и впрямь читает мысли?

— Ну... — она замялась, ожидая расспросов, криков, наказания, чего угодно, но Эурелиус встал и отошёл к окну. И только сейчас она поняла, что окно было открыто. Для этого дома просто невозможная роскошь. Под угасающим светом летнего дня травник выглядел призрачно. Бледный, взлохмаченный, под глазами пролегли тени, скулы резко очерчены, тонкие губы сжаты. Она в первый раз увидела в нём не хозяина, а просто человека, несчастного и одинокого. И почему то от этого Диаре стало жарко.

— Я говорил про Сюзан, да? — Она растерялась, услышав вопрос, потом осторожно ответила.

— Да.

— Я так и думал, — он сказал это с печальной обречённостью таким голосом, что у Диары отпало всё желание колко напомнить ему про его же слова о дурман-траве. Помолчав немного, Эурелиус добавил. — У тебя, наверное, возникли вопросы, много вопросов. Но я пока не могу на них ответить. Не сегодня. Мне очень жаль, что ты видела меня таким. — И добавил уже жёстче, как обычно говорил с ней, — В следующий раз я буду закрывать дверь, такого не повторится.

— В следующий раз? — Не смогла всё-таки сдержаться Диара. — То есть без дурман-травы жизнь невозможна? А что же вы тогда говорили про сильных людей?

— Ты не понимаешь... — тоскливо протянул травник.

— Отец учил меня никогда не лгать людям.

В комнате повисло молчание, зыбкое, почти осязаемое. Оно давило своей недосказанностью. И вот кто её за язык тянул?

Но Эурелиус никак не отреагировал на её слова, и Диара, медленно направилась к двери. Все глупости, которые могла совершить, она уже совершила. Нужно уйти, до того, как травник опомнится. Иначе, он ей, наверное, припомнит все её слова. Но у самого порога её догнало:

— Следующего раза не будет, я обещаю.

Глава 7

Да какое ей дело до его обещаний?! А вот поди ж ты, она думала о его словах весь оставшийся вечер и ночь. Злилась, досадовала на себя, но думала. Ей, всё-таки надо не хозяйина жалеть, а думать о своём женихе. Но образ Эдмона со временем выцвел, потускнел и походил скорее на картинку, портрет кого-то давно знакомого, чем на живого человека. Но ничего, когда Эдмон приедет за ней, всё изменится. А в том, что он обязательно приедет, Диара не сомневалась. А травник... Ну жалко ей его. Разве жалость — это преступное чувство? Вот только чем она может ему помочь, да и нужна ли ему её помощь?

А утром она не поверила своим ушам, когда Гастин передал ей, что хозяин попросил её съездить в город за некоторыми травами. Он не очень себя ещё хорошо чувствует после вчерашнего. Ну да, кто бы себя ещё и чувствовал нормально после такого? Приём на время болезни травника прекратился, так что пару дней минимум она была предоставлена сама себе. И вот её отпускают в город, да ещё и с деньгами!

Странно, но выйдя из дома (благо, дорогу до Римса она запомнила хорошо), Диара не почувствовала никакого волнения или радости. Она выяснила ещё в прошлые прогулки по городу, где можно нанять экипаж в приграничный Тавер. Границу можно пересечь и без документов, надо только знать где и с кем. Но... Она ведь написала Эдмону, где находится. Дело за малым — только дожждаться его. И почему то сейчас это виделось единственно верным выходом. Если пока она сидела в телеге, тщательно охраняемая после продажи тётушкой, её единственной мыслью было бежать как можно скорее, то сейчас никакого смысла в побеге не было. Лучше она подождёт Эдмона в доме травника.

Интересно, кем была эта таинственная Сюзан? Да нет. Это её не должно касаться никаким образом. Какое ей вообще до этого дело? Зато если Эурелиус, из-за этого странного обещания, данного ей, бросит предаваться своей меланхолии, значит всё, что произошло, случилось не зря.

Римс жил своей неторопливой жизнью. Прогуливались степенные матроны под ручку со своими благоверными, проезжали экипажи, разносчики газет выкрикивали новости. Город был тихим и провинциально уютным. И как это она раньше не заметила, как здесь красиво? Купив необходимых трав (продавец запомнил её, видимо, с прошлого раза, и был сама любезность), Диара решила прогуляться по городу. Свободно, без сопровождения. В королевстве это было бы редкостью, ведь она не достигла совершеннолетия по закону. Но в Империи царили немного другие порядки.

Она вдыхала полной грудью, наслаждаясь каждой минутой. Жаль только, что эти минуты имеют свойство быстро заканчиваться. Деньги, выданные ей на травы и только на них, тратить на еду, Диара посчитала обманом, а до обеда осталось не так уж и много времени, если верить часам, что висели на ратуше на главной городской площади. А значит стоило поторопиться.

Решив побыстрее добраться до своего временного дома, Диара свернула с площади в переулок. Они с травником так возвращались. Заодно обновить в памяти дорогу. Через несколько минут она услышала странно знакомый голос. Ещё не успев сообразить, что произошло, она инстинктивно вжалась в стену ближайшего дома. И вовремя. Из соседнего дома выходил секретарь Его Величества. Он о чём-то разговаривал с молодым человеком. Диара вздрогнула, представив что случилось бы, встретиться она с Грацием. Явно ничего хорошего из этого бы не вышло. Подождав, пока они завернут за угол, Диара перебежала на другую сторону улицы и поспешила домой.

К обеду она всё-таки вернулась домой. Растрёпанная и напуганная, зато вовремя. Нет уж, больше она не будет выбирать такой короткий путь. Хватит с неё. Умом Диара понимала, что пока Граций в городе, она не может быть спокойна. Встреча с ним теоретически возможна везде. Но всё-таки короткими путями она больше ходить не будет.

А за обедом её ждал сюрприз. И даже она сама не могла понять — приятный, или нет. В столовой её встретил Эурелиус. Бледный, с кругами под глазами, но уже меньше похожий на призрак. Он соизволил спуститься к обеду потому что воспоминания не давали обедать в одиночестве, или всё таки была какая-то другая причина? Вместо приветствия (хотя, травник, кажется, очень редко

вспоминал о нормах этикета, принятых в обществе) она услышала:

— Вы кого-то опять боитесь. — Это прозвучало утверждением, а не вопросом. И почему-то Диара даже не удивилась, что травник почувствовал её. Скорее всего лишь эмоции, иначе бы знал, кого именно она боится.

— Да, встретила с одним неприятным человеком, — ответила она.

Травник поднял на неё взгляд. Диара научилась уже различать за напускной холодностью его эмоции. Поэтому она не испугалась. Кто ей запрещал смотреть ему в глаза? Свечи создавали странную иллюзию спокойствия в этот раз. Может быть, они светили ярче чем обычно, но почему то после прогулки под ярким солнцем Римса, столовая в первый раз не показалась ей ни мрачной, ни тёмной. А травник, сидящий напротив больше не вызывал страха. Только любопытство и, пожалуй, жалость. А может быть, виновата странная игра света и тени, причудливо переплетавшихся на полу. Обычно она ела быстро, не оглядываясь по сторонам. И только сейчас заметила странную прелесть в таком освещении.

Эурелиус первым опустил взгляд, и Диаре показалось или он усмехнулся? А потом вдруг нахмурился.

— Уж не Грация ли ты встретила?

— Его, — не стала отрицать она. Пожалуй ей даже было немного любопытно, долго ли травник будет защищать её от секретаря Его Величества. А главное, сможет ли он? Ведь у любимцев короля везде руки, а ещё преданные слуги. Хотя, не приведи Небо, ей почувствовать эти руки. Но страха, даже при мысли об этом, она почему то сейчас совсем не чувствовала. Возможно, виной тому, непривычная обстановка в столовой. Так что даже свечи светили как-то по новому.

— Он опять разговаривал с тобой?

— Боюсь, если бы он меня заметил, дело не обошлось бы только разговорами, — невесело усмехнулась Диара.

— Он тебя не тронет, — ровным спокойным голосом произнёс Эурелиус. Но ей показалось или травник на секунду сжал кулаки. И какое ему вообще до неё дело? Справедливость? Вряд ли. Хотя, она слишком мало его знает. Может, он так же защищал бы любую девушку от посягательств Грация. Почему только ей так хотелось, чтобы не любую. Она внезапно смутилась от собственных мыслей и потупилась. Скорей бы приехал Эдмон! Он должен был уже получить её письмо. А от Гаста до Римса даже торговыми путями не больше двух недель пути. Верхом — быстрее. Конечно, какое-то время ему нужно, чтобы собраться, но...

— Ты купила то, что я просил? — Задумавшись, Диара не сразу услышала вопрос. А когда подняла голову, не поняла сердится травник или нет.

— Да, конечно. Я отдала Гастину.

— Тогда я хочу, чтобы ты сегодня помогла мне приготовить одну микстуру.

— Надеюсь, не с дурман-травой? — Не смогла сдержаться Диара.

— Нет, — неожиданно спокойно отозвался травник, — я завершил эксперименты.

Диара промолчала, предпочитая поверить. Какое ей дело в сущности было до него? Но почему то она сама не могла сказать, что заставляло её со вчерашнего дня думать о нём. Наверное, жалость.

Обед они закончили в молчании. После него травник жестом указал ей следовать за ним. Он привёл её к знакомой двери. За ней была лаборатория. Интересно, почему он сам изменил своим указаниям никогда не заходить к нему в лабораторию? Понадобилась её помощь?

— Я собираюсь варить микстуру, которую у меня недавно заказали. От детской хвори. — Диара кивнула. Она вспомнила эту микстуру, которую приходил заказывать видимо, отец. Она стоило достаточно дорого, потому что при её составлении учитывался вес девочки, симптомы неизвестной (по крайней мере ей самой) болезни, возраст, и даже цвет глаз. Уж каким неведомым образом травник сумел найти индивидуальный состав для такой микстуры, неизвестно, но теперь она будет участвовать при её создании. Диара ощутила странный трепет, как тогда в прошлом, когда заходила в лабораторию отца, а он, улыбувшись, показывал ей с необычной гордостью странные механизмы, изобретённые им самим. — Обычно я справляюсь сам, но сегодня, гм, не лучший день, — продолжил травник.

Ну да. Диара удивлялась, что после вчерашнего он вообще на ногах стоял.

— Для меня лучший отдых — это моя работа, — ответил он ей, скупой улыбнувшись. И опять словно угадав её мысли. Улыбка вышла кривой и однобокой, но Диаре она понравилась странно больше, чем та счастливая полубезумная усмешка, с которой вчера он звал Сюзан.

— Что нужно делать? — Она с готовностью посмотрела на Эурелиуса и улыбнулась открыто. Наверное, в первый раз после того, как её продали.

— Я буду добавлять ингредиенты строго по часам. Когда я скажу — нужно будет помешивать и одновременно засыпать следующий. А я буду нарезать травы. Доверил бы тебе нарезать, но это слишком сложная работа. Чуть меньше или чуть больше — и микстура будет неправильной консистенции.

Диара кивнула, показывая готовность. Травник как то недоверчиво посмотрел на неё. Не поверил, что она поняла и готова следовать инструкциям? Он просто плохо её знает. Помогая иногда отцу в лаборатории, она ещё и не тому научилась

Следующие два часа они занимались приготовлением микстуры. Диара так увлеклась, что даже забывала краснеть, когда их руки случайно встречались в танце над небольшим котелком. Когда котелок закипел, Эурелиус смахнул рукой пот со лба и сказал:

— Всё. Можешь уходить.

Диара кивнула и отошла от котелка. Эта скупая фраза, брошенная травником, вовсе не обидела её. Она понимала его, понимала, что он увлечён любимым делом и что ему лучше не мешать, но на пороге, не выдержав, обернулась. И застыла. Эурелиус помешивал микстуру и ложка в его руках танцевала. Туда сюда. Глаза закрыты, прядь чёрных волос упала на глаза. Он выглядел необыкновенно сосредоточенным, а ещё счастливым. Как будто сейчас кроме этих кратких минут для него не было больше ничего. Не таинственной Сюзан в прошлом, не довольно унылого настоящего в мрачном доме.

Диара смотрела на него и просто не могла вернуться к себе в комнату. А ещё так хотелось подойти и поправить эту выбившуюся прядь. Она, наверное, мешает ему. Прежде, чем она смогла себя остановить, девушка сделала пару шагов обратно, в комнату. И застыла. Что на неё нашло? Может быть, травы из этой микстуры обладают каким-нибудь посторонним воздействием? Иначе, как объяснить, что сердце у неё стучало неровно, а ноги словно приклеились к полу. Она не могла и не хотела отвлекать травника, который в странном волнующем свете свечей, казалось, сам источал свет. Но что она тогда тут делала?

А Эурелиус неожиданно открыл глаза одновременно переставая помешивать жидкость в котелке и удовлетворённо улыбнулся сам себе. Потом вдруг поднял голову и увидел её. Диаре показалось сначала, что он удивился, а потом она уловила в его взгляде отголосок какого-то другого чувства. Какого — она не смогла понять, но кровь вдруг прилила к щекам, заставив их гореть.

— Всё... всё получилось? — Заставила она себя выговорить.

— Да, кажется получилось, — кивнул он, удовлетворённо, потом помолчал немного и добавил уже с большей теплотой в голосе. — Всегда волнуюсь, когда готовлю по индивидуальному рецепту. Как в первый раз.

— А когда вы в первый раз приготовили что-то такое? — Диаре было действительно интересно. Она помнила, как отец в первый раз собрал из обычных шестерёнок, винтиков, шурупов и Небо ещё знает чего, механическую птицу, которая распевала простенькую песенку. Он был тогда в восторге, да и она сама радовалась не меньше, а потом и Эдмон. Мысли об Эдмоне заставили побледнеть. Яркие краски дня почему то погасли. Хотя какие яркие, если в этом доме всегда царит темнота? Правда сегодня эта темнота не казалась такой уж и беспросветной.

— Это было несколько лет назад, — живо откликнулся Эурелиус. — Я тогда ещё жил с отцом в нашем поместье. Мой отец был лучшим травником Империи когда-то. Он и учил меня. Под его руководством я сам сварил тогда микстуру для маленькой дочери нашей служанки. Это был мой первый раз, — он даже прикрыл глаза, вспоминая, а когда открыл вновь, голос его прозвучал неожиданно глухо. — А во второй раз у меня не получилось. И Сюзан не удалось помочь.

Диара застыла, поражённая выражением безысходности на его лице. Глаза потемнели, улыбка сменилась гримасой боли, а во взгляде сиял лёд. Она застыла, не зная, что ответить.

— Пойдём в сад, микстуру нужно остудить, — прервал неловкую паузу Эурелиус. Он опять выглядел самым собой, мрачным, взъерошенным и усталым. Словно ничего и не было. Вот только она не

могла забыть.

Когда они так неожиданно после полумрака, царившего в лаборатории, очутились в саду, Диара не выдержала и закрыла глаза. Они слезились, привыкая к свету.

— Могу поделиться эликсиром, который облегчит адаптацию глаз к свету, — предложил Эурелиус, видимо, заметив её состояние.

— Лучше откройте окна в доме, — открыла глаза Диара.

— Мне легче работать в темноте.

— И обедать и завтракать и посетителей принимать? — Скептически спросила она. Почему то после разговора в лаборатории, скованность между ней и травником исчезла. Нет, она не забыла, что он всё ещё её хозяин, но появилось какое-то странное чувство, которому она затруднялась дать определение.

Но Эурелиус после недавнего откровения был необыкновенно молчалив. Он никак не ответил на её колкость, только сидел задумчиво на крыльце. Диара невольно подняла на него взгляд. На свету он выглядел ещё хуже, чем в полумраке дома. Бледное, почти серое лицо, тени под глазами, растрёпанные волосы и усталость, сквозившая в каждом жесте. Как будто дерево, которое давно сломалось, но каждую весну верно зеленеет побегами, цепляясь за жизнь, пришло ей на ум сравнение.

От остывающей микстуры исходил странный цветочный запах. По небольшому саду возле дома Эурелиуса бродил лёгкий тёплый ветерок. Он будил в Диаре какие-то странные, щемящие воспоминания. Как будто она снова стала маленькой девочкой, стоит с отцом в лесу возле Гаста и ветер играет волосами. Это было одно из самых счастливых воспоминаний. А ещё в нём не было Эдмона. Она не знала, почему, но воспоминание о женихе будило в ней в последнее время что-то похожее на страх. Ей хотелось, чтобы он пришёл, и в то же время казалось, что тогда исчезнет что-то важное, что-то новое в её жизни, но она никак не могла понять, что.

Они оба сидели на крыльце и молчали. И кажется никаких слов и не нужно было. Молчание устраивало обоих.

— Ты тоскуешь по дому? — Первым нарушил Эурелиус это зыбкое молчание. Прозвучало скорее утверждением, чем вопросом. Опять читает мысли или эмоции?

— Да, конечно, — она ответила слишком горячо, чтобы скрыть мгновенное замешательство. Ведь тоскует, верно?

Но лёгкий ветерок был таким же обманчиво-нежным, как и в Гасте. Тёмно-синие полевые лирусы так же покачивались под ветром, а небо было таким же безмятежно синим. В их доме в пригороде давно уже живёт Джефри, а тётушка выкинула все отцовские машины, всё что он не успел оставить ей, все его мечты. Это давно уже отболело, но Диара не хотела лишний раз вспоминать о том, что дом не вызывает у неё ничего кроме тоски. Конечно, она хотела вернуться. Но вот куда...

Она подняла глаза и встретилась взглядом с необычно серьёзным травником. Что-то было такое в его взгляде, от чего жаром обожгло щёки.

— Тогда почему же ты не хочешь отработать деньги и вернуться?

Почему? А в самом деле, почему она не хочет? И может быть, чтобы обрубить себе все пути к отступлению, Диара произнесла быстрее, чем успела подумать.

— За меня заплатят, как только узнают, где я нахожусь.

И опять повисло молчание, на этот раз тягучее, как болото.

— Значит заплатят? — Травник как-то нехорошо усмехнулся, потом развернулся, взял котелок с микстурой и пошёл в дом, оставив Диару в одиночестве сидеть на крыльце. Вот и кто её за язык тянул?

Глава 8

Последующие несколько дней пролетели как один — тягучий, монотонный и невероятно длинный. Диара больше не видела травника. После того разговора, когда он ушёл даже не попрощавшись, Эурелиус словно испарился. Она перестала наткаться на него в приёмном зале, а все зелья и поручения он передавал через Гастина. Она ведь этого хотела, верно? И ждала приезда Эдмона с нетерпением. И одновременно ей было немного жалко. Чего? Она сама не знала. Наверное, только

недавно начавшегося зарождаться доверия. Хотя какое ей в сущности дело до его доверия?

Через несколько дней она опять в одиночку отправилась за травами в город. Запас трав для микстур необходимо пополнять, а поскольку Эурелиус молчал (а может и вовсе куда-нибудь уехал, потому что не попадался на глаза), она решила что теперь это её обязанность. Просить Гастина отправиться с ней не хотелось. Да она и не имела права. В конце концов она же вовсе не обязательно должна встретиться с Грацием. А если и встретится — не утащит же он её посреди улицы. К тому же всегда можно позвать охранителей. Диара отчаянно отгоняла от себя мысль о том, что охранители вряд ли захотят связываться с секретарём Его Величества.

По дороге в Римс она наслаждалась каждой минутой. Воздух казался пьяняще свежим, запахи цветов дурманили голову и в то же время почему то было печально. Словно она видела это всё в последний раз и пыталась удержать в памяти. Даже если она и вернётся, зачем ей этот провинциальный город на задворках Империи? Что связывает её с ним? Это ведь просто страница в жизни — перевернёт и отправится дальше. Но почему то было печально. А ещё на один какой то момент, Диара почувствовала себя словно на краю пропасти. Она вдруг осознала, что если быть честной с самой собой — она вовсе не хотела, чтобы Эдмон приезжал. Она отчаянно пыталась последние дни вызвать в памяти его образ и не могла. Пыталась вспомнить ту теплоту, что чувствовала к нему когда-то или любовь — наверное это одно и то же, и не могла. Словно все эти чувства остались в прошлом, в Гасте, вместе с её прошлым и воспоминаниями, а она отчаянно цеплялась за них.

За своими мыслями она не заметила, как дошла до лавки травника. Машинально она достала список, где записала названия трав и зачитала его продавцу. Потом так же машинально засунула травы в небольшую сумку, висевшую на плече, и расплатилась. А потом вышла на улицу.

Суэта Римса, голоса людей, стук копыт по мостовой внезапно оглушили её. Она присела на лавочку и тут же подскочила. На эту лавочку её усадил Эурелиус в ту, самую первую её прогулку по городу, их прогулку. Она упрямо встряхнула головой. Какое ей дело до этого мрачного человека, который нарочно оставил место для тьмы в своём сердце? А ветер играл её волосами и пахло почему-то галискаасом, совсем как в лаборатории отца...

Она поднялась с лавочки, когда совсем рядом одиноко протрубила труба короткий сигнал. Диара слышала этот звук один раз, давным давно. Когда королевский отряд проезжал через Гаст. Сердце забилось быстрее от нахлынувших воспоминаний. Она повернула голову и как раз вовремя, чтобы увидеть, как королевский отряд въезжает на главную площадь. Она поспешила туда, сама не понимая зачем.

На площади было людно, как будто все жители Римса собрались здесь. Ещё бы. Наверное, не часто приходится воочию лицезреть королевских гвардейцев. Диара подошла поближе.

В центре площади полукругом стояла королевская гвардия. Впереди на вороном коне сидел мужчина, уже в летах, в форме королевского служащего. Низенький, с жидкими волосами и некрасивыми неправильными чертами лица, он производил почему-то отталкивающее впечатление. Интересно, кто это? Но долго гадать Диаре не пришлось. Затрубили трубы, мужчина выехал вперёд и остановился, потом бегло осмотрел всех присутствующих и объявил:

— Я, волею Его Величества, Сируса, глашатай и исполнитель Его Высочайшей Воли, объявляю о желании Её Высочества принцессы Туруальды Эгинской, молодым неженатым девушкам, изъявившим желание, прибыть во дворец не позднее третьего числа следующего месяца для участия в отборе на место фрейлины Её Высочества. Я с отрядом королевских гвардейцев буду находиться здесь ровно три дня. За три дня прошу всех желающих собраться на площади или в гостинном дворе, чтобы отправиться во дворец.

Глашатай важно поклонился и развернул коня. Половина отряда последовало за ним, наверное, в гостинный двор, половина — осталась на площади. Народ медленно начал расходиться, взволнованно обсуждая услышанное. Диара равнодушно повернулась спиной к оставшемуся отряду и направилась домой. Её это не касалось. Становиться фрейлиной при дворце она не собиралась. До неё доходили слухи, что за осиное гнездо представляет из себя дворец. Да судя по тому же Грацию, во дворце вовсе не так безопасно, как представляют себе, наверное, наивные девушки, обрадованные таким заявлением королевского глашатая. Но она была больше, чем уверена, что желающих будет очень много. Кто не променяет свою сытую, но бедную жизнь на возможность хорошо устроиться во дворце?

Свернув с площади на знакомую улицу, Диара вдруг увидела напротив силуэт незнакомого всадника на лошади. Точнее сначала всадник ей показался незнакомым, а потом она поняла, что стоит, хватая ртом воздух. Взгляд, осанка, растрёпанная шевелюра русских волос. Сомнений быть не могло.

— Эдмон! — Окликнула она, даже не замешкавшись. Ну может быть только на миг. Но голос оказался быстрее рассудка. Неужели приехал за ней? Но в сердце поселилась тоска. Какое-то

странное предчувствие сжало грудь словно капканом.

Всадник повернулся. Эдмон. Сердце сначала пустилось галопом, а потом вдруг успокоилось. Она смотрела на жениха, жадно впитывая его образ, вспоминая всё, что было с ним связано, всё, что они пережили вдвоём, его робкое признание, и просьба у отца её руки, и первые свидания в городском парке. Она упрямо заставляла себя забыть растрёпанную нескладную фигуру с ледяным взглядом и с улыбкой, почему то пробиравшей до глубины души. Её это больше не касается. Она вернётся в Гаст, она продолжит такую знакомую с детства жизнь.

— Я вас не знаю, леди, — сухо бросил Эдмон и отвернулся.

Как это? Диара застыла не в силах осознать того, что сказал её жених, ну или тот, которого она звала женихом, всю свою жизнь и на кого надеялась. Она же видела узнавание в его глазах, она же думала, что сейчас он бросится к ней, раскрыв дружеские объятия, как обычно в каникулы, приезжая из университета.

— Подожди Эдмон, — попыталась она ещё раз, увидев, что он развернул коня и собирается уезжать, поверив на какое то короткое мгновение, что его заколдовали. Запрещённое зелье, дурман трава, магия, да что угодно. Это не её Эдмон, не тот друг, которого она знала. — Это же я, Диарлинг, твоя невеста.

Он наконец удосужился повернуться и посмотреть на неё, глаза в глаза, сверху вниз. Он узнал её. Диара могла бы поклясться. А ещё она рассмотрела в его взгляде досаду и даже что-то похожее на злость.

— Вы ошибаетесь, леди, — наконец выговорил он. — Моя бывшая невеста Диарлинг пропала без вести полгода назад. — Эдмон выделил слово «бывшая». — Я очень скорбел по ней вместе с матушкой, но внезапные обстоятельства потребовали моей срочной женитьбы. Извините, ничем не могу вам больше помочь.

И, наконец, развернув коня, Эдмон медленно направился вниз по улице. Диара закрыла глаза и потрясённо привалилась к арке у входа на площадь, возле которой стояла. Неужели это правда, то что она слышала, неужели ей не приснилось? Неужели вот этот мужчина, говоривший с ней, с серыми колючими глазами, в которых нет ни капли чувства (а может и вовсе никогда не было) и есть её друг детства, который признался ей в любви на площади Гаста? Голова предательски закружилась. Ей надо побыть одной.

Но постоять в одиночестве ей не дали.

— Диарлинг, дорогая, надо же, какая встреча! — Диара обречённо подняла голову, уже зная, кого перед собой увидит. Граций, собственной персоной. Наглый, довольный, ухмыляющийся. Паника накрыла её с головой, а ещё злость. Она не сдастся!

А Граций уже подошёл и взял её за локоть, наклоняясь над ней. От его дыхания стало дурно до тошноты. Диар попыталась стряхнуть его руку и почувствовала как что-то острое упирается ей между лопаток.

— Дорогуша, я же сказал, что получу своё. Я привык всегда добиваться своего. И я получу. Было очень неосмотрительно с твоей стороны выходить из дома моего милого друга в одиночестве.

— Пустите! Я буду кричать! — Она дёрнулась и почувствовала, как это острое пропороло ей платье на спине. И теперь уже голой кожей она чувствовала сталь.

— Не будешь, дорогуша, если хочешь жить. Одно слово — и невеста Диарлинг действительно пропадёт без вести.

Он издевался. Диара слишком хорошо чувствовала издёвку в голосе Грация, а ещё угрозу. Он слышал их разговор с Эдмоном. И как бы в подтверждение этому, секретарь Его Величества добавил:

— Я ведь знаю, что ты бесправная рабыня и что Эурелиус купил тебя. Не знаю, почему он не захотел продать тебя мне, (упрямый дурак, он получил бы в два раза больше), но твоя пропaja ровным счётом никого не насторожит. Даже твой милый и замечательный жених предпочёл сделать вид, что тебя нет. А раз тебя нет, то ничто не помешает мне сделать так, чтобы ты действительно исчезла навсегда.

С каждым его словом Диара чувствовала себя так, будто из неё уходит жизнь. Словно она ещё ходила, двигалась, даже говорила, но уже не жила. А Граций словно угадал, что в таком состоянии она ничего сделать не сможет, и повёл её куда-то, подталкивая в спину. Она покорно шла, ощущая

кожей острое лезвие. После встречи с Грацием ей и правда больше ничего не останется, как умереть. Может быть, тогда сделать это сейчас? Неужели жизнь так важна для неё? Повяло галискаасом. Интересно, откуда он здесь? Диара обернулась, чтобы увидеть как королевский глашатай вместе с отрядом гвардейцев завернул в гостиный двор. Вот она — её судьба.

— Помогите! — Крикнула она изо всех сил и дёрнулась, чувствуя, как остриё рисует болью узор на коже. Ну же, Небо, пусть один из них обернётся!

Получилось. На крик обернулся один из гвардейцев, а потом и сам королевский глашатай. Граций, дёрнувшийся было, чтобы её остановить, расплылся в улыбке.

— О, Матрун, как давно не виделись! — Он двинулся навстречу, не отпуская Диару.

— Граций! — Глашатай подозрительно посмотрел на королевского секретаря, потом на неё. — Что происходит? Эта девушка звала на помощь?

— Она так шутила, — улыбка Грация вышла излишне нервной, наверное.

— Я не шутила, — начала Диара и услышала шёпот:

— Расскажешь — найду везде, — Граций мило улыбнулся, так чтобы никто не заподозрил, что он только что сказал.

Диара осмотрелась. Вряд ли если она скажет правду, сможет добраться до дома. Она не знала, какие отношения у секретаря Его Величества с глашатаем и гвардией. Может быть, они захотят вместе с ней пообщаться. И тогда она точно не сможет сбежать. Да и куда бежать? На мгновение перед глазами появился образ растрёпанного черноволосого травника, но она прогнала его. Она сама обидела Эурелиуса. Зачем теперь жалеть о том, чего никогда не будет?

Поэтому она сказала, стараясь, чтобы её слова казались правдоподобными:

— Я хотела бы стать фрейлиной Её Высочества.

Теперь когда слова были сказаны, да ещё и при свидетелях, её никто не посмеет тронуть. Ну, по крайней мере, она на это надеялась. Глашатай осмотрел Диару и чему-то удовлетворённо хмыкнул.

— Хорошо. Там, — он махнул рукой на гостиный двор, — собрались уже четыре кандидатки. Присоединяйтесь.

Глава 9

Алистер устало потёр переносицу. Последние несколько дней у него болела голова. Он выпивал микстуру. Привкус пряности, добавленный в неё, чтобы отбить горечь, скоро наверное будет преследовать его во сне. Он бы мог сделать лекарство конкретно для себя, да вот только стоило ли трудиться?

Последние дни он ни на чём не мог сосредоточиться. Гастин ворчал, что это дурман-трава виновата, но не в ней было дело, точно не в ней. Он догадывался в чём, но запрещал себе даже думать об этом.

— Гастин, — он позвал дворецкого, едва заметно скривившись от боли. Общая микстура почему-то плохо действовала на него.

— Да, господин! — Этот бродяга возник словно из ниоткуда. И тут же, словно отодвинулась завеса и он ощутил весь спектр чувств Гастина — от вежливого интереса до собачьей преданности. С головной болью закрываться от чужих эмоций получалось хуже некуда.

— Госпожа Диарлинг ещё не вернулась? — Алистер попытался спросить небрежно, словно ему нет до неё никакого дела, (да ведь нет же!) но всё же почувствовал удивление, а потом и понимание Гастина. И от этого разозлился. Бездна!

— Нет, ещё не вернулась.

Он ожидал этого ответа, но ждал то совсем другого. Он не должен был отпускать её одну, не имел права. Но раз у неё есть тот, кто за неё заплатит, то значит он и сумеет защитить её. Даже не так. Он имеет на это право. Алистер отпустил Гастина и отвернулся. Он ещё успел встать из-за стола и подойти к окну, прятавшему прохладу летнего вечера за закрытыми ставнями, когда ощутил страх, панику, даже немного боль. Она накрыла его с головой, да с такой силой, что он, Алистер Эурелиус, потоптанный эмпат, с детства всегда идеально владевший собой, не сразу понял, что это не его страх и не его боль. Но тогда чьи же?

Он ощущал себя так, словно бредёт в тумане по лесу, едва касаясь пальцами деревьев и должен угадать, какое из них клён, а какое дуб или ясень, всего лишь по оттенку коры. Алистер прислушался к себе, закрыл глаза, выровнял дыхание и наконец понял, кому принадлежал страх. И тут же испугался. На этот раз сам и по-настоящему. Не столько того, что чувствовать на расстоянии чужие эмоции он мог лишь с теми, кого подпускал к своему сердцу, или, точнее, впускал в свою душу, сколько того, что сейчас случилось.

У него не было иллюзий, что случилось с Диарлинг, теперь не было. Он отошёл от окна, неловко задел локтём подоконник и зашипел от боли. Всё было плохо, очень плохо. Но он ещё успеет к Грацию, если выйдет прямо сейчас. Схватив со стола небольшой кинжал, Алистер бросился вниз и на лестнице столкнулся с охранителями.

— Именем Его Величества, Сируса, вы арестованы за хранение и употребление дурман-травы. Просьба проследовать за нами до выяснения всех обстоятельств.

А вот это уже плохо, совсем. Стараясь не поддаваться отчаянью, Алистер рванулся мимо охранителей вниз по лестнице. Не задумываясь, что ему за это будет и что за сопротивление закону вся его отлаженная жизнь полетит под откос. В бездну этот мрачный дом! Если с Диарлинг что-то случится...

А потом пришла ещё вспышка страха, в глазах потемнело, он услышал голоса охранителей, потом почувствовал сильную боль и провалился в темноту.

Пробуждение получилось болезненным. Сначала вернулась боль в онемевшие (связанные?) руки, потом в голове словно взорвался фонтан из искр, звуков и чувств. Он открыл глаза. Кроме мутного очертания стен в зыбком свете, пробиравшемся через зарешеченное окошко, он не увидел ничего. Попробовал встать. Тело отозвалось болью. Руки и ноги, неожиданно свободные, двигались, хотя и с трудом. Голова болела. Алистер поморщился и осторожно приложил руку к затылку. Так и есть. Шишка. Интересно, чем его так хорошо приложили охранители порядка?

Он сделал несколько шагов к окну. Вид на окраину Римса. Трущобы ещё те. Сколько лет здесь живёт и всё никак не привыкнет. Но теперь, по крайней мере, он знает где находится. Городская тюрьма выходила окнами на трущобы. Интересно, сколько суток он теперь проведёт в тюрьме за сопротивление охранителям, тоскливо подумал Алистер.

Страха или боли Диарлинг он больше не чувствовал. И волновался. А ещё вспоминал.

— Ты ведь не забудешь обо мне? — Эхо голоса Сюзан врывается во все сны. А потом она умирала. Каждый раз один и тот же сон. И только последние несколько дней, во сне Сюзан, его первая и, думалось ему, единственная любовь, отворачивалась от него с немимым укором. Но это скорее игры его совести, которая не оставляла его все эти дни. Он не забыл, ни за что не забыл и никогда не забудет. Вот только семь лет это достаточно большой срок, чтобы первая юношеская любовь превратилась в воспоминание. Он носил бы её на руках и любил и берёг, но Небо распорядилось иначе, оставив в груди незаживающую рану. И вот Диарлинг. Похожая на неё, неуловимо, до дрожи. Но чувств Сюзан в отличие от этой девушки он никогда не читал, не позволял себе этого. Он доверял ей, знал что она никогда не предаст.

И вот последние дни образ Сюзан постепенно сглаживался в памяти, забывался, заменяясь другим. А иногда они и вовсе сливались в один. Он не имел права забывать, но забывал!

Алистер тряхнул головой, прогоняя прочь непрошенные мысли. Пора перестать жить прошлым. Диара нуждается в его помощи, хотя, может быть, и не считает себя вправе принимать эту помощь или хотя бы ожидать её. Она гордая и уже чья то. Подумав об этом, он сжал кулаки так, что пальцы хрустнули. Она боится его и не понимает. А вот того, другого, наверное, любит. Но это ведь никак не может помочь ей сейчас.

За дверью послышались шаги. Ближе и ближе. Пришли, наверное, за ним.

— Алистер Эурелиус, — заскрипела, открываясь, дверь и в проёме возник капитан охранителей. — Просьба проследовать за мной.

Хотя бы руки не посмели связать. Он выпрямился, откинул со лба надоедливую прядь волос и медленно направился вслед за капитаном. За хранение и употребление дурман-травы полагается штраф, за попытку побега — несколько суток тюрьмы. И вот этого он никак не мог допустить. Сейчас на счету каждая минута. Надо договориться, причём так чтобы выгодно было им обоим. Он ведь пока не знает, где искать Диарлинг и что с ней произошло. При мысли о ней, в груди поднималась ярость и ещё тоска. Если Граций что-то с девушкой сделал... Алистер сжал кулаки, пытаясь погасить волну ярости в груди.

Капитан остановился перед кабинетом и впустил его внутрь, затем вошёл сам. Никаких охранителей или оружия. Алистер попытался ощутить чувства капитана, пользуясь тем, что мало кому было известно, что он эмпат. Настороженность и смесь холодного недоверия с интересом, а ещё надежда. Как он и думал. Он зачем то нужен капитану.

— Господин Эурелиус, вы знаете, за что вас арестовали и почему вы оказались в тюрьме?

— Разумеется, — осторожно ответил он.

— В таком случае я предлагаю вам сделку. Вы готовите снадобье для моей Милли, я отпускаю вас.

— Что в нём особенного, в этом снадобье? — Напрягся Алистер. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

— Милли умирает от чахотки. Никто из лекарей не смог помочь ей.

— И вы думаете что это смогу сделать я? — Алистер скептически поднял бровь. Нет, насколько он чувствовал, капитан не врал.

— Мне вас очень хвалили. Если вы хотя бы просто попытаетесь, я забуду случай с дурман-травой.

— Дайте мне неделю и я сделаю всё, что в моих силах, — хмуро ответил он. Сюзан умерла от чахотки. Нет. Он не верил в прощение, но может быть это попытка исправить то, что он не смог сделать тогда.

Но сначала надо заглянуть к Грацию.

Выйдя из тюрьмы, Алистер направился прямо к дому, где как он знал временно жил секретарь Его Величества. Знакомства с этим типом он предпочёл бы избежать в любом случае, но в той, почти прошлой жизни, он вынужден был возвращаться в этих кругах вместе с отцом. Может быть, сейчас, это сыграет ему на руку. Хотя здесь, в этом Небом забытом Римсе никто почти не знает, кто он и откуда. Он сам так решил и не желает менять своих решений. Так надо.

На улице поднялся небольшой ветерок. Он играл кронами деревьев, холодил лицо, задувал под рубашку. Алистер поёжился. Надо зайти домой за плащом. Мысли путались, перепрыгивая с пятого на десятое. Хорошо, видимо, его приложили головой. Он хотел думать о другом и не мог, словно сам страдал одной из тех болезней, для которых выписывал прежде микстуры.

За пару кварталов до дома Грация Алистер почувствовал озноб. Волнение прошло холодной волной, заставило задрожать пальцы рук и зябко подёрнуть плечами. Тело так отвечало на тревогу. Перед домом секретаря руки сами непроизвольно сжались в кулаки. Спокойно! Он нацепил на лицо невозмутимую улыбку, сделал вдох, потом выдох и почувствовал, как постепенно успокаивается. И абсолютно спокойный, уже, по крайней мере, внешне, постучал в дверь.

— Чем могу служить, господин Эурелиус?

Дворецкий Грация знал его в лицо, хотя был он у секретаря Его Величества только по приглашению, а не по своей воле, и всего пару раз от силы.

— Я хотел бы видеть господина Аделиоса.

— К сожалению господина Аделиоса сейчас нет дома.

Он ожидал такое развитие событий. Значит всё ещё хуже, чем предполагал. Но неужели Граций решил рискнуть и думает, что он не вступился бы за Диарлинг, даже если бы её образ не стоял перед глазами, стоило только закрыть их. Её и Сюзан. Или он судит всех по себе?

— Мне срочно. Когда он вернётся? Я подожду.

— Боюсь, что господин Аделиос не вернётся в ближайшее время. Он просил передать всем, кто будет его искать, что он направляется в столицу вместе с господином Тернусом.

— Господином Тернусом? — Интересно, что здесь мог забыть королевский глашатай?

— А вы разве не слышали — Её Высочество объявила об отборе на место фрейлины? Желающие вместе с господином Тернусом отправятся во дворец.

— Вот оно что, — невыразительно ответил Алистер. Он попрощался с разговорчивым дворецким Грация и отправился домой.

Если секретарь Его Величества отправился во дворец вместе с глашатаем на этот абсолютно бесполезный с точки зрения здравого смысла (просто Её Высочество решила развлечься) отбор, то

значит и Диарлинг с ними. В этом он теперь не сомневался. Её поездка была скорее всего подстроена Грацием, вот только он теперь об этом вряд ли узнает. А значит остаётся только одно — отправится вслед за ним.

Глава 10

За те три дня, что скучно и безынтересно прошли в гостинном дворе, Диара всё ждала чего-то. Чего — она теперь и сама не могла понять. Эдмон... Воспоминания о нём отзывались болью, но когда первая боль прошла, она поняла, что думает о нём даже с каким-то облегчением. При встрече здесь, в Римсе, он показался ей странно чужим, как будто тот Эдмон, которого она всегда знала, давно умер. А может это она сама изменилась... Поэтому, когда первая боль схлынула, Диара почти с радостью перевернула эту страницу. Вот только легче ей не стало, потому что из головы упорно не хотел исчезать образ некрасивого растрёпанного травника и его руки, танцующие над котелком. Красиво, завораживающе и так беззащитно. Но это — всего лишь эпизод в её жизни. Был и прошёл.

Она уверяла себя так все эти дни и всё же — ждала, сама не зная чего. Вдруг Эурелиус не захочет потерять такую дорогую рабыню. Хотя... Ей было непонятно с самого начала, что действительно нужно хозяйину от неё. Но дни пролетели, как ветер, игравший сейчас с кронами деревьев, а травник не пришёл. Глупость, но почему так обидно? Глаза щипало, когда она в числе многочисленных претенденток на роль фрейлины Её Высочества покидала Римс. Даже почему то не страшило, что где-то рядом постоянно маячил Граций. Затесался в конец отряда. Она по-прежнему боялась его, но сейчас, когда прямой угрозы не было, страх перед секретарём Его Величества отступил на второй план.

Она не знала, что делать. Будущее было неопределённым и настолько пугающим и туманным, что лучше было бы о нём не думать. А прошлое... В нём оказалось слишком много такого, что она хотела бы забыть. Конечно, Диара думала, что будет делать дальше. Ей надо было заручиться поддержкой хоть кого-нибудь во дворце, чтобы избежать грязных домогательств Грация. А потом со временем она вернётся домой, в Гаст. Правда после смерти отца и предательства жениха и тётки ей некуда было идти. Но, возможно, она сможет получить рекомендации из пансиона, где она обучалась, а потом устроиться гувернанткой в какую-нибудь приличную семью. Там скопит деньги и со временем купит себе небольшой домик, где-нибудь в предместьях Гаста. Только вот почему вместо Гаста ей упорно представлялся Римс, в котором она прожила немногим больше месяца?

В столицу Империи, Диаль, они прибыли на рассвете. Диара даже немного удивилась — как красиво отливали серебром в лучах рассветного солнца белые башни королевского дворца. Она представляла дворец, о котором успела прочесть в библиотеке Эурелиуса, совсем другим, более строгим что ли. Но удивилась так, как будто это всё проходило где-то далеко, мимо неё. Отряд королевских гвардейцев во главе с глашатаем направился прямо к королевскому дворцу, а их, девушек, повезли куда-то влево, по дворцовой территории. Когда экипажи, в которых их везли по трое-четверо, остановились и Диара, осмелев, первая открыла дверцу и выбралась наружу, она не смогла сдержать восхищённый возглас.

Здание, в котором им, видимо, предстояло жить, выглядело немногим беднее дворца. Высокие колонны белого цвета, стрельчатые окна, башенки с радостной разноцветной крышей — всё утопало в зелени. Сначала Диара подумала, что плющ, обвивавший колонны вырос здесь сам по себе и королевский садовник лишь мирился с таким положением дел, но потом она увидела искусно сделанный каркас, почти незаметный для человеческих глаз и восхитилась. Здание перед ней, в отличие от строгой архитектуры дворца, было словно сделано для того, чтобы радовать глаз. Интересно, какое предназначение у него? Но долго осматриваться Диаре не дали. По тропинке от парадного входа к ним шла полноватая женщина в цветах королевской семьи — бордовое на серебре.

— Добро пожаловать, леди. Меня зовут Инира Гаэсс, королевская ключница. Вы будете жить здесь, в корпусе для фрейлин. Располагайтесь. — Сердечно поприветствовала их она. А Диаре хватило одного взгляда, чтобы понять, что эта женщина далека от всех дворцовых интриг и сплетен и будет ей, возможно, хорошей защитой если удастся познакомиться с ней.

Но усталость последних дней навалилась на неё. Да так, что Диара мечтала только об одном — добраться бы до покоев, которые по словам ключницы, они будут занимать впятером. До сего дня она ни с кем из претенденток на роль фрейлины близко не познакомилась. На все их вопросы отвечала односложными фразами, ни с кем не беседовала в дороге. Ну и пусть её ославят гордячкой, ей было не до этого. Да и о чём с ними разговаривать? Претендентки смотрели друг на друга зло, только что искрами не сыпали, хотя до недавнего времени были, наверное, знакомы, а может и дружили между собой. Но перспективы, открывавшиеся перед ними, были слишком уж заманчивыми. Правда если ближайшее время, которое будет длиться отбор (а сколько это кстати?), им придётся делить одну комнату, то поневоле придётся познакомиться. Но Диара об этом не думала сейчас. От усталости кружилась голова.

Ваша комната, леди, — ключница наконец-то открыла им дверь в покои и, указав на неё, удалилась.

Диара вошла внутрь и ахнула. Комната оказалась большим залом, разгороженным ширмой на пять одинаковых комнаток, в которых стояли кровать, кресло, небольшой столик и шкаф с запасным комплектом одежды. Пока другие девушки, временно забыв про вражду, с жаром обсуждали обстановку в комнате, Диара быстро переделась и юркнула в кровать. На сегодня с неё впечатлений хватит.

Диара проснулась от того, что первый солнечный луч, скользнул, словно мимоходом, по её кровати. Она открыла глаза и не сразу поняла, где находится. На секунду почудилось, что она дома, причём не в том, родном доме с отцом, а рядом с угрюмым и нелепым травником, вновь в своей каморке. Нет. Это только почудилось. Подумав так, она испытала странную горечь. Но задуматься об этом ей не дали.

— Леди, вставайте. Её Высочество ждёт вас.

«Что, уже, так скоро? А как же отбор? Неужели она его проспала?» Диара вскочила, растрёпанная и взволнованная. Ей надо было протянуть время. Только бы не встретиться с Грацием.

Но когда остальные девушки, такие же растрёпанные и удивлённые потянулись к двери, оказалось, что встреча с Её Высочеством — лишь начало отбора. И предстать перед ней надо в лучшем виде. Поэтому следующие несколько часов были заняты причёсками и одеждой. Диаре всё это одевание-переодевание было привычно. А вот некоторые девушки — из купчих, а может и вовсе из крестьянок, разглядывали всё вокруг с неприкрытым восторгом, ахая к месту и без места.

Как только ключница, наблюдавшая за ними, ушла, закрыв за собой дверь и оставила девушек наедине со служанками, началась обычная для всех девиц болтовня о причёске и нарядах. На какое-то время даже была позабита и недавняя вражда. Диара помалкивала и этим, видимо, заслужила, если не уважение, то хотя бы доброе отношение к себе. Во всяком случае девушки поспешили представиться ей. Она старалась отвечать приветливо. Наживать сейчас врагов ей точно ни к чему.

Таким образом, к моменту аудиенции у Её Высочества, Диара уже знала, что её соседок по комнате зовут Майла, Элис, Бесси и Тани. Майла и Бесси из семьи малообеспеченных купцов, Элис — дочка прачки и сапожника, а Тани и вовсе сирота, на попечении полуслепой бабушки. Естественно, что девушки всеми правдами и неправдами хотели попасть в фрейлины. Для них это был единственный шанс выжить. Диара молчала. Она не хотела рассказывать о себе. После предательства тётки, а потом Эдмона, единственное, что у неё осталось — это её небольшие секреты и она не спешила ими ни с кем делиться.

В двенадцать часов пополудни, перед девушками распахнулись двери в бальную залу, где Её Высочество ждала их. Скучает. Сразу оценила Диара. Ну да, если то, что она слышала про принцессу правда, то этот отбор и девушки на нём вроде диковинных обезьянок. Полюбоваться и порадовать себя любимую.

— Добрый день... леди, — Перед «леди» Её Высочество сделала паузу и скривилась, как будто кислое яблоко откусила, явно всем своим видом показывая, что девушкам, собравшимся здесь до леди было явно далеко. Девушки и правда вели себя так, как будто только из лесу вышли. Причёски им сделали, платья подобрали, а этикету научить забыли. Кто-то с изумлением и чуть ли ни с открытым ртом осматривал дворец, кто-то показывал пальцем на резные колонны, кто-то перешёптывался. Диара стояла молча, потупив голову. Невесёлые мысли бродили в её голове. Жаль ими ни с кем она не сможет поделиться.

А Её Высочество позвонила в маленький золотой колокольчик, стоявший на подносе возле её левой руки. Тут же вошла служанка, а через несколько минут явилась и ключница, которая подошла к девушкам и тихо, но так, что слышала Её Высочество, называла каждую по имени. Только имена, никаких родов и званий. Диаре это, пожалуй, даже нравилось.

После того, как Инира, представила принцессе всех девушек, Её Высочество, махнула рукой и ключница со служанками исчезли, словно их и не было. А принцесса встала, и подошла к девушкам ближе, рассматривая. Диара почувствовала себя неловко, снова как тогда на рынке рабов. Она гордо вздёрнула голову и отвернулась. Ей задаром не нужно это место фрейлины. Главное — лишь продержаться подольше, пока не подвернётся случай сбежать домой, в Гаст, так чтобы Граций этого не заметил и не смог помешать. Звучало глупо, но какой-никакой опыт в побегах у неё был. Диаре очень хотелось довериться хотя бы кому-то — ключнице с добрыми глазами, или одной из девушек, но она боялась. Слишком больно доверять, а потом враз лишиться доверия.

А Её Высочество вернулась обратно, на свой импровизированный трон, за которым сидела и опять позвонила в колокольчик. Вошла служанка и глашатай Его Величества. «Он то что тут делает?»

Удивилась Диара.

— Леди, вы собрались здесь, чтобы стать фрейлинами Её Высочества, — начал глашатай. Диаре почему то он упорно не нравился. Она никак не могла понять, почему. Может быть, потому что чем-то неуловимым напоминал Грация. — Но Её Высочество недовольна вашим поведением. Сейчас она объявит, кто из вас останется во дворце и дальше, а кто его, увы, покинет.

А вот и первый этап отбора. Уже интереснее. Диара стала слушать внимательней, стараясь не обращать внимания на тоску, которая в этой богатой зале давила ещё сильнее. Её Высочество встала и, сделав драматический жест рукой, начала показывать на девушек, которых по её знаку, тут же выводили из залы служанки. Те кто шептался, изумлённо осматривался, открыв рот, наступал на платке себе или соседке, сразу выбыли. Осталась едва ли половина. И Диара среди них. Она не позволила себе выдохнуть, понимая, что это ещё не конец. Девушки, потрясённые случившимся, стояли молча, никто не позволил себе заплакать. А на что они, собственно, надеялись? На то, что все вместе дойдут до конца отбора? Или то, что будут выбывать постепенно, но не в таком количестве и не в самый первый день?

Когда Её Высочество объявила свою волю, глашатай добавил:

— Оставшиеся леди свободны до следующего этапа.

Леди, сорвались с места, как стая птиц, которую вспугнули. Выйдя из залы, они зашущукались и зашептали все разом. Диара наконец то выдохнула. Надо срочно искать какой-то выход из сложившегося положения. Никто не может гарантировать, что следующий этап не станет для неё последним. А в то, что Граций после этого выпустит её из дворца, она не верила.

После представления Её Высочеству, девушкам не дали даже обсудить произошедшее. Через несколько минут после того, как они разбрелись по своим комнатам, пришла ключница со служанками и пригласила всех на завтрак. Только тогда Диара почувствовала, как голодна. Из их комнаты выбыла Элис и одно место пустовало. За столом, когда их наконец оставили в одиночестве, девушки зашущукались как растревоженный муравейник. Диара сидела молча. И не только потому, что разговоры за едой не поощрялись правилами этикета. Она вдруг впервые за эти дни после отъезда, завтракая в нормальной обстановке вспомнила завтрак в другой столовой, чем то неуловимым похожий на сегодняшний. Скорее всего настроением. Потому что по сравнению с этой роскошной столовой, отделанной в золото с белым, с лепными цветочными феями на потолке, та столовая казалась ещё более мрачной. И в то же время (она сама удивилась) более родной что ли.

По странной прихоти судьбы ей вспомнилась их единственная с Эурелиусом трапеза за общим столом и руки танцующие над котелком. Она закрыла глаза и помотала головой, пытаясь избавиться от навязчивого образа. Она никогда его больше не увидит. И это к лучшему. Пусть грустит дальше о своей Сюзан.

— Диарлинг!

— Да! — Машинально ответила она, повернув голову. Её звала Тани.

— Как ты думаешь, каким будет следующий этап отбора?

— Не знаю, — Диара с трудом подавила зевок. Какое ей до этого дело?

— Тебе как будто неинтересно! — Упрекнула её бойкая, черноволосая и хорошенькая, как куколка Майла.

Если она признается, что ни капли не интересно, начнутся расспросы, а ей сейчас это не нужно. Она с трудом изобразила заинтересованность, хотя ложь и претила её характеру.

— Может быть, нас будут испытывать, насколько мы умные и можем поддержать беседу, — вставила Бесси.

— Может быть.

Ой, девочки, а я и читаю то с трудом, — в ужасе прикрыла рот рукой хорошенькая рыжеволосая девушка. Диара не знала её имени.

— Может быть, как то можно всё-таки узнать, что нас ожидает и подготовиться?

Диара пожала плечами.

— Та женщина, которая привела нас, ключница, должна знать.

— Да, надо спросить у неё.

— Диарлинг, милая, — льстили девушки. И Диара вдруг увидела, что стоит в круге, окруженная девушками. — Мы ж видим, что ты из хорошей семьи и вести себя умеешь. Найди ключницу, узнаю у неё про второй этап, пожалуйста.

Она сначала отказалась, а потом подумала — а почему бы и нет. Заодно и с госпожой Инирой познакомится. Она ведь этого сама хотела. Дождавшись, пока все девушки, как было условлено выйдут из столовой, она пошла за ними, но через пару пролётов свернула в один из коридоров. Если будут спрашивать, что она здесь делает, скажет, что потерялась, а заодно и спросит, где найти ключницу. План был до безобразия прост. Вот только не всему суждено сбыться так, как на это рассчитывают.

Она свернула налево и вдруг вздрогнула, когда на её талии плотным кольцом сомкнулись руки, а знакомый липкий голос прошептал:

— Думала от меня спрятаться? Не выйдет.

Глава 11

Утром Алистер проснулся и с трудом разлепил глаза. Всё тело ныло, болело горло, голова горела огнём. Признаки начинающейся болезни. Он встал, оделся и направился в лабораторию за микстурой. Внешне невозмутимый, такой же как и всегда, но в душе бушевала буря.

Всю ночь ему снилась Сюзан, но перед самым пробуждением её образ вдруг сменился другим. Он почувствовал тепло и нежность и проснулся, улыбаясь. После смерти Сюзан в душе, словно, выжженной холодной зимой, не рождалось никаких эмоций. Но он эмпат. Он жил за счёт чужих. И ему хватало этого. Но с появлением Диарлинг в его жизни, зима начала отступать, оставляя за собой робкие признаки весны. Это было неожиданно приятно, словно он начал жить впервые за последние годы. И он не позволит никому вернуть обратно зиму!

После выпитой микстуры, голова прошла, дышать стало легче. Это — главное. Ему нужна свежая голова. Если Граций и Диара направились во дворец, то он никак не успеет вслед за ними. Тем более, что он обещал ещё приготовить настойку от чахотки. Но это не значит, что он не поедет совсем или будет ждать, пока... Алистер оборвал мысль, сводившую с ума, и невольно сжал кулаки. Потом отправился в лабораторию. Он будет работать день и ночь, но настойка должна быть готова раньше обещанного срока. И у него уже есть идеи.

Алистер подошёл к печи и неуклюже толкнул котелок. Тот упал. Травы, в чёрном мешочке, те, которые он покупал вместе с Диарой, рассыпались по полу. По лаборатории пополз пряный запах галискааса, который почему-то теперь напоминал о ней. Да хотя бы что-нибудь в этом доме могло не напоминать о ней?

Он сосредоточился, пригладил волосы рукой, зажёл печь и закрыл глаза. Так ему лучше думалось. Так, девочка, больная чахоткой...

— Хозяин, — Алистер очнулся, словно внезапно выпал в действительность из своего мира. Пробуждение всегда было болезненным.

— Да, Гастин, — ответил тихо и нехотя.

— Пора ужинать.

Ужин? Значит он уже почти целый день в лаборатории и даже не заметил, как прошло время. Это было хорошо и в то же время болезненно, потому что за всё это время он даже не вспомнил о Диарлинг. Зато теперь воспоминания отозвались такой болью, словно это чужие эмоции сейчас рассыпались в нём фонтаном искр.

Он внимательно посмотрел на дворецкого, служившего ещё отцу верой и правдой. Переживает? Гастин был из тех людей, кто никогда не скажет лишнего слова и замечательно умеет скрывать эмоции. Правда не от эмпатов. Несколько поколений дворецких служивших их старому и древнему роду. Когда они ещё были Де Эурелиусы. Это было давно...

Алистер закрыл глаза, потом выдохнул и снова открыл. Ему некогда предаваться ностальгии. Правда возвращение эмоций отозвалось такой ошеломляющей болью, что он не сразу привык к этому.

— Благодарю, Гастин, — ответил необычно приветливо. Успел прочесть удивление и понимание дворецкого. Слова тут были излишни. За многие годы службы Гастин привык к молчанию хозяина и

понимал его без слов. Но сейчас Алистеру жизненно необходимо было с кем-нибудь поговорить.

Ужинал он в столовой, в полном одиночестве, при мрачном мерцании свечей. И вспомнил вдруг, да так отчётливо, как будто это было вчера, ужин с Диарлинг здесь, в этой же столовой. Её чувства вдруг наложились на его. И стало невыносимо душно и темно в этой мрачной комнате. Не хватало света и воздуха. Она боялась его и тосковала здесь, среди этой темноты.

Алистер вдруг встал, отодвинув тарелки с едой. Он давно уже привык есть, не чувствуя вкуса пищи, но сейчас почему это показалось почти кошунством. Он подошёл и прислонился к резной раме, вдыхая через приоткрытые ставни прохладный воздух летнего вечера. А потом резким рывком распахнул их. Летний ветерок скользнул по волосам, забрался под рубашку и одну за другой погасил свечи, впустив в комнату свет закатного солнца.

Сюзан последний год, лёжа в постели, почти не выходила из своей комнаты. Ставни были закрыты, а камин всегда жарко натоплен. Любой ветерок мог стать для неё смертельным. И он потом почти возненавидел яркое солнце и буйство красок в саду. Зачем всё это, росло, цвело и жило, если не для неё? Но время лечит. И он уже по привычке плотно закрывал ставни, зажигал свечи и поленья в камине даже в летнюю жару. И вот сейчас... Алистеру показалось, что он наконец отпустил призрак Сюзан, являвшийся ему во снах. Пусть спит спокойно в своей могиле между холмов, покрытых сейчас золотым солнцем. Он больше не потревожит её покой.

И она не приснилась ему. В эту ночь — первый раз. Вместо неё была другая. Теперь Алистер точно это знал. Он видел во сне Диарлинг. Но это не был призрак прошлого или отголосок его безумных мыслей. Он увидел её в большом здании. Похоже на дворец, но он не угадывал интерьер. Может быть левый флигель? Или больничное крыло? Девушка медленно пробиралась по коридорам, словно кого-то искала. Он окликнул её, но она так и не повернулась. И вдруг он увидел, как из-за поворота медленно показалась тень того, кого он предпочёл бы вообще не видеть никогда. Граций кошачьей походкой подобрался к Диарлинг, дотронулся до неё и... Алистер почувствовал вспышку ужаса, такого яркого, что даже закричал во сне. И проснулся.

Если то, что он видел правда... Возможно ли что он не успеет? Он сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в кожу. Что же делать? Бежать сейчас же за ней? Да ведь он не успеет, если это уже произошло. Да и в любом случае, глупо рассчитывать, что его пустят во дворец до конца отбора. Только если по официальной аудиенции к Их Величествам и только в память прошлых заслуг отца. Да и что он ей скажет, когда увидит? Она, наверное, уже забыла его. К тому же у неё есть любимый или жених, есть тот, который может и должен её выкупить, имеет на это право. Но, какое ему до этого дело, в конце концов?! Может, он и вовсе не знает ни где она, ни кто такой Граций. И почему он вообще должен уступать её какому-то жениху? Алистера бросила в жар от такой мысли. Она была необычна для него, словно и вовсе ему не принадлежала. Конечно, он не будет неволить её. Но что бы сама Диарлинг не думала по этому поводу, он рад, что встретил её тогда и выкупил.

Он может отправить ей письмо, но даже если оно дойдёт до неё, сможет ли он быть уверенным, что Диарлинг вообще вспомнит его? Глупость какая! Алистер отбросил эти мысли. Они ему сейчас ничем не помогут. Сейчас нужно сделать настойку, как и обещал.

В лаборатории он работал опять до позднего вечера, не замечая ничего вокруг. Но сейчас его мысли нет нет и возвращались и к той, из-за которой сейчас он всё-таки делал эту настойку, чтобы преодолеть смерть. К той, которую он отпустил вчера и которая так долго жила в его сердце. Ведь если, возможно, он успеет, не опоздает сейчас, он наконец перестанет винить себя. Как сказала ему когда-то давно отец, да он не захотел его слушать. Ещё и поэтому он хотел закончить эту микстуру. И будь он не Алистером Эурелиусом, если у него не получится!

Утром, через три дня, лекарство было готово. И он должен быть уверен, что оно помогло. Чтобы потом сразу, не задерживаясь броситься за Диарлинг в столицу. И, возможно, ещё не всё потеряно.

— Я уезжаю во дворец, надолго, — бросил он Гастину, захватив с собой плащ и самые необходимые микстуры. Там в столице его дожидалось отцовское имение. Оно стояло заброшенным. У него не хватило духу остаться там после всего что было. И раньше он думал, что никогда не вернётся. Но у любого никогда есть срок давности.

Алистер вышел из дома и упрямо зашагал к дому капитана охранителей. Он завершит то, что должно было сделать давно.

В доме капитана (он так и не узнал его имени) его встретила темнота и гулкая гнетущая тишина. Неужели опоздал и в этот раз? Он сжал руки в кулаки, потом выдохнул и загородился от чужих эмоций. От боли такой силы можно было сойти с ума. Но неужели уже ничего поделать нельзя? Он пригладил волосы, поправил плащ, разметавшийся от быстрой ходьбы и вошёл в кабинет, не дожидаясь, пока дворецкий доложит о нём.

— Добрый день, господин Эурелиус, — капитан пожал ему руку и устало потёр переносицу. Не надо было обладать эмпатией, чтобы увидеть, как тот устал и осунулся за те дни, что они не виделись. — Вы почти опоздали. Я думаю, что Милли осталось недолго. Вы, конечно, можете дать ей свою микстуру, но боюсь это её уже не спасёт. Только не говорите моей жене.

И капитан устало откинулся на спинку кресла, показывая, что больше разговаривать он не в силах. Алистер прошёл в спальню к девочке, где в гробовой тишине у кровати сидела, прямая как палка, мать, комкая в руках платок. Увидев его, она с надеждой вскочила с кресла.

— Муж всё-таки позвал вас! Упрямец! Он так не хотел к вам обращаться! Вы ничего не подумайте, просто мы...

Алистер не слушал дальше сбивчивые объяснения женщины. В груди снова разрастался холод. Он всегда будет чужим для этого города и его плащ и его нескладная фигура и его умения. Даже несмотря на то, что он так долго живёт здесь. Он — чужак с иными повадками и иным взглядом на жизнь, со странным прошлым и умениями, чужак, которого боятся и предпочитают лучше умереть, чем обратиться за помощью. Он же понимал, что капитана толкнуло отчаяние обратиться к нему.

— Вот. Дайте это выпить дочери. И потом каждый день в течении двух недель три раза в день по ложке.

— Благодарю вас! — Прижала руки к груди женщина и бросилась к микстуре. Но руки у неё так дрожали, что Алистер мягко отстранил её, налил лекарство сам и дал девочке.

Несколько минут ничего не происходило. Слышно было лишь их дыхание, да хрипы, вырывавшиеся из её груди. А потом щёки её порозовели, лихорадочная бледность исчезла, девочка открыла глаза и улыбнулась. Женщина сдавленно всхлипнула и бросилась к дочери. Алистер отвернулся, постоял несколько секунд, а потом вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. Сюзан была бы счастлива узнать о том, что у него получилось, наконец-то, впервые за столько лет. Получилось легко и почти без усилий. Вот только за этим стояло столько лет страданий и поисков в лаборатории, что оно окупилось с лихвой. Наверное, поэтому он ничего сейчас не испытывал. Ни радости, ни эйфории. Вот если бы то, что он сделал оценила другая... Он же видел и чувствовал тогда кроме страха интерес и даже уважение Диарлинг. Если бы вернуть всё назад, он бы сделал так, что в её глазах помимо уважения появилось бы что-то ещё. Ведь он же чувствовал это что-то! Иногда, лёгкое дуновение, как ветерок. Она даже сама не понимала... Стоп! Алистер запретил себе думать. Вот найдёт её, и тогда уже будет размышлять.

Теперь никто и ничто его не остановит на пути во дворец. Он добрался до гостиного двора так быстро, как только мог. Полы плаща развевались за спиной, делая его невообразимо похожим на ворона.

— Мне самую быструю лошадь, — Время словно ускорилося. Алистер не мог стоять на месте и пританцовывал от нетерпения. Его хорошо знали и поспешили исполнить прошение.

Сто рилов — и он уже в седле.

Глава 12

Диара набрала воздуха в грудь, чтобы крикнуть. Страх липкой паутиной опутал разум. Граций, словно предугадал её следующий шаг и зажал рот.

— Тихо. Тихо, красавица. Ты от меня никуда не денешься.

Липкая рука на талии сжималась всё сильнее, Граций прижимал к себе. Вдруг послышались торопливые шаги тогда, когда она уже потеряла надежду. Диару словно отпустил страх. Она начала вырываться и хрипеть. Только бы идущий обратил на неё внимание! Шаги были уже совсем близко, а потом из-за поворота вышла та, на чьи поиски Диара и отправилась — ключница. Усилия были удвоены. И, кажется, ей даже удалось привлечь внимание Иниры, потому что та вдруг обернулась на шум.

Граций ругнулся сквозь зубы, отпустил её и исчез. Диара осталась стоять одна посреди коридора. И тут ей вдруг стало плохо. Ноги перестали держать, голова закружилась, она привалилась к стене. Неужели это никогда не закончится? Неужели он будет её везде преследовать и искать? Как ей остановить это безумие?

— Девушка, девушка, с вами всё в порядке? — Открыв глаза, в расплывающемся мареве, Диара с трудом различила склонившуюся над ней женщину, в которой она не сразу узнала ключницу. Она потеряла сознание?

— Да, — Слово, даже такое короткое, далось с трудом.

— Вы, кажется, одна из кандидаток к Её Высочеству, верно?

— Диарлинг, — кивнула Диара. Сил на большее не было. Встреча с Грацием словно выпила их все. Она не сразу заметила, с каким цепким вниманием смотрит на неё эта обычно добродушная женщина. А ключница не так проста, как кажется.

— С вами что-то случилось, ведь верно? — Диара почувствовала вдруг жгучее желание довериться этой женщине. Она устала всего бояться и всем не доверять. Возможно, она найдёт наконец во дворце ту поддержку, которая ей была жизненно необходима. — Пойдёмте ко мне в комнату.

Ключница помогла ей подняться и, поддерживая, повела, за собой. Через несколько шагов, идти стало легче. Диара выпрямилась и подняла голову, украдкой оглядывая платье. Вроде бы не сильно пострадало от рук Грация.

Миновав несколько коридоров, они пришли. Инира открыла дверь ключом и зашла, пригласив Диару следовать за собой.

— Присаживайся, Диарлинг. — Диара присела на софу, чувствуя, что ноги всё ещё дрожат. — Будешь чай с булочками?

— Спасибо, госпожа Гаэсс.

— Не надо условностей, душенька. Я же вижу, что ты воспитана так, как не всякая фрейлина при дворе. Зачем тебе понадобился этот отбор, право слово, не знаю.

— Я... — Диара оробела немного. Рассказать или нет? Но ключница была так добра, а он вдруг почувствовала такое одиночество... Начинать было тяжело, но потом всё пошло как по маслу. Когда она закончила, в комнате воцарилась тишина.

— Значит вот как, — Ключница помолчала, потом улыбнулась. — Ну и натерпелась же ты. Я помогу тебе, чем смогу. Только вот против Грация я бессильна. А сбежать до конца отбора ты не сможешь. Территория королевского дворца очень хорошо охраняется.

Диара помрачнела.

— Тогда я хотела бы иметь хотя бы нож при себе, на всякий случай.

Инира кивнула.

Потом подошла к небольшому трельяжу, искусно вырезанному из красного дерева, отперла ключом, висевшем на поясе, маленький неприметный ящичек и достала оттуда кинжал. Красивый. Диара даже залюбовалась. С непонятной гравировкой на рукояти. Обманчиво-простой и такой опасный.

— Держи, — ключница отдала ей кинжал. Тебе пригодится больше, чем мне.

— Я теперь уже ничему не удивляюсь, — тихо ответила Диара, зачарованно рассматривая кинжал.

— Да, во дворце, надо быть готовым ко всему, — Инира была абсолютно серьёзна. Серые глаза смотрели печально.

— Зачем вы здесь? — Не удержалась Диара.

— Позволь каждому иметь свои секреты, — грустно улыбнулась Инира. — Итак, что ты хочешь?

— Вернуться домой.

Она сотни раз думала, как скажет эту фразу. Но вот сказала и не почувствовала ровным счётом ничего. Зато тёплый ветер, ворвавшийся в комнату и разметавший волосы, напомнил тот день, когда они с травником сидели на крыльце в такой же солнечный день.

— Домой... — протянула задумчиво ключница. — Но ведь тебе некуда возвращаться.

Когда эта правда была произнесена вслух, стало по-настоящему тоскливо. Услышать то, в чём Диара сама признавалась себе, но лишь тайком. Дома её никто не ждёт.

— Ну значит я получу рекомендации в пансионе и устроюсь гувернанткой в родном городе, — Она старалась говорить спокойно, так, чтобы голос не дрожал. И видеть Эдмона с его женой (подумать только!) постоянно и смотреть в глаза тётке, которая её продала. — Диара содрогнулась.

— Может быть, ты останешься здесь, в столице? — Мягко спросила Инира, приобняв её за плечи,

успокаивая.

— И всю жизнь прятаться от Грация? Нет, — Покачала головой Диара.

— Тогда может ты вернёшься в Римс? Вроде бы неплохой провинциальный городок. Родственники моего отца живут там. Если хочешь, я могу замолвить им про тебя словечко. Вдруг, да им нужна гувернантка или экономка? Или ты боишься, что этот травник будет тебя искать?

Диара молчала. Бойся она? Нет. Она на это надеется. Эта мысль почему-то заставила сердце биться, как сумасшедшее, грозя выпрыгнуть из груди. А Инира, видимо, истолковала её молчание как-то по-своему, потому что вдруг спросила.

— А что он за человек вообще?

И они обе замолчали.

— Не знаю, — честно ответила Диара. Она и правда не знала. Она лишь видела то, что, возможно хотела видеть. Да и в этом, как и в своих чувствах не могла, а может быть и не хотела разбираться.

— В любом случае, по закону Империи, он не имеет на тебя никаких прав. Так что ты вполне свободная личность. А про работорговлю под таким вполне благопристойным видом я намекну при возможности Его Величеству.

— Спасибо, — кивнула Диара. Она сама хотела бы, чтобы всё это прекратилось. Вот только, тётка бы тогда отправила её гувернанткой или ещё куда-нибудь с глаз долой. Вряд ли она бы успокоилась.

— Да, кстати, следующим испытанием будет беседа с Её Высочеством. Она хочет знать, насколько её будущие фрейлины образованны и смогут ли они вести и поддерживать светскую беседу.

Диара кивнула. Её это никак не пугало. А вот девушкам нужно передать. Правда, чем им это поможет, она понятия не имела.

— Пойдём, я провожу тебя в твою комнату. — Инира встала и направилась к двери. — И постарайся больше никогда не ходить одна. Грация с трудом терпит даже Его Величество, а его слава распутника скорее отталкивает от него девушек, чем привлекает. Но он незаменимый человек при дворе, так что на его проступки смотрят сквозь пальцы. И он очень опасен.

Диара кивнула, соглашаясь. Если бы возможно было, вернуть время назад, она бы сделала всё, чтобы не встретиться с Грацием. Но увы, жизнь невозможно отмотать назад.

В свою комнату она вернулась, когда солнце уже было в зените, а по малому дворцу (так окрестила Диара то место, где они с девушками сейчас жили) гулял звук гонга, приглашая к обеду. Она наспех умылась и привела себя в порядок после встречи с Грацием, убрала кинжал за пояс, ловко замаскировав кушаком. Лучше оружие не оставлять в комнате, а то найдут ещё девушки не ровен час и расскажут кому-нибудь. А кинжал с инициалами и очень дорогой. Начнутся вопросы, да и владельца по нему можно будет легко вычислить. А ей это не надо.

В столовую Диара входила позже всех. За трапезой разговаривать запрещалось этикетом, о чём им в первый же обед напомнила ключница, поэтому девушки с нетерпением ждали окончания обеда. Еда была простая, совсем не королевская, но большинство кандидаток и такую, наверное, едят не так уж и часто, поэтому несмотря на волнение, съедено было всё, находящееся на столе, ну или почти всё. А потом девушки обступили Диару.

— Ну что, скажи, ты видела госпожу Гаэсс?

— Видела, — кивнула Диара.

— Узнала, каким будет следующее испытание?

— Беседа с Её Высочеством.

— Ох ты ж! — Ругнулась одна из девушек, грубоватой внешности. Стало понятно, что разговоры с принцессой её пугают явно больше всей домашней работы вместе взятой.

— А о чём мы будем беседовать с ней, Диарлинг? — Спросила Майла.

— Она должна будет оценить, насколько хорошо будущие фрейлины умеют поддерживать беседу и развлекать Её Высочество.

— Мы что, в шуты идём наниматься? — Вставила та же грубоватая девушка. Диара была с ней

согласна. Ей очень не нравился весь этот муравейник отбора. Но что делать. Если раньше у неё была надежда сбежать с середины отбора, то сейчас, после разговора с Инирой, выхода не было. Оставалось только ждать и надеяться, что она вылетит с отбора раньше. А там ключница обещала помочь с работой. Примысли о том, что она может вернуться в Римс, сердце в груди заходилось, как сумасшедшее. Да что ей там, в этом городе? Что она там забыла? Травник, наверное, уже и не вспоминает о ней, нашёл другую работницу и живёт себе припеваючи. Грезит о своей Сюзан и употребляет дальше дурман траву.

Почему то эти мысли вызывали злость. Она на него злится? Как же так получилось, что ей вообще есть до него дело? Диара не могла понять и не хотела разбираться в этом.

Утром их всех разбудил гонг, так рано, что ещё даже солнце не встало. Девушки протирали глаза, пытаясь проснуться. А Инира зашла в комнату, чтобы сказать, что через полчаса служанки отведут их к принцессе для разговора. А Её Высочество то оказывается ранняя пташка. Или может быть она заранее показывает, какая неблагодарная работа фрейлины. Была бы её воля, Диара ушла бы с отбора прямо сейчас. Но увы..

Через полчаса, девушки, отчаянно зевая, отправились вслед за служанкой в тот самый зал, в котором принцесса знакомилась с ними. Перед тем, как выходить из комнаты, Диара придирчиво осмотрела себя в зеркало. Нигде ничего не торчит, пряди из причёски не выбиваются — уже хорошо. Из кандидаток не все могли похвастаться таким видом. Кто-то впопыхах не до конца зашнуровал корсет, кто-то не поправил воротничок, а кто-то и вовсе забыл причесаться.

Её Высочество уже ждала их в зале.

— Развлекайте меня, — вместо приветствия сказала она, облокотившись на спинку кресла. К такому никто не был готов. Девушки застыли, растерянно переговариваясь. А Диара опять почувствовала злость. Что-то в последнее время она слишком часто злилась. Но она шутком не будет работать. Увольте!

Несколько минут прошло в молчании. Никто или не хотел или не собирался начинать. Её Высочество нетерпеливо постукивала пальцами по подлокотникам кресла. Наконец, одна девушка (Диара не знала её имени) вышла из толпы, сверкая глазами. Вовсе не робко, нет. И запела деревенскую песню, такую двусмысленную, что Диара даже покраснела. Другие девушки тоже вели себя по разному — кто смущался и прятал глаза, а кто-то откровенно подпевал.

Когда песня закончилась, принцесса расхохоталась и захлопала в ладоши.

— Замечательно, — Но потом маска показной добродушности слетела с неё и она добавила хищно искривив рот, — Но мои фрейлины должны быть именно фрейлинами, а не шутами. Те, кто пели — покиньте отбор.

Девушки недовольно зашептались. Диара очень хорошо их понимала. Что-ж надо запомнить, что Её Высочество любит нестандартные решения.

Глава 13

Дорога до дворца была утомительной, хоть он и понукал лошадь изо всех сил. Тяжелее всего было пожалуй то, что он волновался и переживал, а утрачивая контроль над собственными эмоциями, Алистер утрачивал и возможность закрываться от чужих. И поэтому дорога изматывала. К тому же трое суток в седле, останавливаясь только на ночёвку, для него были мягко говоря непривычны.

В столицу он прибыл поздним вечером и поразился — как же она отличается от Римса и от всего, к чему он так привык за последние годы. Он уже забыл о том, как светло по вечерам на улицах и как красивы фонтаны на главной площади.

Отцовское имение встретило его гулкой пустотой и темнотой. Тут было почти так же темно, как и в Римсе, в доме, который он привык называть своим. Только вот здешняя темнота давила, заставляя вспоминать то, что он предпочёл бы забыть. К утру Алистер почти пожалел, что остановился в имении, а не в гостинице. Призраки прошлого не давали уснуть и он провалялся без сна до утра, а утром решил сразу же отправиться засвидетельствовать своё почтение Его Величеству. В честь старых заслуг его должны принять, если ещё помнят.

Ко дворцу он прибыл уже собранный, без следов бессонной ночи, правда пришлось выпить одну из микстур, взятых с собой. Если так и дальше пойдёт, то у него скоро ничего не останется, а искать здесь лавку, чтобы закупить травы и всё необходимое было слишком накладно. Правда если он здесь останется надолго, то это всё равно придётся сделать. С другой стороны не вечно же ему убегать от призраков прошлого. Рано или поздно, но это должно было случиться.

Алистер оставил лошадь королевским конюхам и пошёл по аллее ко дворцу. Шелест гравия под ногами заглушал все другие звуки и он не сразу услышал голоса. А услышав — замолчал и прислушался.

— А Её Высочество сказала, что ей шуты не нужны, только фрейлины. И выгнала всю деревенщину.

— Туда им и дорога. Только простолюдинок в фрейлинах нам ещё не хватало. Мой род, между прочим, восходит к десяти родам-основателям. А всякую шелупонь пинками надо гнать от дворца.

И голоса начали отдаляться. Что-ж, отбор, судя по всему в самом разгаре. И вряд ли Диарлинг грозит выбыть из него в ближайшее время судя по тому, что он услышал. Она — дворянка. Значит мезальянса никакого не будет, если он... Вот чума! Опять он думает только об одном. Как будто, если бы она была простолюдинкой, она не была бы его Диарлинг!

Его Величество соизволил, наконец, принять его. Алистер, честно говоря сам не очень понимал, что он забыл во дворце. Засвидетельствовать своё почтение и заручиться возможностью входить на дворцовую территорию, или, может быть, воспользоваться возможностью и забрать Диарлинг? Но король не пойдёт против Грация в открытую.

— Проходите, — лакей в белоснежной ливрее распахнул перед ним двери в малый тронный зал. Если он не забыл, то именно в нём, десять лет назад был представлен королю.

— Добрый день, господин Эурелиус, — король заговорил первым. В зале не изменилось ровным счётом ничего. Память хранила те же статуэтки и ковровую дорожку. Всё в точности такое, едва ли не до складок на королевских гобеленах.

— Добрый день, Ваше Величество, — он склонил голову, как положено по этикету. Он и не думал, что когда-нибудь ещё вернётся в столицу и тем паче зайдёт в этот зал.

— Я слышал, что вы давно не показывались в наших краях. Зачем же сейчас пожаловали? — А король вовсе не так прот, как о нём думают.

— Засвидетельствовать своё почтение, — Алистер поднял глаза и встретился с внимательным взглядом Его Величества.

— Ну будем считать, что я вам поверил, — удовлетворённо кивнул король. — Если у вас будут какие-то просьбы ко мне...

Король не договаривал специально, ждал просьбы и Небо знает чего он там ещё ждал. Но просить чего-то сейчас было глупо. В конце концов Диарлинг, возможно, и думать о нём забыла. Вот когда он уверится, что его помощь точно нужна девушке, тогда и будет действовать.

Поэтому он коротко поклонился и по знаку Его Величества вышел из зала. Аудиенция прошла так, как он рассчитывал. Наверное, кому-то король говорил другие слова, но Алистер поймал себя на глупом ощущении того, что услышал слово в слово то же, что и десять лет назад. А ещё — король знал, что он — эмпат. И поэтому, как он ни желал, не смог уловить ни одной эмоции.

Зато, выходя из дворца, он почувствовал много разных эмоций. Алистер специально не закрывался. Но даже если бы закрылся, не смог устоять против одной. Он обернулся, ища глазами ту, о которой только что думал и чьи чувства, пряные, похожие на галискаас и лаванду он узнал бы из тысячи. Из отдельно стоящего здания в нескольких шагах от дворца вышло несколько девушек. И она, Дарлинг, была среди них. Подойти или нет? Несколько секунд, показавшиеся ему часами, Алистер стоял неподвижно, потом всё таки сделал выбор и решительно пошагал к выходу из дворца.

Он не знает, что сказать ей. Пока ещё рано. Всеми этими фразами он прикрывался просто для того, чтобы не признаться себе, что он струсил. Что решил продлить неведение хотя бы ещё ненадолго.

Из дворца он вышел в растерянных чувствах. Что ему теперь делать? Куда идти? Чем заняться? Немного подумав, Алистер решил заглянуть в трактир. Послушать старые сплетни, позавтракать а ещё нанять несколько человек — привести в порядок имение. Всё таки раз он вернулся, кто-нибудь из старых знакомых может поспешить нанести визит вежливости. Правда, когда он исчез так внезапно для многих, скрылся в провинции, в Римсе, никто не бросился его искать. Но он и не надеялся. Близких друзей у него не было, а после смерти Сюзан и отца, не осталось вообще никого, кроме Гастина. Но он привык.

В трактире было шумно. С непривычки кружилась голова. Он не сразу смог закрыться от эмоций, поэтому несколько неприятных мгновений всё же пережил. А люди были что в Римсе, что здесь одни и те же. Зависть, злоба, тоска, эйфория и даже неприкрытая ненависть. Всё как везде. Наверное, после этого, еда показалась Алистеру до безобразия отвратительно невкусной.

После трактира он отправился в имение. Язык не поворачивался назвать его домом, хоть он и провёл в нём большую часть своей жизни. До вечера он разбирал старые бумаги в кабинете отца и вспоминал. Бумаги словно хранили воспоминания и чувства тех дней. А ещё мысли о Сюзан. Она снова воскресла в его мыслях. Тогда как на самом деле уже семь лет лежит в усыпальнице Герефордов. Нет. Чтобы не сойти с ума, ему обязательно надо чем-то отвлечься.

Вечером пришли люди, которых он нанял ухаживать за домом. Предстоит много работы. Если бы он не боялся выглядеть дураком в их глазах, то сейчас сам бы убирал и мыл вместе с ними. Но увы...

Алистер оделся. Выйти в сад, на свежий воздух казалось единственным верным решением. Дом стоял не в самом городе, как и в Римсе и отсюда не видно было его огней. Только буйство зелени разросшегося сада.

Вдруг стук копыт ворвался в привычную тишину. А через несколько минут показался и сам всадник. Ярко освещённые окна комнат, в которых шла уборка помогали как следует рассмотреть его. И Алистер был уверен, что не знает всадника. Но он был в цветах королевской семьи. Вот же загадка! Но всё разъяснилось довольно скоро.

— Её Высочество хочет вас видеть.

Спрашивать, что нужно принцессе было дурным тоном, да и откуда посыльному об этом знать. Поэтому Алистер просто коротко кивнул и подождав конюха, попросил подвести лошадь.

Сердце дрогнуло, а потом пустилось вскачь в груди, когда посланник остановился возле того здания, где он видел Диарлинг. Кажется, кандидатки в будущие фрейлины живут здесь.

Его провели длинными коридорами в большую залу, но Алистер почти не рассматривал окружающую роскошь. Он надеялся, хоть это и было опрометчиво и глупо, встретить Диарлинг в одном из длинных коридоров. Ну или Грация. И если с девушкой он толком не знал, о чём будет говорить, то при мысли об этом мерзавце, руки сами собой сжимались в кулаки. Вот уж, что сказать ему, он точно найдёт.

— Добрый вечер, господин Эурелиус, — голос который вывел его из задумчивости был чарующе обманчиво прекрасен.

— Добрый вечер, Ваше Высочество. — Принцесса таки светилась самодовольством, а ещё неприкрытым интересом к его персоне. Хм. Это можно воспринимать как комплимент? Лучше всё же не попадаться лишний раз ей на глаза. Кто знает, на что способна принцесса.

— Я очень рада, что вы вернулись домой. Боюсь, нам не хватало вашего общества. — Наглая ложь. Когда он уехал из столицы, принцесса была ещё слишком мала, чтобы скучать. — И в честь вашего возвращения, я хочу устроить бал.

Это было неожиданно, но Алистер ничем не выказал своего удивления, настороженно глядя на принцессу. Это всё неспроста. Интересно, какую она ведёт игру и зачем ей этот бал?

— Только я желаю, чтобы этот бал проходил в вашем доме. Помнится, в былые времена, он видел много всяких гостей, — и Её Высочество усмехнулась своим мыслям. Она помнит? Десять лет назад отец устроил бал в честь их с Сюзан помолвки. И на этот бал была приглашена и Её Высочество. — Не беспокойтесь, вам не придётся заниматься его устройством. Только быть радушным хозяином и ничего более.

Алистер молчал. Что от него ждали? Согласия? Но ведь он не мог отказать прихоти этой глупой венценосной девчонки. Тогда зачем принцессе его согласие? Унизить? Краска прилила к щекам. Но ради Диарлинг он готов был потерпеть немного пока это не выйдет за рамки приличий. Поэтому он ответил коротко.

— Хорошо, когда бал?

— Завтра вечером. Готовьтесь, господин Эурелиус. — Насмешка и удовольствие. А принцесса оказывается любила унижать других. Он будет иметь это в виду. Алистер коротко кивнул и вышел из зала. Ощущение гадливости почему-то никак не хотело его покидать.

Ночь прошла беспокойно. Алистер мог бы заснуть, но предпочёл вместо этого отдавать приказания слугам и сам следить за работой. К завтрашнему (а теперь уже, наверное, сегодняшнему) вечеру дом должен сиять. И пусть Её Высочество ему совсем неинтересна, но перед знатью Диалю не хотелось выглядеть жалким сумасшедшим провинциалом, который непонятно вдруг почему бросил дом в столице и уехал куда глаза глядят. И не столько это было нужно ему, сколько Диарлинг. Ведь если она согласится...

Чума! Он ещё даже ничего не сделал, чтобы помочь ей, а уже думает об их совместном будущем,

будущем, которого, возможно, никогда и не будет.

Хватит медлить. После бала Алистер рассчитывал как-то увидеться с Диарлинг или хотя бы передать ей весточку, если не получится. А ещё лучше увидеться с Грацием и осторожно намекнуть ему... А впрочем, насколько он знал этого мерзавца, такое положение вещей его только раззадорит, а значит лучше молчать. Но воспоминание об увиденном во сне, где ужас мешался с болью, не давало спокойно сидеть на своём месте. А если пока он тут прохлаждается и устраивает балы, Граций уже протянул свои загребущие лапы к Диарлинг? Несмотря на то, что во дворце она на виду у многих людей, Алистер боялся что не успеет. Он не мог узнать, что она чувствует, как бы ни хотел и это сводило с ума.

Утро перед балом, радовало хорошей погодой. Её Высочество как и обещала, прислала своих слуг и поваров, чтобы успеть всё убрать и приготовить к намеченному времени бала. Алистер заперся в своём кабинете и принял настойку, чтобы не заснуть. Он не хотел вмешиваться в придворные дела, но не мог и оставаться спокойным, видя как заправски хозяйничают в его имении слуги принцессы. Что-ж, если она хотела вывести его из себя, то ей это удалось. Но вряд ли принцесса преследовала только эту цель. А вот что ей на самом деле нужно, Алистер не мог пока понять. Вряд ли Её Высочество хотела таким образом выказать своё расположение к нему, хотя столичная знать только так это и расценит. Хотя зачем ему забивать этим голову? Он скоро вернётся обратно в Римс, к верному Гастину, независимо от того, каким будет ответ Диарлинг. А значит его не должно волновать ничьё мнение.

Вечером начали прибывать гости. Несмотря на то, что Её Высочество соизволила прислать своих лакеев, Алистеру всё равно пришлось встречать гостей. Вот только строить из себя радушного хозяина он не умел, да и не хотел особо. Усмехнувшись, осмотрел себя в зеркало. Парадный скюртук сидел, как влитой, придавая ещё больше мрачности лицу. Говорила ему когда-то Сюзан, что чёрный цвет ему не идёт. Но при дворе в моде сейчас как раз чёрный, так что дорогие гости — терпите. Он создавал, что, пожалуй, похож на большого чёрного ворона, но никогда не расстраивался по этому поводу. Мужчине красота не нужна. Так говорил его отец, так уверяла его Сюзан. Хотя, впрочем, может Диарлинг считает по другому. Кто их знает, какие там, за границей, порядки.

На бал пришла вся диальская знать. Многих Алистер знал или помнил, но многие же были ему неизвестны. Раскланиваясь со знакомыми, он пропустил приезд королевской четы. И тут же поспешил исправить эту оплошность. Спускаясь по ступеням он поймал знакомые чувства ещё раньше, чем поверил в то, что такое возможно. И едва смог поприветствовать Их Величеств. Его мысли были заняты Диарлинг. Он бы, наплевав на этикет, бросился искать её в этой толпе гостей, если бы знал, что она нуждается в нём или хотя бы думает о нём. А может (на какую-то секунду Алистер даже поверил в то, что это правда) ей нравится столичная жизнь иона вовсе не против того, чтобы находиться во дворце?

Несколько мгновений, показавшихся вечностью, и он всё-таки спускается в бальную залу, чтобы поприветствовать Её Высочество. За ней, неотступной свитой стояли кандидатки во фрейлины. В другое время его бы позабавило, как они жмутся к стенам, растерявшись от сияния стольких свечей, блеска драгоценностей и бального шума. Но не сегодня. Сейчас он видел только Диарлинг в ослепительном бальном платье. Она стояла, ничуть не смутившись посреди бальной залы, как истинная королева, так, как стояла у него в доме в Римсе в простом платье служанки. Она не выглядела испуганной ни на каплю, скорее задумчивой. Алистер уловил грусть и усталость, пообещав себе, что это в последний раз и он больше никогда не будет по своей воле читать её чувства.

— Приветствую Вас, господин Эурелиус, — Принцесса вознамерилась кажется задержать его. Даже не читай он эмоций, всё равно бы услышал странные нотки в её голосе. Злость? Ревность?

— Ваше Высочество, — он склонил голову, мечтая об одном — чтобы принцесса скорее оставила его в покое.

— Вы не потанцуете со мной?

— Конечно, — согласился он, досадуя на себя, что не нашёл сразу с достойной причиной для отказа.

И под восхищёнными взглядами женщин и завистливыми мужчин — повёл принцессу танцевать. Он обещал себе не читать чувства Диарлинг, как бы не хотелось. Но её отчаяние пробивалось сквозь все запреты. Он ей не равнодушен? От одного этого сердце готово было выпрыгнуть из груди. Но он с невозмутимым видом вёл Её Высочество, проклиная всё на свете. Он объяснит ей всё, потом, после того, как закончится отбор, чтобы она была вольна в своём выборе.

С утра Диара проснулась усталая. Всю ночь ей снился Граций, гонявшийся за ней. После вчерашнего испытания, девушки никак не могли успокоиться. Всё здание жужжало, как растревоженный улей. Даже те, кто остался на отборе были недовольны решением принцессы.

— Сама просила, чтобы мы её развлекали, а потом всех выкинула из дворца, — ворчала Майла.

— Вот как, скажите на милость, нам теперь относиться к этим испытаниям? — Сотрясала воздух бессмысленными вопросами Мирра, одна из оставшихся девушек.

После второго этапа выбыло не так уж и много, но и осталась теперь только половина от всех прибывших девушек. Если так пойдёт, то скоро их останется всего несколько человек. А сколько будет этапов — никто не знает, кроме самой принцессы. Да и про этапы толком тоже ничего неизвестно. Диара спрашивала у Иниры, но ключница ничем не могла помочь. Её Высочество не поделилась с ней своими дальнейшими планами, поэтому она знала только общую канву отбора, такую как было принято. Правда раньше на роль фрейлин девушек отбирали из самой столицы из родовитых семей, а не из провинциального городка. Но Её Высочество была знатной оригиналкой.

Едва закончился завтрак и девушки решили отправиться на прогулку (благо по территории дворца им разрешалось гулять где заблагорассудится), как зазвенел гонг. Они остались в столовой, недоуменно переглядываясь. Но недоумение очень быстро разрешилось, когда в столовую вошла Инира.

— Добрый день. Её Высочество решила сделать бал третьим этапом отбора. Сегодня вечером. Платья уже готовы и ждут вас в комнатах. Приятного времяпрепровождения.

Даже у Диары сначала захватило дух. Кроме вечеров, которые устраивались в городской ратуше в Гасте, она нигде не бывала. Вряд ли такие вечера по размаху могут сравниться с балом, устроенным самой принцессой. Но ведь с другой стороны она то в таких вечерах хотя бы участвовала. А вряд ли ещё одна кандидатка смогла бы этим похвастаться. И правда — девушки взволнованно перешёптывались. Многие не умели танцевать, по крайней мере те танцы, которые были приличны во дворце. Но это ещё не всё. Когда они вернулись в комнаты, выяснилось, что к бальным нарядам не прилагаются служанки. Возможно, принцесса решила организовать им очередное испытание. И если Диара хотя бы примерно знала, что, как надевается и застёгивается, хотя всё равно не справилась бы с обилием юбок, кринолина и кружев в одиночестве, то её соседки с благоговейным ужасом смотрели на свои баснословно дорогие платья.

— Что с этим со всем делать? — Высказала общие мысли Тани.

Диара глубоко вздохнула. Так. Спокойно. Было бы глупым вылететь с отбора на этом этапе. Ничего сложного. Оставшиеся несколько часов до вечера, она помогала соседкам облачиться в платья, подсказывала, как лучше заколоть волосы и чем украсить, а они в ответ помогали ей. В результате, когда за ними пришли, чтобы отправиться на бал, все девушки выглядели вполне прилично. А вот из других комнат доносились отчаянные рыдания. За час до назначенного отъезда к ним заглянула Инира, чтобы оценить их внешний вид и, видимо, предложить помощь. Увидев, что им помощь не требуется, она удовлетворённо улыбнулась, подмигнула Диаре и отправилась в другие комнаты.

Там, кажется, обстановка была не такая радужная. То, что возможно было исправить за час, было исправлено и большинство девушек всё-таки отправилось на бал. Но Диара всё ещё слышала глухие рыдания в конце коридора. И постепенно проникалась не ненавистью, но уж неприязнью к принцессе точно. Какое право она имела таким образом распоряжаться человеческими жизнями? Нет, они, конечно, сами виноваты, что согласились и отправились во дворец, на отбор. Но никто не говорил, что кандидаток будут здесь унижать. Многие наверное не знали, на что идут и плохо представляли себе, каким муравейником являлся королевский дворец.

Трясаясь в королевском экипаже, Диара гадала, куда их везут. Неужели бал будет в летней резиденции? Но до неё, насколько ей известно, несколько часов пути. Или это следующая часть испытания — увидеть, в каком состоянии после нескольких часов дороги приедут на бал будущие королевские фрейлины.

Но её мысли не подтвердились. Как только они выехали из столицы, экипаж замедлил ход, а потом и вовсе остановился. Диара высунула голову из окна и увидела возвышающуюся над экипажем громаду здания. Освещённый светом, лившимся из окон, дом почему-то до боли напомнил ей тот дом, в Римсе, в котором она провела свои самые тяжёлые дни, как она привыкла считать. А на самом деле всё вовсе не так. Но как, Диара боялась себе ответить. Она понятия не имела, почему ей на ум пришло такое сравнение. Поэтому просто попыталась выбросить эти мысли из головы.

Они построились по парам возле входа в дом, ожидая, видимо, Её Высочество. По крайней мере вездесущая Инира успела дать им такие указания, прежде чем куда-то исчезла. Как только появилась принцесса, девушки нестройным шагом потянулись за ней. В первый момент войдя из

тёмной прохлады летнего вечера в освещённую душную залу, Диара и сама растерялась. Но только на мгновение. Она танцевала на балах, пусть и не на таких, но всё же. Поэтому она расправила платье, подняла голову повыше и шагнула вперёд. Чтобы услышать, как стихли все голоса и увидеть как навстречу Её Высочеству шагнул тот, кого она меньше всего ожидала здесь увидеть — её хозяин, травник Эурелиус.

Его растрёпанные волосы были приглажены, а чёрный по последней моде сюртук сидел как влитой. Он закружился с принцессой по зале, и Диара почувствовала, как липкой прохладой заползает в душу отчаянье. Она приложила руку к груди и прислонилась к колонне. Чувствуя сквозь лёгкую ткань холодный мрамор. Какая она глупая! Снова поверила в то, что сама же себе и придумала. И если предательство Эдмона почти забылось в свете последних событий (и Диара была даже рада этому), то сейчас она чувствовала боль, как мор, расплывающуюся в душе. Она грозила заполнить собой всю её жизнь без остатка, превратив освещённую залу в тёмное болото. Когда она успела так сильно привязаться к травнику? Ведь к Эдмону (Диара пыталась быть откровенной с самой собой) она никогда не чувствовала и сотой доли того, что сейчас. Но как бы она не пыталась обмануться, ей никуда не деться от того, что травник будет всегда видеть в ней лишь свою собственность, служанку, рабыню, в конце концов, и никогда — равную ему. Она не знала, что он так богат и почему-то мысль об этом, резанула по сердцу словно ножом. А что она может сейчас предложить ему?

Диарлинг видела как в тумане, как мимо проплывали танцующие пары. Появление кандидаток во фрейлины Её Высочества произвело фурор. Девушки, даже самые страшненькие, все были приглашены на танцы. Общество забавлялось ими, как новыми игрушками. К ней самой несколько раз подходили партнёры, приглашая на танец. Она отказывалась, говоря, что не умеет танцевать. Да ей сейчас было и не до танцев. Больше всего на свете хотелось сейчас очутиться дома, и чтобы отец был жив.

— Диарлинг, позвольте пригласить вас на танец, — голос исходил словно откуда-то издалека. Только этим наверное можно объяснить, что она не узнала его. Отказ был готов уже сорваться с губ, когда она подняла голову и застыла. На неё смотрел Эурелиус. Без улыбки, похожий на взъерошенного ворона, но для неё казавшийся необыкновенно красивым.

Она молча подала ему свою руку, не в силах ещё осознать, что происходит. Но восторг тут же угас. Первую фигуру танца они проплыли молча, а потом травник спросил своим обычным ледяным голосом.

— А я думал, куда ты пропала, Диарлинг. А ты решила, стало быть, стать фрейлиной при дворе, чтобы не пришлось обрабатывать те деньги, что я на тебя потратил. Умно придумано.

Можно было оправдываться, рассказывать, как дело было, но Диарлинг не нашла в себе сил. И правда, зачем она размышляла. За мечты приходится слишком дорого платить. Тот миг, когда ей показалось, что травник к ней равнодушен, тот единственный миг, когда она видела его настоящим, ушёл и больше не вернётся. Зачем разжигать едва тлеющие угли? Не разумнее ли будет дать им погаснуть?

Едва закончился танец, Диарлинг вырвала свою руку и, пробормотав что-то невразумительное о том, что ей надо пообщаться с подругами, направилась к выходу из залы. Она ни разу не обернулась. Какая разница, что он о ней подумает? Это всё неважно.

В саду было темно, свежо и слышались чьи-то рыдания. Она подошла ближе. Почти все кандидатки расположились на садовых скамейках. Кто-то рыдал, кто-то ходил мрачнее тучи. Когда Диара подошла к ним, её встретили настороженными взглядами. Ещё бы — все видели, как она танцевала с травником. Теперь начнутся расспросы, откуда она так хорошо танцует, да что делает в Римсе. А значит полагаться отныне придётся только на себя. Не то, чтобы от этого ей могло стать тяжелее — хуже уже было некуда, но вот разбираться с этим сейчас точно не хотелось.

Но поговорить им не дали. В парк выплыла величественная принцесса. Она выглядела красивее обычного. Диара поймала себя на мысли, что любит её. Им, простым смертным, не тягаться с ней в красоте. Принцесса повернулась к ним и Диаре показалась злоба в её взгляде. Но, возможно ведь, что просто показалось.

— Девушки, возвращайтесь домой. Завтра утром я озвучу, кто выбыл с отбора.

Её Высочество гордо подняла голову. Зашелестело платье. Девушки молча побрели к своим экипажам. Диара искренне надеялась, что хотя бы до завтра все расспросы будут забыты. Сегодня она не в состоянии на них отвечать.

Пока они возвращались, в голове вертелось лишь одно — вспоминает ли о ней Эурелиус, или кружит сейчас в очередном вальсе с принцессой? И как она не гнала от себя эти мысли, они не

спешили уходить.

Она почти не спала всю ночь. Сначала девушки обсуждали бал, принцессу и своих кавалеров, потом перешли к вопросам о том, кто покинет отбор после этого этапа. Когда утром за ними пришла Инира, свежая и опрятная, такая как всегда, Диара даже почувствовала некий укол зависти. Ключница наверное спала всю ночь, а вот им спокойный сон даже не светил. И если девушки волновались из-за предстоящей встречи с принцессой, то Диара не могла забыть как плавно, едва касаясь земли, кружился по залу, Эурелиус с Её Высочеством. А ещё как холоден был взгляд и ледяны слова. Сейчас, когда она его увидела, Диара осмелилась признаться себе в том, что больше всего на свете хотела бы после окончания отбора вернуться в Римс, в странный мрачный дом, к травнику. Но, увы, она слишком поздно это поняла. И от этого становилось ещё тяжелее на душе.

После завтрака девушки отправились вместе с Инирой к принцессе. Её Высочество ждала их в том же зале, откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза. Диара подумала бы что она спит, но нет. Принцесса щурилась, веки подрагивали, когда солнечные лучи скользили по ней. Какая же она красивая! Диара испугалась — уж не произнесла ли она это вслух. Но нет. Никто не повернулся к ней. Её Высочество как будто сошла с картин известных ценителей женской красоты. Совершенные черты лица подчёркивала причёска, а баснословно дорогое платье, расшитое драгоценными камнями, небрежно спадало с плеча. Она бы подумала, что принцесса выбирает себе не фрейлин, а фаворитов. Или может быть, у неё сегодня назначена встреча с кем-нибудь ещё кроме них. Почему то вспомнился травник. Да какое ей дело до него!

— Итак, — жеманно начала принцесса, заставив их постоять молча несколько минут, переминаясь с ноги на ногу. — Вы на балу вчера отличились почти все. Но фрейлины не должны выглядеть неопрятно. Вы, вы и вы — покиньте дворец.

Диара понятия не имела, как принцесса запомнила девушек, но она указала именно на тех, кто выглядел вчера хуже всех. Девушки смешались, кое-кто заплакал. Инира приложила палец к губам и жестом попросила их выйти за дверь.

— Но фрейлины не должны никогда, — принцесса сделала упор на этом слове. — Затмевать меня. Вы должны быть всегда на втором месте после своей повелительницы. Поэтому вы и вы и... — Тут Её Высочество сделала паузу и Диара была уверена, что принцесса посмотрела на неё. Вот и всё. Её Высочество не простила ей то, что она танцевала с Эурелиусом. Но та вдруг улыбнулась. На миг Диаре почудилось в этой улыбке злобное торжество, а потом принцесса отвернулась и указала совсем на другую девушку, — покиньте отбор. На сегодня всё. Следующий этап начнётся через несколько дней.

Девушки, перешёптываясь, покинули залу. А Диара никак не могла отделаться от ощущения, что Её Высочество хотела выбрать её, но по каким-то своим соображениям решила оставить. Неужели из-за воображаемого интереса к ней травника, теперь она нажила себе такого могущественного врага? Мало ей Грация. Кстати, Диара не видела его даже на вчерашнем балу. Но ей почему-то это не доставило радости. Лучше по крайней мере видеть своего врага и знать, чем он занимается. Тогда хотя бы понятно, что он не готовит никакую подлость. Подумав о подлости, Диара содрогнулась и едва не вздрогнула по настоящему, когда на выходе из залы её взяла за руку Инира.

— Не хочешь чаю?

Благодарно кивнув, она направилась вслед за ключницей. Когда они зашли в комнату, та закрыла дверь на ключ, ключ кинула на стол и тогда только села, приглашая Диару последовать за ней. Горячий чай в небольших чашках уже дожидался их на столе.

— Ты нажила себе ещё одного врага, девочка, — без обиняков заявила Инира, как только они сели. — Не знаю, чем ты не угодила принцессе, но я за годы жизни во дворце научилась замечательно разбираться в том, чего она хочет и что она чувствует. И вот на тебя она очень зла.

— Это из-за вчерашнего танца с Эурелиусом.

Инира вопросительно посмотрела на неё. Наверное, она не видела их танец. И Диара рассказала так, как сама чувствовала. Ключница нахмурилась.

— Боюсь, теперь тебя не спасёт даже моя помощь и кинжал. Если Грация не любит, то к принцессе Его Величество прислушивается. И она всегда добивается своего. И пока принцесса не отомстит тебе, она не успокоится. Если в такой момент её найдёт Граций, они, я уверена смогут договориться.

— Значит всё ещё хуже, чем я думала, — Диара зябко поёжилась и обхватила себя руками за плечи. Бежала из одной ловушки, чтобы угодить в другую. — И что теперь делать?

— Никуда не ходить одной, быть предельно осторожной и ждать, только ждать. На крайний случай можно будет устроить побег. Правда этим ты только выиграешь время. От Её Высочества очень сложно скрыться.

Глава 15

Бал закончился далеко за полночь и Алистер вздохнул свободно, выпроводив всех гостей. Но его мысли упрямо возвращались к Диарлинг. Её чувства врывались к нему даже сквозь защиту. Он чувствовал её боль и обиду и что-то ещё, чему он боялся дать название. Хотелось признаться во всем и увезти в Римс к Гастину и зажечь прежней жизнью. Но Алистер понимал, что прежней жизни уже никогда не будет. Слишком много всего всколыхнулось за эти дни. Если бы дело было только в них, он поступил бы по своему. Но поведение Её Высочества его пугало. Поэтому он не сказал Диарлинг ничего и был предельно холоден. А ещё она его боялась до сих пор. Были какие-то отголоски. Как он не закрывался, её чувства накрывали с головой. И это внезапно ранило сильнее, чем её равнодушие.

А потом она уехала. Он даже не успел с ней попрощаться. Только почувствовал обиду и непонимание. А ещё на секунду выпустил принцессу из виду. И той, видимо, этого хватило, чтобы подстроить какую-то новую пакость. Иначе чем объяснить внезапный отъезд всех кандидаток во фрейлины? Нет, с Её Высочеством надо быть очень осторожным, как бы ему не претили интриги, но она не должна ничего заподозрить, не должна узнать, как Диарлинг нужна ему.

Алистер вошёл в странно пустую бальную залу. Сиротливо стояла оставленная кем-то бальная тувелька, в небольшом бассейне плавали золотые рыбки. Бассейн, вся эта мишура и украшения — всё лишь задумка принцессы. Зачем ей это? Хочет доказать ему что-то или ей нравится играть им, как пешкой? Правда, вот незадача, он не фигурка на игровой доске. Не будет спокойно сидеть и ждать исполнения планов Её Высочества.

Утром Алистер выпил очередную микстуру, пригладил волосы и уже хотел направиться во дворец сам. Это была хорошая возможность повидать Диарлинг и Грация. Кстати секретаря Его Величества не было на балу и это его насторожило. При мысли о Грации всегда вспоминался этот странный сон и Алистер едва сдерживался, чтобы самолично не разобраться с секретарём. Но этот муравейник только развороши. Такое начнётся! Поэтому он и переехал в Римс. Чем дальше от столицы — тем спокойнее.

Не успел он собраться, как прискакал всадник, гвардеец от Её Высочества с просьбой пожаловать во дворец. Алистер хищно улыбнулся. Принцесса хочет играть по её правилам. Пожалуйста. Только как бы он не переиграл её.

Её Высочество ждала его опять в том же зале. И всё так же, проходя длинными коридорами, он мечтал хотя бы на минуту увидеть Диарлинг. Пустая мечта. Входя в зал, он чувствовал почти разочарование. Вот только принцессе об этом знать не обязательно.

— Звали, Ваше Высочество? — Спросил он вместо приветствия. Нет. Раболепные поклоны это не его стезя. Он не придворный шут.

— Садитесь, господин Эурелиус. — Принцесса указала на кресло и сама уселась поудобнее. Алистер обратил внимание на её новое платье. А ещё чувства. Они ускользали. Видимо, принцесса всё таки узнала, что он эмпат и приняла необходимые меры. Что-ж. Так игра даже интереснее.

А принцесса уселась сама и начала долгий и ни к чему не обязывающий разговор. О погоде, о вчерашнем вечере, она пересказывала последние сплетни и, наверное, надеялась, что ему будет интересно. Алистер отвечал вежливо, едва не зевая от скуки.

— Я надеюсь, что завтра мы встретимся вновь. — Наконец соизволила его отпустить принцесса, томно улыбувшись. Он вежливо ей поклонился. Завтра он придёт к ней снова, главное не дать повода тому большему, на что вероятно рассчитывает Её Высочество.

Выходя из зала, он почти столкнулся с Диарлинг. Девушка отскочила, как ужаленная, едва увидев его.

— Я настолько противен тебе? — Слова вырвались сами. Если Его Высочество решит послушать их, то она будет очень недовольна. Да какое ему дело до её недовольства?! Забрать отсюда Диарлинг и уехать, пока возможно.

— Пустите! — Диарлинг решительно вознамерилась уйти. Алистер чувствовал как она злится и в то же время боится. Ему даже не надо было читать её эмоции. Он протянул руку остановить её. — Вы тоже как Граций, да?

Мгновенно ожгло понимание — чего она всё-таки боялась. Он опустил руку и она безвольно повисла вдоль тела. На что он надеялся, отталкивая её своим невниманием? Её сердце занято наверняка

тем, другим, о котором она ему тогда говорила. Но это не повод относиться к нему, как к секретарю Его Величества! Он ни разу и пальцем её не тронул! Злость затопила разум.

— Ты считаешь, что я на него похож? — Алистер схватил её за плечи. Диарлинг затрепетала. Мгновение торжества. И тут же оно сменилось раскаянием, когда он увидел слёзы в её глазах. Показалось, что Сюзан укоризненно смотрит на него, та бледная Сюзан, которой осталось жить несколько дней. — Прости. Мне не следовало так поступать.

Он прошёл мимо замеревшей в испуге Диарлинг, оставив её в одиночестве. Со Сюзан было просто. Они знали друг друга с детства и ей было всё равно, что у него такой характер. Она принимала его таким, какой он есть. Но эта девушка... И в то же время он любил Диарлинг, несмотря ни на что и только сейчас осознал, как сильно.

Из дворца он почти выбежал. Может ему стоит уехать и тогда она будет счастлива? Он почти решился, когда возле конюшни столкнулся с Грацием.

— Добрый день, Эурелиус. Наслышан о вчерашнем вечере. Ты решил вернуться в столицу, как я давно тебе советовал? Поздравляю, лучше времени для возвращения и быть не могло. — И Граций насмешливо улыбнулся. Ещё бы. Во дворце он чувствовал себя как рыба в воде.

Нет, отдать ему Диарлинг — это выше его сил. Он будет бороться за неё, даже если потом, в результате ему придётся её отдать кому-то. Кому угодно, пусть она выберет сама, лишь бы не Грацию.

Дома он наконец-то разложил свои травы, там где раньше был кабинет отца. Он вдохнул их аромат и закрыл глаза. Это поможет ему настроиться на нужный лад и решить, что делать дальше. Диарлинг он не признается в открытую, пока Её Высочество может представлять для неё хоть какую-то опасность. Но это такая мука... Быть рядом, видеть её, навещая принцессу и не иметь возможности просто поговорить, объясниться в конце-концов.

Он пригладил взлохмаченные волосы и решил начать с того небольшого, что он в состоянии сейчас сделать для неё — найти родных Диарлинг и восстановить то, что по праву должно принадлежать ей. Как то не верилось, что у девушки ничего и никого не осталось. В любом случае он должен восстановить её доброе имя. Кажется, она называла ему фамилию своего отца. А ещё имя тётки. Наверное, кто-то да знает их. Вот только через границу добираться долго и не так то и просто. А вот отправить письмо с почтовой почтой. На имя кого? Был у него неподалёку, кажется, один старый знакомый...

Через час письмо было написано и, Алистер, не откладывая в долгий ящик решил отправить его. На улицах Диала былолюдно. И от этого непривычно. Он надвинул шляпу на лоб, словно надеясь скрыться. Что поделать — он никогда не любил шум больших городов.

— Газета, свежие новости, всего несколько медяков, — кричал во всё горло мальчишка-разносчик.

Алистер не знал сам, зачем это сделал, но перехватил мальчишку и купил газету. Через всю первую страницу красовался заголовок: «Следующий этап отбора. Смогут ли конкурсантки угодить Её Высочеству на этот раз?» Он рассеянно пробежался по первым буквам статьи и застыл. Упоминалось, что следующий этап наравне с принцессой будет оценивать Граций. А вот это уже интересно.

Диара не помнила, как вышла в сад. Ей хотелось побыть в одиночестве. Что она такого сделала Эурелиусу, что он упорно насмехается над ней? Чем она провинилась, что он так ненавидит её и старается задеть при каждой встрече? Конечно, она не выдержала и вспылила, а он просто убежал. И что он делает здесь во дворце? У него близкие отношения с Его Высочеством? Голова болела, а ещё было неожиданно пусто, словно сердце в груди вдруг перестало биться.

Диара забрела в какую-то беседку. Она до сих пор ещё очень примерно знала расположение тропинок в огромном королевском саду и поэтому вполне могла заблудиться. Но сегодня ей было не страшно, ничего не страшно. Пусть хоть сотни Грациев найдут её. Тоска змеей заползала в душу, мешая дышать, отравляла мысли. Какая разница, что с ней будет, если тот, кто ей необходим, как воздух, никогда не будет с ней?

Диара прижалась лбом к тёплой деревянной колонне в беседке. Эта колонна — единственное настоящее во всём этом дворце, среди мишуры роскоши, колонн и блеска драгоценностей. Что же ей делать?

— Кого я вижу!

Она тут же открыла глаза и вскочила. Перед ней стоял секретарь Его Величества собственной

персоной. И это она желала недавно сотни Грациев? Да она явно не в себе была. Диара медленно попятилась, желая оказаться как можно дальше отсюда.

— Ты боишься меня, девочка? — Граций смотрел на неё и насмешливо улыбался. Диара отступала, пока не упёрлась спиной в колонну. Кажется, пришло время достать нож. А Граций медленно приближался. — Слушай, понять не могу, — с наигранным недоумением начал он, — что я в тебе нашёл. Вот уже столько времени по тебе страдаю. Ни одна девушка так не привлекает как ты. Жалко что Эурелиус так и не согласился тебя продать. Но так даже интереснее. У нас с Её Высочеством отдельные планы на тебя.

— Какие планы? — Диара готова была говорить что угодно лишь бы потянуть время. Эурелиуса нет, он не придёт. Единственный её защитник. Глупо, но даже после всего, что он ей сказал, она надеялась на него.

— Об этом ты узнаешь завтра, на отборе. И пожалуй я даже оставлю наше свидание на завтра. Так будет интереснее. Подумай на досуге о своём поведении.

И Граций отвесил ей шутовской поклон и исчез. Диара выдохнула и обнаружила, что всё это время старалась даже не дышать. Потом осторожно огляделась по сторонам. Секретарь Его Величества и правда исчез. Может быть, это какая-то ловушка до завтрашнего отбора. А значит там не ждёт её ровным счётом ничего хорошего. А она ничего не может сделать.

Диара подумала было написать Эурелиусу, но быстро отменила этот вариант. Она ему никто, он это доказал уже вчера. А значит ему и дела нет до её судьбы. Да и где он живёт, она в любом случае не знает, не запомнила дорогу. Значит остался один вариант — обратиться к Инире и подумать о побеге.

Она медленно побрела обратно во дворец. В комнаты заходить не хотелось и она направилась сразу к ключнице. Та опять заперла дверь, выглянула в окно и захлопнула ставни. И только потом разрешила ей говорить. Выслушав всё, Инира нахмурилась.

— Я постараюсь узнать, что задумала Её Высочество, правда не обещаю, что у меня получится. Но если она решит попросить о помощи Грация, значит дело совсем плохо.

Глава 16

Утром девушек разбудил звук гонга. Диара вскочила, не в силах избавиться от кошмара, увиденного во сне. Сердце билось так, словно она бежала. Звук гонга здесь не сулил ничего хорошего. Новый этап отбора. Подумав о нём, она поморщилась, словно от боли. Соседки по комнате, которых к этому моменту осталось всего две, весело щебетали, предполагая, что их ждёт. И только она одна не могла отделаться от странной мысли, что обречена.

После завтрака за ними пришла Инира. Диара с тоской думала, что ей опять придётся рассматривать лепные узоры на колоннах в зале, где их обычно принимала принцесса. Но Её Высочество умела удивить. Сегодня они направились по дворцовой территории, куда вглубь сада.

— Куда мы идём? — Озвучила общие мысли одна из оставшихся девушек. Они чувствовали себя вовсе не так уютно и безопасно, как можно было бы подумать, глядя на них. Большинство осознано, что жизнь во дворце вовсе не такая райская, как кажется со стороны.

— К дальней беседке возле пруда, — ответила Инира. — Её Высочество сказала что будет ждать вас там.

— А что мы будем там делать?

— Я об этом ничего не знаю.

Ключница была немногословна, но Диара чувствовала, что за молчанием Иниры скрывается усталость. Должно быть, она не смогла узнать ничего нового. И это заставляло её бояться и трепетать ещё больше.

Возле пруда в небольшой уютной беседке, украшенной золотыми лентами на лавочке, сидела принцесса. Простая деревянная лавка была застелена меховыми шубами, стоявшими, наверное целое состояние. Об одну из них, небрежно брошенную на пол, принцесса вытирала мыски своих туфель. Сначала Диара даже обрадовалась, не увидев возле Её Высочества Грация. Но быстро поняла, что радость её преждевременна.

По знаку принцессы к ней подошли мужчины, прогуливавшиеся возле беседки. Диара успела заметить их краем глаза и не придала этому значения.

— Знакомьтесь, девушки, господин Аделиос, господин Фальк и господин Деррез. Они будут помогать мне в сегодняшнем отборе.

Диара замерла, стараясь не смотреть на Грация. Ей стало страшно, несмотря на то, что кожей она ощущала холодную сталь кинжала Иниры. Надо успокоиться. Не может же с ней случиться что-то плохое на глазах у стольких людей! А принцесса продолжала.

— Фрейлины должны уметь поддержать светскую беседу и развлечь ей любого джентльмена. — «Развлечь» было сказано так двусмысленно, что Диара покраснела. — Поэтому сейчас к вам будут подходить господа и вы должны понравиться им. Потом они любезно помогут мне оценить ваши старания. Начинайте! — И Её Высочество хлопнула в ладоши.

Диара видела как медленно, самодовольно ухмыляясь к ней направился Граций.

— Могу я попросить вас побеседовать со мною?

Она понятия не имела, что он задумал и какую игру ведёт, но убежать было некуда. Поэтому Диара улыбнулась и сделала несколько шагов по направлению к беседке. Ей хотелось быть на виду. Остаться наедине с Грацием даже на несколько секунд было опасно. Об опасности кричало всё её существо.

— Да разумеется, господин Аделиос, — заставила она себя вежливо ответить.

— Я так долго бегал за тобой, маленькая мышка, а ты всё ускользаешь и ускользаешь. Может быть, на этот раз мне повезёт. Зачем спорить с судьбой?

Диара вздрогнула и едва сдержалась, чтобы не отшатнуться. И это — обещанная принцессой беседа? Неужели другим девушкам задают такие же провокационные вопросы? Она обернулась, но лишь для того, чтобы увидеть, как мужчины переходят от одной кандидатки, к другой, заставляя их краснеть. А когда повернулась обратно, Граций уже стоял возле принцессы, нашептывая ей что-то на ухо. Сердце сжалось от дурных предчувствий.

— Итак, господа закончили беседу с фрейлинами. И сейчас они огласят, кто из девушек по их мнению наиболее достоин, чтобы остаться, а кому предстоит уйти. Но перед этим я хотела бы сказать, что мой дорогой друг, — и Её Высочество указала глазами на Грация, — сказал мне одну очень важную вещь. Ему приглянулась одна из кандидаток во фрейлины и он просит у меня её руки. Мне, конечно, жалко, что такая прекрасная девушка выбывает из отбора, но с любовью не поспоришь. — Она притворно взмахнула руками и улыбнулась. Диаре показалась насмешка в этой улыбке. Пожалуйста, пусть речь сейчас не о ней! — Господин Аделиос, о какой же девушке вы так нижеяйше меня просили?

Граций подошёл к Диарлинг и мило улыбаясь указал на неё принцессе.

— Какой прекрасный выбор! Поблагодарите же господина Аделиоса, моя дорогуша.

Диаре показалось, что с каждым новым словом она падает в какую-то бездну, конца которой нет. Она не смотрела, как вытянулись от зависти лица кандидаток и как печально покачала головой Инира. Пока она жива, она никогда по доброй воле не выйдет замуж за Грация.

— Но я не хочу замуж за господина Аделиоса, Ваше Высочество, — громко возразила она. Девушки ахнули, принцесса переменялась в лице, а Граций стоял, насмешливо улыбаясь, словно говорил всем своим видом: «Ты от меня не уйдёшь».

— Ты не поняла, хотеть или не хотеть здесь что-то имею право только я. Мой добрый друг пожелал на тебе жениться, значит он женится. Господин Аделиос, она — ваша, — Принцесса злобно улыбнулась, обнажив ровные белые зубы.

Диара как во сне наблюдала, как к ней приближается Граций. Как насмешливо улыбается принцесса, как медленно к ним идёт Инира. Нет. Она не хочет за него замуж. Никогда! Лучше умереть! Она кинулась прочь из сада, не разбирая дороги.

Ветки больно хлестнули по лицу, когда она свернула с тропинки. Только бы её перестали преследовать! Возможно, ей даже удастся выбраться. Диара бежала так быстро, как только могла. Ей казалось, что стоит ей только остановиться и её тут же догонят. Туфельки, пусть на небольшом, но всё же каблучке, мешали и она сбросила их. И дальше бежала уже босиком. Она не знала, где выход из сада и насколько далеко он простирается по дворцовой территории, но рано или поздно, она должна была куда-то прийти. Через несколько минут, за которые она устала и запыхалась больше чем за час на балу, Диара наконец вышла к небольшой калитке в кованом заборчике, заросшем плющом и ежевикой так сильно, что с трудом можно было разобрать эту самую ограду.

— Может быть, сбежать? — с надеждой спросила Диара, плохо представляя, что дальше делать и как этим воспользоваться.

— Сбежать до отбора не выход. Её Высочество запомнила тебя и вряд ли даст тебе свободно покинуть дворец. А вот после отбора можно попытаться.

— Если это будет вообще возможно.

Диару почему-то одолевали плохие предчувствия. Граций был так уверен, что она никуда от него не денется. Почему? Ему что-то пообещала принцесса? Ответ на эти вопросы она не узнает до завтрашнего дня. И почему то она была уверена, что этот ответ ей не понравится.

Диара прислушалась. Погони не было слышно. Странно, но это не обрадовало её, а даже сильнее напугало. Если за ней не гонятся, значит уверены, что она никуда не уйдёт. Скорее всего, Инира права, и принцесса достанет её везде. Но не сделать эту попытку она просто не могла.

Калитка открылась легко. Значит здесь постоянно ходят. Или же королевский садовник получил указание поддерживать всё в должном порядке? Диара не стала раздумывать, куда она ведёт, а просто шагнула вперёд. За калиткой она даже остановилась на несколько секунд. Настолько разителен был контраст. Перед ней убежала вдаль тропинка, тугой лентой среди полей. Зелень травы и золото колосьев напомнили ей вид из окна дома травника в Римсе. Она опять думала о нём. Диара помотала головой, чтобы избавиться от наваждения и строго сказала себе, что никто, кроме её самой не поможет ей сейчас. А значит и рассчитывать не на что.

Диара огляделась и, не увидев, погони, направилась в поля, по тропинке. Она не думала ни что будет есть, ни что пить, ни то что в таком приметном платье (можно сказать, бальном) её сможет узнать едва ли не любой крестьянин. Главное — она вырвалась. И такой знакомый и пьянящий вкус свободы...

Через полчаса, наверное, ходьбы под осенним, но всё ещё жарким солнцем, она почувствовала усталость. А дорога убежала всё дальше и дальше. Но если они все решили, что она вернётся просто потому что ей некуда идти и нечего есть, то они ошибаются!

Когда на горизонте появились крыши домов, Диара едва не заплакала от облегчения. Последний час, наверное, она шла лишь на чистом упрямстве и больше всего хотела отдохнуть и поспать. Поспать! Об этом молила каждая клеточка её тела. Но на то чтобы упасть в лесу, прикрывшись еловыми лапами, она была ещё не готова. Найдётся ли у неё что продать за ночлег и еду? Мысли вяло крутились вокруг шикарного платья. Но после побега из дворцового сада и многочасовой прогулки, оно явно потеряло всю свою привлекательность. Украшений она не носила. Что-то еще... Вдруг Диара вспомнила о кинжале Иниры. Ключница наверное простит её, если она продаст его. Эта вещь, судя по всему, стоит очень дорого.

Войдя в селение, она первым делом, направилась разыскивать ломбард, хотя её и шатало от усталости. Продав кинжал едва ли за половину её стоимости, Диара наконец-то смогла отправиться в гостинный двор, чтобы отдохнуть и подумать о том, как быть дальше. Она не могла не понимать, что от Грация и Её Высочества не скроешься. Это всего лишь отсрочка. И непонятно, надолго ли.

В гостинном дворе она прежде всего расспросила хозяина, где находится и какой рядом город. Услышав, что как долго она не шла, но до столицы всего десять миль, Диара приуныла. Но ничего. Зато и до соседнего Кевраса было совсем немного. А там она возможно сумеет найти себе работу. Деньги, полученные за кинжал почти закончились. Хотя она купила всего лишь платье, гораздо более простое, чем было на ней, оплатила комнату в гостинном дворе и ужин. А так же приобрела маленький дешёвый кинжал взамен проданного. Но первым делом она, конечно, поела, вымылась и отдохнула. Если её будут искать, то найдут всё равно. Диара даже в этом не сомневалась. Вопрос в том, когда найдут. А она всё равно устала так сильно, что едва держалась на ногах.

А утром, сделав все необходимые покупки, она оплатила место в дилижансе, направляющемся в соседний город. Оплатила бы и дальше, но денег не хватило. Убрав волосы под шляпку с небольшим чемоданчиком в руке, Диара неприметной мышкой юркнула в дилижанс. Если повезёт, у неё будет отсрочка ещё на несколько дней. А там...

Всю дорогу мысли лихорадочно крутились вокруг сложившейся ситуации. Если бы ей только было к кому обратиться! Но близких родственников кроме тёти у них никогда не было, друзей у отца, ведущего замкнутый образ жизни — тоже. У неё самой были только подруги по пансиону, но их дружба закончилась вместе с выпуском. И это было больнее всего — осознавать, что она теперь одна во всём мире и ей не к кому обратиться за помощью.

Когда дилижанс прибыл в Кеврас, такой же провинциальный, как и Римс, хоть и находившийся рядом со столицей, Диара растерялась. Она не имела ни малейшего представления о том, что ей делать дальше. Денег у неё хватило максимум на одну-две ночи в гостинном дворе, не больше.

Городская площадь с пожарной башней выглядела пугающе безлюдной. Диара медленно осмотрелась. Такие же лавки как в Римсе, даже продавец трав есть. Стоп! Травы! Почему она сразу не додумалась? Если что-то она и умеет, то это помогать травнику.

Выяснив, где находится дом травника, уже через пару часов Диара стучалась к нему в дверь. Только бы он не оказался новым Грацием. Она этого не выдержит.

— Добрый день, леди. Вы что-то хотели? Хозяин сейчас не принимает. — Безукоризненно одетый дворецкий встретил её с вежливой улыбкой на лице. А Диара стояла и не могла не сравнить его с Гастином. Опять проклятые воспоминания тогда, когда они меньше всего нужны были ей!

— Простите, — собрала она всё своё мужество в кулак. — Мне необходимо увидеться с ним по личным вопросам.

Дворецкий посмотрел на неё подозрительно, но всё-таки ответил:

— Хорошо, я доложу ему о вас.

Диара вздохнула и обреченно опустила голову. С самого начала эта затея была обречена на провал. Она ведь даже забыла узнать, как зовут местного травника. И тем больше она удивилась, когда дворецкий пригласил её войти.

В просторной гостиной (и вовсе не мрачной) было тихо. Тикали настенный часы и пахло травами. Диара узнала лаванду, снежевицу и зелекорень.

— Вы что-то хотели от меня?

Хозяин дома вошёл неслышно, до боли напомнив ей Эурелиуса. Так что она едва не рассмеялась нервно.

— Да, хотела. — Она обернулась. Перед ней стоял сухонький старичок с седой бородой и в халате. К глазам он прижимал монокль, чтобы лучше её рассмотреть. Захотелось засмеяться, но на этот раз от облегчения. — Я хотела спросить, не нужна ли вам помощница.

— Помощница, хм... — Старичок медленно подошёл к ней, рассматривая. — Надо подумать. Я ещё не совсем старик, но уже достаточно стар, для того чтобы иногда путать корень змеевика с листом цветком. А что ты умеешь?

Диара вздохнула, а потом, помолчав, осторожно начала рассказ, так, чтобы нельзя было догадаться, почему она ушла от Эурелиуса и как к нему попала.

— Гм, пожалуй, я оставлю вас. Комнат в доме много. Дворецкий проводит вас в покои, которые вы можете занять. Как говорите, звали моего собрата по ремеслу, у которого вы работали? Не обессудьте, если я обращусь к нему за характеристикой для вас.

— Конечно, — Диара вежливо улыбнулась, а сердце забилось быстро быстро. Сама она никогда не осмелилась бы написать Эурелиусу, после того, что между ними было. Но сейчас, вспоминая тот день, она понимала, что обидела его и, пожалуй, незаслуженно. Она ревновала. Теперь она могла себе признаться в этом абсолютно точно, что ревновала его к принцессе. И хотя Эурелиусу не могло быть до неё никакого дела, она всё-таки постоянно думала о нём. Вот если бы увидеть его ещё раз, хотя бы ненадолго, она попросила бы прощения, объяснила бы всё ему. Вот только, стал бы он слушать?

— Как вас зовут, леди? — Скрипучий голос её нового хозяина отвлек её от печальных мыслей.

— Диарлинг Керенер. — Лгать не было смысла. Здесь её имя всё равно никому не было известно. Да и за пределами родного Гаста отца знали плохо.

— А я — Стаджей Виткорф.

— Очень приятно, — улыбнулась Диара. Улыбка вышла, правда, какая-то нерадостная и однобокая.

— Что-ж, дворецкий, проводит вас в вашу новую комнату. Месяц испытательный срок. Завтрак в восемь утра. Не опаздывайте!

Следуя за дворецким по мягким коврам в доме, залитом солнечным светом, она размышляла

о превратностях судьбы и печально улыбалась своим мыслям. Скоро у неё будет новая работа. И как было бы хорошо, если Граций не найдёт её! Большого она даже и желать не будет.

Глава 17

Утром должен был состояться следующий этап отбора, тот, на котором рядом с принцессой появится Граций. Алистер не находил себе места. Когда перевалило за полдень, а никаких известий в местной газете так и не появилось, он направился во дворец сам. Его просто обязаны пропустить!

Ветер играл волосами, задувал под плащ, приглашал закрыть глаза и расслабиться. Но Алистер не мог. Стоило закрыть глаз, как он видел Диару, а может и чувствовал её, он толком не мог даже понять. С утра ему показалось, что он уловил страх и боль, её страх. Но тут же всё исчезло, прошло, как будто и не было. И это пугало ещё больше. Он не мог понять, что с ней произошло.

У входа во дворец его даже не остановили. Стражники знали в лицо. Всё-таки приглашения принцессы сослужили добрую службу. Но недоброе предчувствие шевельнулось в душе. Стражников было необыкновенно много, и потом при входе во дворец всё больше и больше. Он почувствовал эмоции — злость, страх, зависть и даже предвкушение. Дворец был похож на развороченный улей.

Он, помедлив немного, направился всё же в крыло, где размещали фрейлин, там, где принимала его принцесса. В конце концов он не обязан никому отчитываться, что он здесь делает. В одном из коридор его остановила женщина.

— Господин Эурелиус?

Он повернулся. Полная немолодая, но с цепким взглядом синих глаз.

— Да. — Он почувствовал недоверие, надежду и что-то ещё. Странно. Он никогда не видел эту женщину.

— Диарлинг говорила о вас.

Женщина сделала паузу ожидая ответа. Алистер выдохнул. Ловушка? Да вроде бы нет. По крайней мере он не чувствовал. Но даже и эмпагов можно обмануть.

— И что вы хотите? — Не показывать, что ему важна судьба Диарлинг, что он думает только о ней.

— Она пропала. С утра на отборе Её Высочество отдала Диарлинг господину Аделиусу в прямом смысле, повелев стать его женой. Это было глупо и низко. Естественно, Диарлинг сбежала. Боюсь, правда что ненадолго и недалеко. Но теперь принцессе только дай повод. Она не оставит Диарлинг в покое. Я подумала, может быть вам интересна её судьба...

Если это комедия, то очень умелая. Но он не мог поддаваться на провокации.

— Простите, вы, видимо меня с кем-то перепутали. Эта девушка служила у меня. Меня волнует её судьба только в плане компенсации её заработной платы.

И тут же он почувствовал разочарование, настолько явное, что стало тяжело на душе. Но пусть лучше считают его хуже, чем есть, лишь бы не повредить неосторожным словом Диарлинг.

— Пустите. Мне пора идти. — Обратился он к женщине резче, чем хотелось бы.

— Простите, — она пропустила его, сама развернулась и исчезла в одном из коридоров.

Идти к принцессе, когда он уже выяснил всё, что было необходимо? Алистер вздохнул и решил всё-таки продолжить путь. Он не должен давать повода отомстить Диарлинг. Если она будет страдать из-за его неосторожных действий и поступков, он этого себе не простит. Он пригладил волосы и вошёл к Её Высочеству невозмутимый, как всегда.

— Добрый день, господин Эурелиус.

— Добрый день, — Алистер склонил голову, ожидая дальнейших действий от Её Высочества.

— Вы слышали что сегодня случилось на отборе?

— Нет. Не довелось ещё.

— Представляете, моя фрейлина отказала секретарю Его Величества, господину Грацию Аделиусу! Господин Аделиос любезно попросил у меня благословения на его брак и я дала его, а она посмела

отказать! — Принцесса была сама благородное негодование. — Кстати, это та фрейлина, которая танцевала с вами на балу. Вы знакомы?

Принцесса вроде бы улыбалась, но Алистер понимал — это лишь маска. Сказать правду? Или этим он сделает только хуже Диарлинг?

— Мы встречались... раньше. — Медленно ответил он, а потом добавил, не отводя глаз. — Наши родители были знакомы, очень отдалённое знакомство.

— Правда? А я то думаю, почему её манеры выгодно отличаются от манер других кандидаток. Это вы встретились в этом провинциальном городке, в который вы так внезапно от нас от всех убежали?

— Да, в Римсе. — Алистер отвечал отрывочно. Ему было не по себе. Хотелось скорее искать Диарлинг, но он невозмутимо делал вид, что его не касается это происшествие.

— Но ничего, мы обязательно её найдём. Эта странная девушка просто не понимает своего счастья. Господин Граций с отрядом гвардейцев уже отправился на её поиски. Я думаю в ближайшие дни её найдут. Далеко она не смогла уйти. И тогда мы устроим им настоящую королевскую свадьбу, — кровожадно улыбнулась принцесса, как будто говорила не о свадьбе, а о казни по меньшей мере.

Алистер вежливо улыбнулся и выдохнул только оказавшись в дворцовом саду в одиночестве. Надо найти Диарлинг раньше Грация. Что может он в одиночку? Попросить помощи у короля? Вряд ли это такая уж хорошая идея. Но если больше ничего не получится, он решится даже на это. Лишь бы уберечь Диарлинг от Грация. Он не смог спасти Сюзан. Но в этот раз всё зависит от него. И у него просто обязано всё получиться!

Алистер вернулся домой, только чтобы наскоро перекусить и отправиться на поиски. Он решил начать с соседних со столицей деревень. Скорее всего, Диарлинг не успела далеко уйти. Но перед этим он всё-таки решил написать Гастину. Если она вернётся, дворецкий обязательно даст знать. До вечера он посетил несколько деревень, но девушки словно след простыл, зато пару раз он едва успевал скрыться, чтобы не столкнуться с людьми Грация. Если секретарь заподозрит, что Диарлинг дорога ему, то будет ещё усерднее стараться заполнить её.

К вечеру усталый и измотанный он вернулся домой. Диарлинг исчезла, словно её и не было. Может быть, Граций давно нашёл её и только делает вид, что ищет? При мысли об этом в груди поднималась злость. Если только он посмеет дотронуться до неё... Лавина чувств сметала всё на своём пути.

Следующие несколько дней, он искал Диарлинг, но тщетно. Алистер не обладал полномочиями королевских стражников и правом входить в любой дом без стука, но у него был более весомый козырь. То, что не расскажут отряду стражи, поведают одинокому человеку. Но пока ни в гостиных дворах, ни в лавках такой девушки никто не видел. Может быть, он где-то не там ищет?

А на утро, принцесса опять решила пригласить его к себе в гости. Алистер злился. Она забавляется им как кошка мышкой! Но показывать злость нельзя, ни в коем случае.

— Доброе утро, — снова поклонился он, на этот раз не озаботившись улыбнуться.

— Что с вами, господин Эурелиус? — Принцесса снова проявила небывалую пронизательность. — Переживаете за нашего дорого Грация? Зря. Я думаю, он уже на правильном пути. Столько переживаний из-за строптивой девчонки. Мне кажется, что она того не стоит, хотя, впрочем, я могу и ошибаться.

Алистер окаменел. Неужели Граций опередил его и нашёл Диарлинг? Но потом всё-таки взял себя в руки. Секундная заминка. Принцесса не эмпат, она не может знать, что он чувствует.

— Я очень рад за господина Аделиоса, — ответил осторожно, надеясь, что в его словах не чувствуется ложь.

Ещё полчаса болтовни о погоде и когда Её Высочество уже соизволила милостиво его отпустить и он направился к двери, принцесса вдруг сказала.

— А как вы относитесь, господин Эурелиус, чтобы снова устроить бал в вашем доме, скажем через неделю? Нам всем очень понравилось. Конечно, если вы против, я не буду вас неволить, но...

Принцесса не договорила, но Алистер уже чувствовал, что в случае отказа вряд ли с ним будут общаться так же, как и до этого. Если бы не Диарлинг, он уехал бы в Римс, даже не попрощавшись, но из-за неё обязан терпеть всё это высокомерие.

— Я не против, — ответил он. А что ещё оставалось?

На выходе из дворца его окликнул Граций.

— Алистер, не переживаешь о своей пропавшей работнице? — Он улыбался. Не очень приятный признак. — А я ведь предлагал тебе за неё целое состояние. А теперь с Её Высочайшего позволения она моя.

— Слышал, ты женишься? — Попытался ответить он как можно равнодушнее.

— Ну что ты! Это сказка для прелестной девочки по имени Диарлинг. Ты же не думаешь, что я в самом деле могу на ней жениться?

Алистер промолчал, сжимая кулаки. Едва Граций ушёл, как он бросился за ним, не раздумывая. Если секретарь найдёт Диарлинг первым, он не посмеет её забрать несмотря на позволение принцессы. Не будь он Алистер Эурелиус!

Диарлинг вздохнула свободно только когда прошло два дня. Если Граций не нашёл её сразу, можно было надеяться, что не найдёт и в ближайшее время. Только она пока боялась выходить в город и не знала, как сказать об этом господину Виткорфу. Пока она сидит дома у травника, был маленький но шанс, что её не найдут. Она проработает у него какое-то время, пока его не забудут, а потом... Потом будет видно. Может быть, господин Виткорф полностью её устроит. Хотя она не собиралась оставаться в такой близости от столицы.

Первые два дня господин Виткорф присматривался к ней, задавая иногда провокационные вопросы. Но Диарлинг помнила чётко всё, что ей рассказывал Эурелиус. Она вообще помнила всё, связанное с ним как будто это было вчера. И хотела бы забыть, но не могла. Она не знала, осуществил ли Виткорф своё намерение написать Эурелиусу, но он ходил довольный, постоянно потирая руки. А на третий день сказал:

— Господин Эурелиус, верно дурак, если по собственной воле расстался с таким чудом. Вы ведь просто чудо, моя дорогая помощница! Вы знаете почти всё, чему мне пришлось обучаться несколько лет.

— Не всё, — улыбнулась Диара. Слова этого смешного старичка доставили ей странное щемящее удовольствие. Всем этим она была обязана только Эурелиусу. Здесь ни на грамм нет её таланта. — Я не умею готовить микстуры и снадобья, а это, согласитесь, самая важная часть вашей работы.

— Нашей, нашей работы, дорогая моя, — засмеялся старик. — Я буду обучать вас готовить микстуры по старинным рецептам, всё как надо. Я думал уже, что никогда не встречу такой прекрасной ученицы.

— Но разве микстуры не готовят специально под клиента? — осторожно спросила Диара. Ей казалось, что суть работы травника немного в другом, после общения с Эурелиусом. Из головы не выходила его нелепая сутулая фигура, почти танцующая над котелком с травами.

— Это всё новшества, — буркнул господин Виткорф, нахмурившись. — Это вам рассказывал господин Эурелиус, верно? Ох уж эта молодёжь! Не придерживается старой школы не на йоту. Всё эксперименты, эксперименты, а в результате что выходит? А выходит, что больные погибают, вот что, — И он поднял палец вверх.

— Но... — начала Диарлинг. Ей хотелось защитить Эурелиуса. Его покупатели никогда не жаловались, более того, она видела, что травник — это его призвание, а все эксперименты лишь подтверждают его талант.

— Никаких но, дорогая моя. Ты будешь учиться по традициям доброй старой школы, а не как экспериментаторы самоучки. Такой талант не должен исчезнуть. Ну что, договорились?

Диарлинг рассмеялась в первый раз легко и искренне за долгое время и кивнула. Они с господином Виткорфом обязательно поладят.

На следующий день она принимала посетителей вместе с Виткорфом. Старичок постоянно мёрз и кутался в плащ, несмотря на то, что сидел в гостиной возле камина. Интересно, почему он не вылечит самого себя? Наверное, она произнесла это вслух, потому что он ответил.

— Дорогая моя, лекарства от старости не существует.

«Как и от любви» — вздохнув подумала она, но не ответила. Всё равно сердце Эурелиуса занято его таинственной Сюзан, а она... Она была в его жизни и исчезла. Что ему до неё?

Посетители заходили, здоровались с господином Виткорфом, потом с ней, получали свои микстуры,

благодарили и уходили. На десятом посетителе, которые как один говорили одно и то же, Диара зевнула. У Эурелиуса работать было интереснее. Она поймала себя на совершенно безумной мысли о том что не жалеет ни о чём. Конечно, то что тётка продала её в рабство это ужасно, но если посмотреть правде в глаза — не будь этого, она никогда бы не встретила с Эурелиусом. Алистер, его зовут Алистер — вспомнилось ей. Это имя подходило ему так же, как запах галискааса её отцу.

— Диарлинг, запишите пожалуйста адрес — переулок Дафни, дом 2. Надо будет послезавтра занести туда микстуру, — она вздохнула и кивнула. Слишком часто она сейчас забывалась воспоминаниями. Надо с этим что-то делать.

Вечер в доме её нового хозяина прошёл буднично и приятно. Так приятно, как давно уже не было. За окном накрапывал дождь, первый дождь уходящего лета, а она сидела с господином Виткорфом и слушала его рассказы о молодости и прошлых временах. Рассказчик из старика был очень хороший, и Диара поймала себя на том, что за вечер почти ни разу не вспомнила Эурелиуса. Но всему хорошему рано или поздно приходит конец. И засыпала она почему-то с чёткой уверенностью, что долго не задержится на этом месте.

Следующий день не принёс ничего нового. Из-за дождя посетителей было мало. Граций пока не показывался, как и люди Её Высочества. Но Диара и сама старалась лишней раз не появляться перед покупателями, охотно выполняя различные поручения господина Виткорфа и бегая за микстурами то в кладовку, то в рабочий кабинет. Для обычного работника здесь всё было устроено жутко неудобно, не то что у Эурелиуса, но для неё сейчас эта была замечательная возможность спрятаться от любопытных глаз. Если пойдут слухи, что господин Виткорф взял какую-то необычную помощницу, Граций тут же её найдёт. Единственная её надежда была на то, что старик в общем то не очень нуждался в обществе молодёжи, которую не всегда безосновательно презирал, поэтому, он почти ни с кем не общался. По крайней мере за те дни, что Диара пробыла у него, к господину Виткорфу ни разу не пришёл кто-то по личному делу, только покупатели.

А вот на утро, как старик и обещал, ей предстояло отнести микстуру по адресу. Отказ тогда, когда она только начала работать, выглядел бы очень подозрительно. А рассказать ему всё она была ещё не готова. Оставалось только надеяться, что Граций её не найдёт. Хотя шансов на это было мало, да и слишком глупо верить, что если Её Высочество хочет её найти, то что-то в силах ей помешать.

Но утром, сжав зубы, она взяла микстуру и направилась по указанному адресу. И хотя она уверяла господина Виткорфа, что не знает города, он настолько подробно всё объяснил, что Диаре не оставалось ничего другого, кроме как отнести микстуру. Тем более, что переулок Дафни начинался фактически за углом.

Спрятавшись под зонтом, она, практически добежала до нужного дома, отдала микстуру и с облегчением поспешила обратно, к господину Виткорфу. Пару раз Диаре казалось, что за ней кто-то следит, но неизменно оглядываясь, она никого не замечала. Едва за ней захлопнулась дверь дома, который она привыкла считать своим, как она облегчённо выдохнула. Пока Граций её не нашёл. Неизвестно, долго ли ей ещё удастся прятаться здесь, но возможно она сможет наконец-то накопить небольшую сумму на проезд до Гаста. А там... Там будет видно.

Глава 18

Ещё несколько дней... Диара поймала себя на том, что живёт как на иголках, это было похоже на затишье перед бурей. Она постоянно ждала, что Граций найдёт её и это ожидание изматывало, мешало просто жить и наслаждаться жизнью. А ещё воспоминания. Сутулая нескладная фигура никак не хотела исчезать из мыслей. Она даже злилась на себя, но ничего с этим поделать не могла.

Работа у Виткорфа скоро вошла в свою колею. Старик не сильно загружал её работой и по вечерам она была чаще всего предоставлена самой себе. Но её это не радовало. Как только появлялась возможность не оставаться со своими мыслями наедине, Диара тут же пользовалась ей. Она уже несколько раз выслушала историю жизни господина Виткорфа и пару раз помогла ему в составлении простеньких микстур. Теперь она примерно представляла, в чём заключается работа травника, но всё равно не чувствовала и сотой доли того азарта, который когда-то давно передался ей от Эурелиуса. Тогда они вместе стояли над котелком...

Диара вздохнула. Новое утро опять принесло пронизывающий дождь и слякоть. Сама погода была на её стороне. Она, конечно, понимала, что если Граций узнает, где она находится, то дом господина Виткорфа не остановит его, но здесь её ещё найти надо. А вот на улице она чувствовала себя неуютно.

И надо ж было такому случиться, что именно сегодня господин Виткорф пожелал отправиться в

лавку за травами и попросил её сопровождать его.

— Диарлинг, дорогая, сегодня мы отправимся закупать травы. Я покажу тебе, какие травы и как следует выбирать.

— Может быть, в другой день? Сегодня слишком сыро. — Попыталась отговориться она. Хотя другой день ведь ничего не изменит. Какая разница, когда её найдут. Правда, возможно несколько дней отсрочки и она сможет накопить на билет до Гаста. Но Диара старалась не поддаваться ложным надеждам. Она слишком мало работала на господина Виткорфа. Да и характер у старика был не сахар. Вдруг он останется недоволен её работой и не выплатит ей жалование? Но в сердце упрямо зрела надежда.

— Опять намекаешь на мой возраст? Ай-яй-яй! — Шутливо погрозил пальцем старик. — Но я не так уж и стар, как ты думаешь. Ревматизм не мешает мне гулять под дождём.

Диара вздохнула и пошла собираться. Через четверть часа они с господином Виткорфом направлялись в лавку с травами. Войдя внутрь, она с наслаждением принялась. Показалось, что она снова в Римсе, а рядом стоит тот, другой травник.

— Так, Диарлинг, иди сюда. Сейчас я расскажу, как и что покупать. У господина Эурелиуса, наверное, ты выполняла немного другую работу. Но в нашей профессии ценно именно умение отличать качественную траву от подделки.

Диара подошла к господину Виткорфу, чтобы в ближайшие полчаса выслушать лекцию о качественных травах и когда их нужно собирать и в какие дни. Эурелиус никогда не рассказывал ей такие нюансы. То ли считал, что она недостойна, то ли предпочитал не забивать и себе и ей этим голову.

Наконец, когда экскурсия по лавке с травами была закончена, они вышли на улицу и Диара уже, было, вздохнула спокойно, её кто-то схватил за руку.

— А вот и ты. — Она вздрогнула и инстинктивно прижалась к господину Виткорфу, словно старик может её защитить. Какая глупость!

— Пустите меня!

— Нет уж, по приказу Её Высочества, мы должны доставить тебя во дворец, как одну из кандидаток во фрейлины. Отбор то ещё не закончен, моя дорогая, — прошипел Граций тихо. За его спиной Диара увидела стражников. Всё кончено.

— Отпустите мою работницу. Куда вы её ведёте? — Возмутился господин Виткорф.

— Не твоё дело. Молчи, если не хочешь просидеть в тюрьме остаток своей никчёмной жизни!

— Вы кто такой вообще? — Возмущённо выкрикнул господин Виткорф, но его уже никто не слушал. Да и что он может, с горечью думала Диара. Вот тот, другой травник, он бы мог... А впрочем, если бы мог, а точнее если бы хотел, давно бы уже заступился. Но на балу он вёл себя так, как будто она ему не интересна ни в каком другом качестве, кроме работницы. Впрочем, так наверное, и есть. Это она что-то себе придумала в очередной раз...

Алистер волновался. И злился на себя за это. И ничего не мог поделать. Если Граций и знал, где скрывается Диарлинг, то пока никому не открывал этого знания, а может быть специально водил его за нос. Если бы о его чувствах кто-то догадался, Диарлинг пришлось бы ещё хуже, поэтому Алистер молчал, изображая вежливую заинтересованность. Что думал Граций он не знал, но его мучило от волн самодовольства, исходивших от секретаря Его Величества.

Прошло несколько дней. Он не запомнил сколько. Алистер и раньше, увлекшись, плохо следил за временем, а сейчас ему и вовсе было не до того. Видеться с принцессой последние дни было пыткой — он ведь терял драгоценное время, но он молчал. Её Высочество по одной ей ведомой причине, решила устроить бал у него в доме, послезавтра. И он вынужден был терпеть и не ссориться, не показывать виду, как ему это всё надоело. Хотелось вернуться обратно, в дом, там в Римсе, который он уже давно привык считать своим. Но пока Диарлинг здесь, в руках у Грация, он просто не мог этого сделать.

А днём он снова почувствовал её. Волной страха и обречённости его снова накрыло с головой, так, что он едва вспомнил, где находится. И он не сомневался, кому принадлежал этот страх. Значит Граций всё-таки отыскал её. Алистер выпустил секретаря Его Высочества из виду утром, когда принцесса вызвала его к себе. И теперь лихорадочно пытался сообразить, где в последний раз он видел Грация. Кажется, южная дорога. Надо успеть. Почему-то это казалось жизненно важным.

Дорога тянулась необычно долго. Так долго, что он боялся почему то — может случиться

непоправимое. Если бы он мог чувствовать Диарлинг когда хочет, но он слышал только отголоски её чувств и то иногда. Теперь он уже не сомневался, что принцесса была заодно с Грацием. Но зачем это Её Высочеству? Не важно. Ему некогда думать об этом. Сейчас главное успеть.

Какой там город по южной дороге? Но он не доехал до города. В нескольких милях от столицы Алистер почувствовал Грация, а потом и увидел его. От его довольного вида стало не по себе, так, что он даже сначала не понял, что девушка в скромном дорожном платье в окружении нескольких стражников — это Диарлинг. Настолько она похудела и осунулась с последней их встречи. Хотелось броситься навстречу, обнять, прижать к себе, увидеть улыбку, которую, наверное, даже время не в силах стереть. Но, проклятье, пришлось опять сдерживать себя.

— Добрый день, господин Эурелиус. Вы куда-то направляетесь? — В голосе секретаря явно слышалась издёвка. Алистер сжал зубы, чтобы не стереть её кулаком.

— Да, искал вас, чтобы пригласить на бал, — ну и пусть это откровенная ложь, зато никто ничего не заподозрит.

— О, какое приятное известие, — ухмыльнулся Граций. — Ты приглашаешь только меня или мою жену тоже?

Жену?! Алистеру показалось, что ему на голову упало небо. Он почувствовал негодование Диарлинг.

— Не жену пока ещё, — она говорила уверенно, хотя сама боялась, очень.

— Только пока, — улыбнулся Граций и подмигнул Алистеру.

Он пропустил их отряд вперёд и сделал вид, что у него какие-то дела. Потом подождал немного и сам направился следом. Он не посмеет её тронуть до бала, до официального объявления Диарлинг невестой. И неважно — станет она ему женой или он поиграет ею и бросит, он в любом случае не даст этому случиться. А там всё зависит от желания Диарлинг. Внезапно, мысль, пришедшая в голову, заставила его развернуться и помчаться во весь опор в столицу кратчайшим путём. Всё ещё можно исправить и гораздо проще. И как он не подумал раньше? Правда перед девушкой встанет выбор и возможно она его за этот выбор не простит. Но пусть лучше она разберётся в этом сама на свежую голову, свободная и незапуганная и выберет, что делать дальше.

Вот теперь ждать точно нечего и не на что надеяться. Диара опустила голову, как только Эурелиус скрылся из виду. Сил больше не было. Теперь точно её никто не защитит и не заступится. И она станет женой Грация. И бал... Какой бал? Опять в доме травника? Она по привычке называла Эурелиуса травником, хотя в голове крутилось его имя Алистер. Упорно хотелось назвать его по имени, хотя бы раз, хотя бы в мыслях.

Когда они приехали во дворец, Граций гордо доставил её в крыло к фрейлинам, там где жили все кандидатки. Неужели он даст ей отсрочку? Ту, что нужна ей сейчас как воздух? Но секретарь Его Величества, видимо, не хотел выпускать такую ценную добычу из рук, когда она всё-таки к нему попала. Диара лишь печально усмехнулась, когда её оставили одну в отдельной комнате, больше похожей на темницу и заперли дверь. Вряд ли у Иниры есть ключи от этой двери, а если даже и есть, вторая попытка побега не увенчается таким успехом. Денег на дорогу до Гаста она не скопила. Неужели всё?

Отчаянье накрыло глухое и тяжёлое, тяжелее, чем тогда, когда её продали в рабство. Тогда она хотя бы на что-то надеялась, а сейчас... И на какую беду она попала на глаза Грацию? Зачем она ему? Она ведь прекрасно понимает, что как жена она ему не нужна. Тогда для чего вся эта фикция? Потому что так приказала Её Высочество? Или для того, чтобы выглядеть таким благодетелем в глазах диальской знати? Ответ она не знала. Но вряд ли у Грация её ждало что-то лучше, чем даже положение бесправной рабыни. Она не обманывалась.

Вечер и ночь прошли на удивление спокойно. Граций не приходил, зато служанка принесла ужин. Интересно, продолжается ли отбор или принцесса наконец прекратила этот фарс? Ночью она спала беспокойно. Ей снилась, что она убегает от Грация и никак не может убежать, а он стоит и смеётся над ней. А утром дверь распахнулась. Диара повернулась, ожидая увидеть служанку с завтраком. И застыла.

На пороге стояла Инира с Эурелиусом. Ей показалось, что это сон. Но нет, он был реален. Растрёпанные волосы, льдинки в глазах. Диара прижала руки к груди. Сердце забило быстро и взволнованно. Для чего он пришёл? Что он хочет от неё? Она сделала шаг вперёд, к нему, не отдавая себе в этом отчёта. Захотелось прижаться к Алистеру и не отпускать его никуда, несмотря на то, что она не имела на это права. Забыть про Грация, про принцессу, забыть про то, что она не нужна травнику, не больше чем служанка. Она не заметила, как ушла Инира и они остались

наедине. В комнате стало вдруг тихо, так тихо, что она слышала голоса гулявших по дворцовому саду дам и кавалеров.

— Диарлинг, — голос Эурелиуса прозвучал как удар колокола, взрезав тишину. Диара вздрогнула и отвела от него взгляд. Зачем он пришёл? — Кажется, ты не очень хотела выходить замуж за Грация?

Он подчеркнул слово «хотела».

— И сейчас не хочу, — она постаралась ответить твёрдо, но голос дрожал.

— Тогда я предлагаю вам выйти замуж за меня.

Что? Диара подняла голову. Но взгляд Эурелиуса был по-прежнему непроницаем и холоден. Зачем она ему? Поиграться? Хотелось поднять голову и твёрдо ответить, что она не согласна, но вспомнился Граций и «нет» застряло в горле.

— Зачем вам это? — Вымолвила с трудом.

— Выбирай, или выйдешь замуж за Грация или за меня. Сейчас. — Он как всегда не ответил ни на один из вопросов. Диара подняла глаза и... снова всего лишь на секунду увидела перед собой растрёпанного и нескладного травника, отдающего любимому делу без остатка. И она ответила, не колеблясь.

— За вас.

— Тогда сейчас в присутствии свидетелей и нотариуса, подпишем все необходимые бумаги, — Эурелиус говорил торопливо, чуть быстрее, чем обычно. Диара подняла на него глаза, но не смогла, как не старалась поймать его взгляд. Что он придумал? Зачем хочет жениться на ней? Одни вопросы, а ответов нет. Но одно она знала точно — лучше она выйдет замуж за Эурелиуса, чем за Грация. При мысли о последнем, начинало трясти.

Через несколько минут дверь открылась, впуская Иниру (наверное, она будет свидетельницей) и нотариуса. Дверь за ними закрылась.

— Поставь здесь своё имя, фамилию и подпись, — травник подвинул ей бумаги. Ключница и сухонький старичок-нотариус, молчали, ожидая.

Диарлинг вздохнула, закрыла глаза, попытавшись унять бешено бьющееся сердце и дрожащей рукой вывела своё имя и поставила подпись.

— Теперь вы, только побыстрее. Мне через четверть часа надо быть на площади, — нотариус выразительно покивал на часы, висевшие на золотой цепочке.

Эурелиус взял перо. Диара смотрела, как он выводил своё имя. У него так же дрожали руки и он избегал смотреть ей в глаза. Чего он боялся? Что она увидит в них то, что ей не следовало видеть?

Нотариус шагнул вперёд и пригласил жестом ключницу следовать за собой. Они оба поставили размашистые подписи, а потом он достал печать с королевским гербом — алый лев на зелёном фоне и поставил сверху, присыпав каким-то порошком.

— Всё. Брак считается заключённым. Желаю счастья, — сухо ответил он, натягивая шляпу. Несколько томительных секунд и Инира выскользнула из комнаты, оставив их с новоиспечённым супругом наедине. А Диара до сих пор не могла осознать, что произошло. Если она только что вышла замуж за этого человека, то почему до сих пор остаётся в этой комнате. Но Эурелиус не спешил ответить на её вопросы. Повисло молчание. Диаре казалось, что протяни она руку и сможет нащупать это молчание.

Через несколько минут, Эурелиус наконец поднял глаза.

— Встретимся на балу. — И собрался уходить.

— Подожди! Вы... ты разве ничего не хочешь мне объяснить? — Для неё было ново и волнующе называть его на ты. Пусть она не понимала и никогда наверное не поймёт этой странной игры, что он ведёт, но хотя бы представить. Вообразить себе она ведь может...

Травник молчал. Она думала, что он так и не заговорит, когда он наконец произнёс:

— Это единственный способ спасти тебя от Грация, — его голос почему-то звучал глухо, заставляя быстрее биться сердце. — Надеюсь, ты не поверила, что он действительно собирается на тебе

жениться? Но принцесса, по неведомым для меня соображениям, поддерживает его, поэтому ты, наверное, догадалась, что и я и нотариус здесь незаконно, скажем так. Поэтому я сейчас уйду, а ты молчи и жди. Встретимся на балу.

И снова замкнутый мужчина с льдинками в глазах. Эурелиус менялся ежесекундно, сам, кажется, не осознавая этого. Диара поймала себя на мысли, что до безумия хочет узнать, какой же он на самом деле, увидеть его всего. Она шагнула вперёд прежде, чем сообразила, что делает.

— Алистер! — Дотронулась до щеки, словно желая удержать. Он вздрогнул, но не отшатнулся, а шагнул ближе. — Зачем ты это сделал? — Она не узнавала себя. Ну и ладно! Пусть это было неприлично и не принято, в конце концов, но кому следить за её хорошими манерами? Щёки горели, словно от огня.

— Я не желаю, чтобы ты досталась Грацию. — Она рассчитывала не на такой ответ. Диара подняла глаза и застыла, как замороженная. Она совсем забыла, что он читает мысли (или чувства). Сейчас он смотрел на неё так странно, что сердце сошло с ума и пустилось в пляс. Льдинки в его глазах взорвались ураганом. Несколько минут она почти забыла как дышать.

— Встретимся на балу, — Алистер вышел, прикрыв за собой дверь. Что это только что было?

Глава 19

Алистер погнал коня. Он давно уже выехал в пригород столицы. Но остановиться просто не мог. Когда шёл к Диарлинг, договорившись с ключницей Её Величества, он был уверен, что она согласится. Ведь он ничем никогда не обидел её за всё время, что она гостила у него в доме. Нет не гостила, работала. И он купил её, как рабыню в конце концов! Может быть, она до сих пор обижается... Но в то, что Диарлинг предпочтёт его Грацию он не сомневался. И всё таки на душе было темно. Она не Сюзан, а он не восемнадцатилетний мальчишка. Он не может вот так взять и перешагнуть через себя, через все эти условности.

Но потом... Этот её взгляд и вопросы... Он запретил себе читать её чувства, закрылся как улитка в раковину, чтобы не испытывать больше ни малейшего соблазна. Но её глаза, они и так говорили больше, чем он мог предположить. Сойти с ума! Неужели Диарлинг испытывает к нему что-то кроме обиды?! А как же её жених? Тот другой, который должен прийти? Воспоминания о нём пришли так несвоевременно, зато немного остудили пыл. Сейчас, когда он — законный супруг Диарлинг, его Диарлинг, так не хотелось её отпускать! Но если она захочет, если только попросит — он обязательно отпустит и даст ей время.

Через час такой скачки, когда небо и земля слились воедино, а время словно растворилось, он почувствовал, что устал. С коня капала пена, он весь взмок. Выдохнув, Алистер повернул к столице. Надо приготовить всё для бала. В этот раз он сделает принцессе сюрприз. И если повезёт — застанет врасплох. Но он не признался бы даже самому себе, что боялся за Диарлинг. Если раскроется, что она — его жена до того, как он окажется рядом, чтобы поддержать и защитить, ей не поздоровится. Грацию она не нужна до официального представления на балу. Но если он что-то узнает раньше, кто знает, на что он способен.

Дома его ждало письмо от Гастона, где он, с удивительной для слуги проникательностью, спрашивал, как себя чувствует Диарлинг. Интересно, и как ещё Её Высочество ничего не заметила, если даже слуги уже чувствуют то, что чувствует он, без дара эмпатии? Ничего, ей недолго осталось ждать. Сегодня вечером они узнают всё. И будь он не он, если потом полгорода не придёт к нему за новостями, а заодно и за успокоительной настойкой. Алистер усмехнулся и прищипил коня. Он не будет разочаровывать диальскую знать.

Сколько времени прошло после отъезда Алистера, Диара не знала. Она просто сидела на кровати и улыбалась. Пусть это глупо, пусть бессмысленно, но страх отступил. Она почему-то не чувствовала себя больше бесправной рабыней, с которой можно делать всё, что угодно. Пусть Эурелиус сделал то что сделал из каких-то своих побуждений, но хотя бы какое-то время она побудет в блаженной уверенности, что он женился на ней по любви. Подумав об этом, Диара даже покраснела. Наверное, она слишком размышлялась. После всей этой суеты с отбором и Грегором, она объяснится с травником. А пока... Пока она будет просто радоваться возможности называть его Алистером.

До вечера, к ней в комнату несколько раз приходила Инира. Приносила еду, а потом и платье на бал. Наверное, Граций не знал, что ключница ей помогает, иначе отобрал бы у неё ключ именно от этой комнаты, а может быть, не удержался бы от соблазна и пришёл сам. Подумав об этом, Диара вздрогнула. Несмотря на то, что брачный договор, заключенный нотариусом по всем правилам вроде бы защищал её, она всё равно безумно боялась Грация и радовалась тому, что какие-то дела помешали ему прийти.

Инира была немногословна — спешила. А Диаре так хотелось расспросить её и о том, как она

познакомилась с Алистером и о том, что она думает по поводу всего этого. Но ключнице надо было приготовить девушек к балу, заключительному, как она объяснила. На этом балу принцесса выберет фрейлину из прошедших все этапы кандидаток. Диара даже обрадовалась, что ей не придётся участвовать в этом фарсе. После выходки с Грацием, она считала Её Высочество вредной и злопамятной девушкой, которая требует исполнения любого своего каприза, не считаясь с другими. Если бы она знала, что так произойдёт, то попыталась бы сбежать ещё по дороге к столице. Хотя, какой смысл об этом сейчас думать? Всё равно ничего изменить нельзя.

Вечером служанки пришли, чтобы помочь ей переодеться в бальное платье и сделать причёску. Сказали, что господин Аделиос приказал. Диара заставила себе мило улыбнуться девушкам, хотя на душе снова стало беспокойно. Может быть всё, что произошло сегодня с утра, лишь часть какого-то большого спектакля, в котором ей отводится неизвестная роль? Может быть, тот ураган в глазах Алистера ей всего лишь привиделся?

Бальное платье было слишком откровенным. Подчёркивало то, что Диаре хотелось бы скрыть. Если бы она шла на вечер и с Алистером, возможно, она и смирилась бы с таким нарядом, но на балу, да ещё и рядом с довольным секретарём Его Величества, чувствовать себя так, словно тебя раздевают сотни глаз. Она поёжилась. Хоть бы накинуть что-нибудь сверху. Служанки ушли на несколько минут, чтобы вернуться потом с гребнями, шпильками и всем прочим, необходимым для создания причёски. Она должна выглядеть неотразимо, так сказал тот, кто считает, что она — без пяти минут его. Она даже не могла представить, что скажет Граций, когда узнает, что все его планы рухнули. Но тем будет интереснее.

— Ты готова, моя красавица? — Дверь отворилась и вошёл сам секретарь Его Величества, лёгок на помине.

— Я не ваша, — не смогла сдержаться Диара.

— Показываешь зубки, ну ну. Тебе недолго осталось. Я от своей жены непослушания не потерплю, — и Граций усмехнулся хищной улыбкой, а потом подал ей руку. Диара демонстративно спрятала руки за спину. Она не могла с этим ничего поделать, но даже прикоснуться к Грацию было противно. — Играешь? Ну играй, играй. Люблю, когда добыча сопротивляется, — прошептал он, внезапно притянув её к себе. Диара испугалась, забилась, как птичка в клетке, но Граций улыбнулся и отпустил её.

В одной карете с Грацием Диара сидела как на иголках. Она надеялась, что секретарь Его Величества поедет отдельно. Но он видимо решил пренебречь приличиями. Если он будет приставать, она не сдержится и скажет ему, что она теперь жена Алистера. Но ей самой в это не верилось. Казалось всё так призрачно, так зыбко, что поневоле начнёшь сомневаться. Но Граций не говорил ничего, только мерзко улыбался и потирал руки. Наверное, был уверен, что она от него теперь никуда не денется.

Как только они подъехали, волнение накрыло с новой силой. Диара застыла, ища глазами Эурелиуса. Но его нигде не было видно. На секунду ей стало страшно. Вдруг ей всё, что было сегодня — лишь привиделось? Может быть, она лишь выдаёт желаемое за действительное? А память после пережитых волнений играет с ней странные шутки. Но никто не должен видеть как ей страшно, что бы ни случилось. Пусть она войдёт в этот в качестве невесты Грация, но войдёт с гордо поднятой головой!

И Диара подняла голову и сама вылезла из экипажа, проигнорировав поданную Грацием руку и дальше тоже направилась в одиночестве, не очень то обращая внимания на то, как на неё смотрят. Граций догнал её уже у самого входа. Запыхавшийся и рассерженный.

— Ты хочешь, должно быть, выставить меня дураком. Ничего, останемся одни и я это тебе припомню. На коленях будешь вымаливать прощение. А я ещё подумаю, даровать ли тебе его или нет.

Диара сжала губы до боли, только этим показывая что она вообще его слышит. Но сердце тут же пустилось вскачь. На ступенях рядом с принцессой принимал гостей хозяин дома — Эурелиус. Он казался сейчас таким недоступным, таким чужим, что Диара едва не расплакалась. Наверное, ей точно почудилось то, что случилось сегодня. Она смотрела на него, ловя хоть какой-то отблеск чувства, но он лишь равнодушно мазнул по ней взглядом и отвернулся. Разом стало душно. Ничего. Ей главное пережить этот бал. А о дальнейшем лучше не загадывать.

— Дамы и господа, — в зале в секунду стало тихо. Голос принцессы набатом отдавался в ушах. — Позвольте представить вам господина Грация Аделиоса с его невестой.

Повисло молчание. Недолгое. А потом диальская знать рассыпалась в фальшивых улыбках и поздравлениях. Диара чувствовала, как её осматривают и почти ощупывают. Все взгляды были

обращены на неё. А накидку она так и не смогла найти. Хотелось завернуться во что угодно, хоть в штору и сбежать от всей этой разряженной толпы. Но кто будет спрашивать, что ей хочется? Кажется она улыбалась, горько, сама не понимая, как губы растянулись в улыбке. И не сразу услышала, что зал стих.

— Простите, но госпожа Диарлинг не может быть невестой господина Аделиоса. — Это говорил Алистер. Наконец-то! За несколько ужасных минут Диара успела передумать что угодно и только сейчас наконец-то успокоилась.

— Почему? — Принцесса заинтересованно смотрела на Эурелиуса.

— Потому что она — моя жена.

Диара услышала как кто-то за её спиной потрясённо выдохнул. Она медленно подняла глаза и увидела как Алистер смотрит только на неё. И от этого взгляда стало жарко.

Потом он медленно подошёл к ней и взяв за руку, спокойно подвёл к своему месту в зале, где до этого встречал гостей вместе с принцессой. Вот так. Как будто ничего и не произошло. Как будто так и должно быть. Может быть, для него всё правильно. Или Алистер просто слишком хорошо притворяется. Неважно. Она спросит у него об этом потом, после этого ужасного бала.

— Как это — ваша жена?

Диара даже вздрогнула, услышав голос Её Высочества. На какой-то короткий миг она забыла, что в этом огромном зале существует кто-то кроме них двоих. Она робко подняла глаза на принцессу и тут же вновь опустила. Та была в ярости. Не надо даже было читать мысли или разбираться в интригах и политике, как Граций, чтобы это понять.

— Я могу предоставить вам, Ваше Высочество, брачный договор, заверенный нотариусом. Оригинал хранится у меня в кабинете. Если вы хотите, слуга сбегает за ним. — Алистер был спокоен, как ледник, в противовес буре, бушевавшей в глазах принцессы.

— Не надо, господин Эурелиус, я вам верю. — Её губы кривились от гнева. Принцессе с трудом удавалось сдерживать себя. Если бы Диара была одна, то поостереглась бы вызывать её ярость. Но она была не одна и поэтому почти не испытывала страха. — Но как же вы посмели, — она попыталась обратить всё в шутку, но слова звучали жутко. — жениться без дозволения Его Величества или в крайнем случае не спросив меня? Как нехорошо!

— Простите Ваше Высочество, но я лишь недавно прибыл в столицу и не знаю местных порядков. А теперь, простите нас, — Алистер поклонился и отошёл в сторону. Диара двинулась за ним, когда за руку её схватил Граций.

— Думаешь, уйдёшь от меня? — зашипел он. — Мы ещё встретимся, вот увидишь.

И он выпустил её руку. Диара поспешила к новоиспечённому мужу, гадая, как и когда приведёт в исполнение свою угрозу Граций.

— Что он от тебя хотел? — Вместо приветствия спросил Алистер, нахмурившись.

— Сказал, что всё равно достанет меня, — вздрогнула Диара. Ей вдруг стало неуютно в таком открытом и слишком откровенном бальном платье.

— Я не отдам тебя ему, не бойся. — Диара подняла голову. Лёд в его глазах сменился пламенем. Она стояла, как замороженная глядя на него. — Жаль что не в моей воле закончить этот бал сейчас же. — Он улыбнулся и перед глазами снова возник тот прежний растрёпанный травник. А потом снял свой парадный сюртук и накинул ей на плечи. Диара благодарно посмотрела на него. И какая разница, что они стояли посреди бального зала на глазах у десятков пар любопытных глаз. Вот сейчас их было только двое. И никого больше.

— Спасибо тебе, Алистер, — тихо сказала она. Он вздрогнул и взяв её за руку, поднёс к губам.

— Тебе не за что меня благодарить. Но я думаю, что продолжить наш разговор лучше будет после бала.

Диара вздохнула и плотнее закуталась в сюртук. Окончание бала пролетело как один большой сон. Что-то говорила принцесса, объявляли танцы. Наплевав на все условности, Алистер танцевал только с ней или не танцевал вообще. Диара кружилась с ним в танце, чувствуя себя бабочкой, которой влечёт к огню всё сильнее и сильнее. Она ровным счётом ничего не знала об Эурелиусе, но то что он сделал и то, как он говорил с ней, заставляло глупое сердце биться всё сильнее и сильнее.

Вся диальская знать внезапно заинтересовалась ей и подходила знакомиться, а Граций всё время ходил где-то рядом, не давая расслабиться и вздохнуть спокойно. Когда наконец бал закончился, Диара почувствовала, как она устала. Хотелось только одного — лечь и уснуть.

— Вот твоя комната, — Алистер был краток. Проводил её до двери и оставил свечу. Заставив перед сном сомневаться — а не приснилось ли ей сегодня всё что произошло? Вдруг она заснёт, а проснётся снова дома и рядом будет отец, а за окном в саду ждёт Эдмон. Вспомнив бывшего жениха, Диара содрогнулась. Лучше уж пребывать в этом блаженном сне, чем вернуться в ту старую реальность. Пусть там и был жив отец, но она никогда не знала и не узнала бы Алистера. И с этими мыслями она уснула.

Глава 20

Проснулась она, когда солнце уже было высоко. Никто не будил её и не тревожил. И в первые несколько минут, Диара даже не сразу вспомнила где она находится. И мебель и шторы и кровать и даже сама комната были ей незнакомы. Не похожи ни на обстановку во дворце ни на комнатку в доме Эурелиуса. Эурелиус... Она вспомнила вчерашний сумасшедший день и тут же вскочила. Может ли такое быть, что она действительно за ним замужем? И если это правда, то для чего ему это было нужно?

«Я не отдам тебя ему» — Вспомнив эти слова, Диара поняла, что краснеет. Что он хотел сказать? Ей обязательно надо это узнать. Иначе она не сможет с этим жить. Она встала. На стуле нашлось новое повседневное платье, не то громоздкое бальное, которое вчера она с удовольствием скинула. Одевшись, Диара выглянула в коридор. В коридоре было необыкновенно тихо после вчерашнего вечера. Даже непривычно.

Она сделала несколько шагов и застыла в замешательстве — куда идти. Дом был просто огромен. И почему Алистер бросил его, бросил столицу и уехал в никому неизвестный провинциальный Рим? Хотя она ведь знала ответ, просто не хотела себе в нём признаваться. Во всём виновата Сюзан, его Сюзан. И она никогда не займет в его сердце её место. Если он столько лет не мог её забыть...

— Вы кого-то ищете, госпожа? — Пожилая служанка смотрела на неё выжидающе.

— Да, господина Эурелиуса, — глупо было бы отнекиваться, что она не его ищет.

— Идёмте, я провожу вас.

Через пару пролётов они спустились вниз по лестнице к гостиной. Служанка ушла, а Диара осталась у двери. Раньше в Риме она не робела перед травником никогда. Возможно, потому что ещё не понимала, какой огонь съедает её. Но сейчас она никак не могла решиться сделать первый шаг, шаг ему навстречу. Боялась что оттолкнёт, снова станет чужим. Но наконец, несколько минут сомнений и Диара шагнула вперёд.

— Доброе утро, Диарлинг, — Алистер шагнул навстречу. — Как спалось?

— Спасибо, хорошо. — Почти ведь не спала. Лучше чем во дворце и потом у господина Виткорфа в ожидании погони. Но к чему эти вопросы?

— Располагайся пока здесь как дома.

— Пока? — Диара не удержалась и сказала это вслух. Почему пока?

— Ну да, пока ты не решишь, чем дальше будешь заниматься и где. Я не буду тебя неволить. Госпожа Гаэсс говорила, что ты хочешь поступить гувернанткой в семью. Я могу помочь.

Каждое слово резало как ножом.

— Ты прогоняешь меня? — Сорвалось с губ прежде, чем Диара успела подумать.

— Нет, что ты! — Глаза Алистера снова сияли льдом. — Просто ты, наверное, захочешь подождать того, кто собирался за тобой приехать и кому ты писала письмо.

Письмо? Он знает о письме Эдмона? Но каким образом? Несколько секунд она молчала, изумлённая не зная что ответить. Рассказать ему всё про Эдмона? Но если бы она нужна была Алистеру, он бы не отказался от неё так легко. И этот его ледяной взгляд... Он ведь читает её то ли мысли то ли чувства. И ему всё равно. А раз так, почему она должна унижать себя? Гордость — единственное что у неё ещё не отобрали.

— Он найдёт меня в Гасте, — бесцветно ответила она. Потом отвернулась и отошла к окну. — Вы правы, — она не заметила, как снова перешла на вы, — я немного отдохну здесь и отправлюсь в свой

родной город. Была бы очень признательна если бы вы помогли мне. Я всё потом верну.

Она говорила и не узнавала свой голос. Словно они не муж и жена, а чужие друг другу. Да ведь так оно и есть. Это она что то напридумывала себе. А всё что было иного, просто ей приснилось. Эурелиус поступил благородно, женившись на ней, чтобы вырвать её из рук Грация. Через несколько лет он признает брак фиктивным и получит развод. А потом... Что будет потом — это уже не её дело. И она развернулась к двери.

— Постой, — голос Алистера звучал глухо. Она обернулась. Он нагнал её в несколько секунд. — Ты думаешь я так просто отпущу тебя?

Она подняла глаза. И почувствовала как кружится голова. В его глазах снова бушевал ураган, снежная буря, сметаая всё на своём пути.

Он хотел отпустить её, но не думал, что это будет так сложно. Сложно притворяться холодным и равнодушным, сложно играть в эту игру. Надо признать — он не справился. Если она хочет идти — пусть идёт. Но если она думает, что он отпустит её просто так, не выяснив что между ними происходит, то она ошибается.

— Ты думаешь, я так просто отпущу тебя? — Алистер поднял голову. Диарлинг стояла напротив. Такая решительная, с гордо поднятой головой и в то же время такая слабая и ранимая. Соблазн прочесть её чувства, окунуться в них с головой, был так велик, что он с трудом удержался.

А она молчала. И это было тяжелее всех слов. Он не мог ничего объяснить, просто не умел. Он слишком долго жил один. Алистер дотронулся до её лица, осторожно, как скульптор до любимого творения, а потом не выдержал и притянул её к себе. Ну и пусть, пусть она будет сопротивляться. Он даже ждал этого. Но она стояла молча.

— Диарлинг?

Она подняла глаза и Алистеру хватило одного взгляда. Он закрывался от неё, но его всё равно смело словно лавиной робкой нежности и недоверия. Бережно прижался губами к её волосам и заставил себя разжать руки. Они дрожали. Поверить невозможно. Неужели она — его, полностью?

— Не уходи, — попросил. Голос звучал глухо. Он с трудом удержался. Хотелось поднять её на руки и кружить. Он никогда не делал так со Сюзан. Но она была и исчезла, осталась светлым миражом в его жизни. А Диарлинг — вот она, настоящая, живая.

— Не уйду, — кивнула она. А потом добавила, наверное с мольбой. — Ты ведь знаешь мои чувства, умеешь... Зачем молчишь? Чего ты хочешь?

— Я закрываюсь от тебя сейчас.

— Почему?

— Это — неправильно — читать близких, — заставил себя ответить с усилием. — Иначе никогда не научишься доверять. У эмпатов проблемы с доверием.

— Поэтому ты живёшь вот так, в одиночестве?

Алистер покачал головой. Она ведь знает, почему. Зачем спрашивает?

— Нет, не поэтому. Ты ведь догадываешься.

— Да, но я ведь — не она, — ответила Диарлинг с мольбой.

— Но мне и не нужна она, мне нужна ты, — ну вот и сказал. Слова дались легко, как будто так и надо. Правильно. Он ведь хотел это сказать давно, почти с того самого дня, как встретил её. Такую нежную, строгую и такую печальную.

Но она молчала. Алистер постоял несколько секунд, показавшихся вечностью, потом отошёл к окну, так и не дождавшись ответа. Может быть, ей вовсе не нужны сейчас его признания? Может быть, он ждёт напрасно? Ведь, помнится она говорила, что за ней кто-то должен приехать...

— Но если ты не хочешь... Если ты кому-то обещала... Я пойму, — заставил себя выговорить с трудом. И на мгновение даже закрыл глаза. Он не ошибался, он знал, что она чувствует. Но существовали ещё понятия чести и долга. А для Диарлинг они превыше всего. Но он любил бы её меньше, видит Небо, если бы она была другой! Алистер не заметил, как пальцы сжались в кулаки.

— Нет, — она ответила медленно, даже задумчиво. — У меня теперь никого нет, не было, —

поправились она и посмотрела на него так, что захотелось прижать Диарлинг к себе и никуда не отпускать. Ещё немного и он даже не дослушает её, не сможет. — Мой жених, как раз перед той встречей с Грацием, когда я пропала, увидел меня и сделал вид, что не узнал. У меня в Гасте больше никого не осталось. — Ну так в чём же дело? Захотелось спросить её. Но Алистер терпеливо ждал. Чего она хочет? Чего боится? — Но если ты женился на мне только для того, чтобы спасти от Грация, если тобой двигало только это, то спасибо, но я не приму такую жертву.

Жертву? Он едва не рассмеялся ей лицо. Так вот чего она боялась!

— Если бы мной двигало только благородство и рыцарские идеалы чести, я нашёл бы более простой выход, чем скоропалительная женитьба. Для меня это не жертва, нет. Я получил то, что хотел. Вот только совпадают ли мои желания с твоими? — Спросил тихо, притянув к себе, едва касаясь губами волос. Небо, он кажется сходит с ума!

— Да, — едва слышно ответила Диарлинг, покраснев.

Всё было как во сне. Казалось, что само небо спустилось на землю сегодня. Диара всё ещё не могла никак прийти в себя от того, что мечты неожиданно оказались реальностью. Между ними с Алистером было чудо, а ещё доверие, странно, зыбкое, нездешнее. Было так тяжело учиться доверять и ей и ему.

— Мы вернёмся в Римс? — спросила она тихо после нескольких блаженных минут счастья.

— Я бы хотел, — Алистер задумчиво провёл пальцами по её щеке. Сердце забило сильнее. Казалось, ещё немного и выпрыгнет из груди. — Странно, но все годы, после позорного побега отсюда из дома, я мечтал вернуться и не мог. Но думал, что если когда-нибудь наберусь смелости вернуться, то буду здесь счастлив. Жизнь играет с нами странные шутки...

Диара отвернулась, скрывая радость даже от самой себя. Она ни за что не хотела бы остаться здесь, в столице. Пусть не вернуться, домой, где прошло её детство и где её предали и продали, но хотя бы в Римс, спокойный славный городок. Но ведь Граций найдёт их и там. Вряд ли он успокоится. Вспомнив о нём, она вздрогнула.

— Ты думаешь о Грации? — Алистер как будто обладал даром читать мысли, а не чувства. И на несколько коротких мгновений, Диара даже пожалела об этом. Вот умел бы он читать мысли, насколько было бы проще — не нужны слова, объяснения, прочь недоверие и странные вопросы.

— Да, — не стала отрицать она. — И боюсь. Он же ведь просто так не успокоится. И Её Высочество.

— Не успокоится, — Алистер нахмурился. — Но я что-нибудь придумаю. В крайнем случае обращусь к Его Величеству.

Диара покачала головой. Она не верила, что король предаст интересы собственной дочери в угоду кому-то, но промолчала. Какая ей в сущности разница? Главное, что Алистер — рядом. Всё остальное — неважно.

— Господин Эурелиус, — постучала в дверь служанка. — Завтрак готов.

— Позавтракаешь со мной? — Алистер взглянул так, что сердце зашло от счастья. Диара вздохнула. К счастью тяжело привыкнуть и даже просто в него поверить. Ничего, у них впереди будет ещё много счастливых дней. Она очень на это надеялась.

— Конечно.

Столовая в этом доме была великолепна — светлая, в сиреневых тонах. Но Диаре почему-то было в ней скучно, словно чего-то не хватало, наверное (возможно ли такое?) той мрачности, что была в доме в Римсе. Той странной атмосферы, которую она сначала ненавидела, и по которой потом в этом огромном шумном Диале, тосковала.

Они почти закончили завтрак, когда в столовую вошёл, по видимому дворецкий.

— Господин Эурелиус, вас там спрашивают.

— Хорошо, передай, что я сейчас выйду. — И уже ей, поворачиваясь — Прости, Диарлинг, я сейчас.

Она встала, уже догадываясь, кто пожелал видеть мужа. Сердце предательски заняло. Ревновать ей не пришлось бы даже в голову. Плохо было от того, что произволу принцессы Алистер не может ничего противопоставить.

Когда через несколько минут он вышел из гостиной, сжимая руки в кулаки, Диаре не надо было даже читать мысли, чтобы понять, что происходит.

— Это принцесса, да?

— Требуется к себе, — отрывисто бросил Алистер, на ходу накидывая плащ. — А самое плохое, что я не могу отказать, иначе это будет уже прямое неповиновение правящей власти, чтоб её! Но я вернусь, обещаю, как можно скорее.

Он прижал её к себе, скорее по-братски, неловко погладил по волосам и вышел, не обернувшись. Диара осталась стоять, растрёпанная, прижимая руки к сердцу, но необыкновенно счастливое. Правда счастье длилось всего лишь несколько секунд, сменившись тоскливым предчувствием. От Её Высочества можно было ожидать чего угодно...

Глава 21

Алистер не вернулся к вечеру, заставив Диару, сжимая руки в кулаки, в тревоге бродить по дому. Ставший внезапно пустым без него, он казался до ужаса неудобным. А вся её жизнь за это недолгое отсутствие — почти бессмысленной. Она так долго была одна, так боялась несказанных слов, что в счастье с трудом могла поверить. И тем тяжелее было с ним расставаться.

Здесь в Диале у неё не было знакомых, кроме Иниры, никого с кем можно было бы поговорить, сходя с ума от тревоги. Почему Алистера так долго нет? Он должен был уже вернуться. Ещё несколько минут, и она сама бы бросилась к принцессе, искать своего мужа, хоть это было бы глупо и опасно. А может они с Грацием как раз этого и ждали? Как же тяжело! Она выдохнула, приказывая себе успокоиться. От того, что она нервничает и переживает, Алистер не вернётся. Может быть, ему нужно помочь, но как? В этой стране она знает ничтожно мало людей, которым можно доверять.

Когда скрипнула входная дверь, Диара почти бегом спустилась вниз, чтобы столкнуться с Алистером, растрёпанным, уставшим, но живым! Не помня себя от радости она кинулась ему на шею, чтобы уткнуться носом в его волосы, так замечательно, так упоительно пахнувшие травами, и замолчать.

— Тихо, тихо, я живой и пока даже на свободе, — он говорил так тихо, поглаживая её по волосам, но необыкновенно глухим голосом, от которого в груди становилось тепло.

— Что случилось? Почему ты так долго? — Она задала бы ещё больше вопросов, если бы Алистер не обнял её, увлекая за собой в гостиную.

— Мы разговаривали с принцессой. И разговор был не из тех, которые тебе было бы приятно услышать. — Он нахмурился. Диара безотчётно провела пальцам по морщинкам.

— Диарлинг, я ведь так совсем не могу разговаривать, — улыбнулся Алистер, разгладив все морщинки. — Пожалей меня. Когда ты рядом и так все мысли сбиваются со своего привычного ритма. Её Высочество ясно дала мне понять, что если я добровольно не отдам тебя Грацию и не откажусь от тебя, они отберут тебя насильно. Словно речь идёт о какой-то игрушке!

Алистер замолчал. Прежний страх снова начал заползать в душу. Против принцессы он бессилён.

— Не бойся, — Тёплая рука легла на плечо, а потом Алистер развернул её и прижал к себе. — Не бойся, — повторил, поглаживая по волосам, как ребёнка, как когда-то давно, в раннем детстве вот так делал отец. И от него пахло травами, пряным запахом галискааса. — Я не отдам тебя Грацию. У меня есть знакомый в Гасте, спрячешься у него, проживёшь какое-то время.

— Поживёшь? А как же ты? — Что он хочет сказать?

— Это на крайний случай, если меня не отпустят или со мной что-то случится.

— Ты думаешь они что-то могут сделать? — На миг заледенела Диара, вспомнив свою тревогу несколько минут назад до того, как Алистер вошёл домой.

— Они могут всё. Поэтому слушай. Если что-то случится, езжай сразу в Гаст, не жди меня. Сейчас я скажу тебе адрес, улица Долсен дерр, 18. Там живёт мой старый знакомый, господин Файтер. Может быть знаешь его?

— Отец, кажется, пару раз с ним пересекался, — не очень уверенно ответила Диарлинг. Как будто всё то, что было в прошлом, произошло очень много лет назад.

— Хорошо. Я оставлю на столе записку ему. Если со мной что-то случится — уезжай, не медли.

— Но... — Если с ним что-то случится... Диарлинг не представляла как она сможет тогда жить дальше.

— Никаких но. Если он не найдёт тебя, то и меня рано или поздно оставят в покое. Ты мне веришь?

Что она могла ответить? Только

— Да.

Следующие дни были наполнены совсем не тем, чего хотела Диара. Никаких разговоров по душам и прогулок, ничего такого, о чём она втайне мечтала. Алистера почти каждый день требовала к себе принцесса. Не звала, а именно требовала, настойчиво и почти на целый день. Алистер не рассказывал, что они делали наедине, но приходил домой мрачнее тучи. А Диара боялась спрашивать, опасаясь, что ответ придётся ей не по вкусу. Она была уверена в Алистере, но как тяжело было так жить и ждать неизвестной бури.

Через пару дней муж вернулся домой мрачнее обычного. Она всё-таки не вытерпела и спросила:

— Алистер, что случилось? — Хотела добавить «я страдаю», но промолчала. Он почувствует сам. Может быть, супруг лукавил, когда говорил, что больше не чувствует её, специально, но он всегда точно угадывал, о чём она думает. И знал, как утешить, даже не читая её.

— Завтра принцесса устраивает королевскую охоту и естественно требует меня рядом с собой. И получается уже эта мерзкая двусмысленность. — Алистер сжал руки в кулаки. — Вроде бы я женат, а вроде бы — и при принцессе.

— Она предлагала тебе место своего фаворита? — Побледнела вдруг Диара, вмиг поняв, куда он клонит.

— Предлагала. И даже больше. Намекала, что будет рада видеть меня и кем то большим. Она ведёт свою игру. А я не хочу быть игроком.

Он подошёл так быстро, что Диара не успела опомниться, как стояла уже, прижавшись к Алистеру. Она затаила дыхание, вслушиваясь в стук его сердца. Несмотря на всё, это так... волшебно.

— Я люблю тебя, люблю! И не буду играть по её правилам, — шептал Алистер глухим голосом, от которого у Диары перехватывало дыхание. — Завтра я буду готов отказаться ей, официально поругаться с ней. Лучше места, чем сделать это прилюдно и на охоте не найти. Но она не из тех людей, что стерпит оскорбление. Будь готова уехать, собери вещи. Только не медли.

— А что будет с тобой? Ты не можешь поехать со мной? — Наверное, он не мог, иначе бы уже сделал это. Но, как это было тяжело, невозможно, невыносимо!

— Не могу. Если мы сбежим вдвоём, вряд ли их остановит даже граница, тем более сейчас, когда Граций ещё так зол. К тому же я не оставляю надежды уговорить Его Величество. Отношения с дочерью, насколько мне известно, у них достаточно прохладные. В любом случае я попытаюсь. А ты не жди, если я не вернусь завтра, уезжай тут же.

Диара кивнула. Несмотря на то, что она готовила себя к такому исходу все эти дни, несмотря на то, что запрещала себе думать о плохом, в глазах всё равно предательски зашипало, а горло сдавило. Она могла только сильнее прижаться к Алистеру, моля, что всё обойдётся. Пожалуйста, пусть он вернётся, принцесса оставит его в покое и они через несколько дней уедут обратно домой, в Рим! Она уже представляла, как откроет все окна в их большом доме и повесит занавески. Сменит обои на более светлые цвета. И только лабораторию трогать не будет.

— О чём задумалась? — Алистер прикоснулся рукой к щеке, осторожно погладил пальцами, словно боялся, что она убежит. Она уткнулась носом в его щеку, вдыхая такой родной, такой знакомый пряный запах. Ради этой минуты Диара готова была сотни раз пережить всё то, что с ней уже случилось, снова и снова.

— Я думаю, как преобразить наш дом. И подойдут ли столовой кружевная скатерть и панели светлого дерева в тон?

— Ты прекрасна! — Алистер рассмеялся легко и весело, словно никогда в его глазах не было ледяной стены, как тогда при первой встрече, словно она ей почудилась. — Завтра — будет завтра, давай пока не думать ни о плохом, ни о хорошем. Лучше жить сегодняшним днём.

«Просто потому что завтра для кого-то из нас может не настать», — пронзило печалью Диару. Нет. Лучше не думать об этом. Она сознательно отказывается в это верить.

В доме так сумасшедше пахло уютом, теплом и ещё кофе, что Алистер на несколько секунд даже закрыл глаза. Уйти сейчас, с утра, пока Диарлинг ещё не проснулась. Его Диара, его жена... Он

тихо оделся и выскользнул за дверь, не разрешая себе расслабиться. Если он будет думать о ней, то просто останется дома, наплевав на всё. А это невозможно. Надо быть осторожным.

Он усмехнулся, хищно и зло. Каким хочет его видеть принцесса? Таким? Или она не знает, что он бывает таким? Оседлав коня. Он пустил его вскачь, напрямик к месту охоты. В седельной сумке помимо остальных трав с недавних пор поселился галискаас. Он напоминал о Диаре. И ради нее он сегодня одержит победу. Иначе и быть не могло!

Рощицу, которую по странному капризу выбрала сегодня Её Высочество, он знал почти наизусть. Он любил гулять здесь вместе со Сюзан. И пусть она давно уже превратилась лишь в печальное воспоминание, ему всё равно было неприятно. Будто принцесса снова указала ему на своё место, ткнула лицом, как зарвавшуюся собаку.

— А вот и ты, Алистер. Задерживаешься, — её голос звучал томно. А чувств опять было невозможно прочесть. Но интонации и что-то в её голосе только утвердили его в том, что всё случится сегодня. Да и сказано было негромко, но так, что, наверное, услышали все придворные. Разговоров хватит надолго. Вот и госпожа Гаэсс, помогавшая ему, смотрит с осуждением.

Алистер сам не знал почему, но её неприязнь задела его. Или это может быть потому что только она во всём этом клоповнике была рядом с его Диарлинг. Но они вольны думать что хотят, он не будет никому ничего объяснять. Он спрыгнул с коня, поздоровался с принцессой, упорно проигнорировав руку, поданную для поцелуя и направился на другой конец поляны.

Тишину, наступившую внезапно и неотвратимо, нарушил Граций, который как ни в чём не бывало, объяснял правила охоты для новичков. Для таких, как Алистер, которые не собирались охотиться отдельно накрыли карточный стол на поляне неподалёку от охотничьего домика.

Когда рожок дал сигнал и загонщики с собаками скрылись в чаще леса, Алистер немного расслабился. Принцесса до дрожи любила охотиться и пару часов у него есть. Но отдохнуть ему не дали.

— Господин Эурелиус, а вы почему в одиночестве? — Одна из фрейлин мило улыбаясь, как бы случайно коснулась его рукой.

— Я не нуждаюсь в компании, — немного резче, чем намеревался ответил он.

— Вот как. Наверное, твоя жена заменила тебе всех нас, — насмешливый голос Грация с нотками ненависти он узнал бы из сотен.

— Я не намерен обсуждать свою жену с кем либо, — ответил резче чем намеревался.

— Было твоё, станет моё, — Граций рассмеялся и натянув поводья, направил свою лошадь вглубь леса. Вот оно, то чего боялся. Хотелось прямо сейчас, наплевав на всё, броситься домой, к Диаре, но нельзя, пока нельзя. Она сама всё понимает и уедет туда, где будет в безопасности. Он уговаривал скорее свою совесть. Если с ней что-то случится, он этого себе не простит.

С четверть часа Алистер бродил по поляне, почти в одиночестве, потом решил что можно направиться к охотничьему домику.

Он повернул поводья к тропинке, уходившей вглубь леса. Лошадь неторопливо потрусила туда. Он же приедет, ну и пусть к концу охоты, главное что приедет, усмехнулся Алистер своим мыслям.

Через четверть часа тропинка сделала резкий поворот и разделилась на две. И, видимо, он свернул не туда, потому что услышал совсем близко топот копыт и разгорячённые крики охотников. На тропинку перед ним выскочила принцесса. Красивая и величественная, даже несмотря на забрызганное грязью в пылу охоты платье. Вот только его эта красота совсем не привлекала. Может быть потому, что он даже не применяя своего дара, видел её суть — мелкую, завистливую, жадную до чужого счастья.

— Алистер, вот ты где! Я так рада тебя видеть! — Принцесса видимо проглотила пренебрежение, оказанное ей недавно. А может решила дать ему ещё один шанс. Кто знает... — Не присоединишься к охоте?

— Нет, Ваше Высочество. Я не люблю охоту. Моя задача лечить, а не причинять боль. — Не смог не подколоть он.

— Но ты ведь причиняешь боль мне, — принцесса оказалась совсем близко. Алистер невольно отодвинулся. Ему было неприятно. Плевать на то, что кто-то увидит и подумает. Неприятно даже подумать о том, что это увидела бы Диара.

— Простите Ваше Высочества, я и не думал, что своим поступками причиняю боль, — ответил как

можно вежливее.

— Ничего страшного. Ведь всё можно исправить. Зачем тебе эта девчонка, Алистер? — Она вдруг схватила его лошадь под уздцы и оказалась прямо напротив него, глаза в глаза. Разгорячённая, растрёпанная, торжествующая, похожая на дикую опасную тигрицу. Не такую жену он хотел бы себе, даже если бы был свободен. — Сделай мне официально предложение и мой отец назначит тебя приемником. После его смерти, да живёт он долго и счастливо, ты станешь королём, а я королевой. Неужели тебя не прельщает такая возможность? — Горячий шёпот почти обжигал.

— Нет. — Ответил коротко, надеясь, что принцесса успокоится на этом. — Простите, Ваше Высочество, но у меня уже есть жена.

— Сегодня есть, а завтра нет, — прошипела она, показывая своё истинное лицо. — Так же как когда-то твоя девушка. Сколько лет назад это было? Десять? Я ведь ждала. Знала, что рано или поздно ты вернёшься, а Граций присматривал за тобой. Плохо присматривал.

О чём она? Какая девушка? Разум отказывался воспринимать эти слова, ведь если им верить...

— Чем помешала тебе Сюзан? — Спросил тихо, стараясь, чтобы не дрожал голос.

— Она была твоя. А я не намерена терпеть конкуренцию, ещё с того момента, как увидела тебя.

Ответ звучал жестоко. Тем лучше. Он знал, что делать. Он ни минуты больше не останется здесь. Алистер вырвал поводья из рук принцессы и развернул коня.

— Что ты делаешь? — Она ещё может удивляться и спрашивать? После того, что сделала, после того, как убила Сюзан? Значит вот почему он не мог её излечить! Лечить надо было не от чахотки (он бы вылечил её легко, если бы это была только она), а от яда. Или что там принцесса подмешала Сюзан? В душе закипала глухая злость.

— Нам не по пути. Я возвращаюсь домой, в Римс. — Отрывистые фразы стоили целого усилия.

— Ты вернёшься к своей жене? И вы будете жить долго и счастливо? — Вопросы звучали скорее угрожающе.

— Да, — ответил он. Не слыша ничего, кроме сердца, стучавшего в висках.

— Тогда, не доставайся ты никому!

Алистер обернулся. Вовремя, чтобы увидеть дуло охотничьего ружья направленного на него. Несколько секунд ничего не происходило, а потом принцесса спустила курок. И мир разлетелся на тысячу осколков, каждый из которых звучал болью.

Глава 22 (начало)

Диара не находила себе места. Она ждала Алистера, целый день, прекрасно осознавая, что он может не вернуться. И это сводило с ума. Она бродила по дому из комнаты, в комнату, бледная, как призрак. С трудом заставила себя поужинать тогда, когда время уже приближалось к полуночи. Вот и всё. Она боялась, что так и произойдёт, что всё, что случилось с ней за последние дни слишком прекрасно и слишком похоже на сказку. Но она выпила эту сладкую пьянящую сказку до дна. Она обещала своему травнику, что не будет его искать, что уедет, если он не вернётся. Завтра на рассвете она должна сесть в экипаж, отправляющийся в Гаст. Они так договорились.

Не было сил даже проверить вещи. Всё ли собрано, всё ли на месте. Какая разница. Главное, чтобы он нашёл её. На душе было тяжело, словно давил камень. Теперь ей долго придётся жить с этим чувством, пока Алистер не найдёт её. А может быть и всю жизнь... Подумав об этом, Диара содрогнулась. Жизнь без него она не выдержит, хотя и попытается ради него же.

В столице у неё не было друзей. Никого, кроме Иниры. Кандидатки во фрейлины уважали её, но ничего больше. Некоторые — откровенно завидовали. Некому даже оставить весточку, попросить о помощи. Да что уж там... После смерти отца она осталась одна, только никогда не давала печали захлестнуть себя. Сначала спасали мысли об Эдмоне, а теперь — теперь она должна стараться ради Алистера.

С сухими глазами Диара отправилась наверх, в спальню. Проверила сумку с вещами, отдала распоряжения слугам и осталась сидеть на своей кровати. В одиночестве. Она всё равно не сможет уснуть. Зачем мучить себя? Лучше ещё раз всё вспомнить. Она достала мешочек с травами и настояками, которые ей оставил на всякий случай Алистер и уткнулась в него носом.

Кажется она даже забылась каким-то тревожным полусном, потому что проснулась уже на рассвете.

— Всё готово, госпожа, — служанка вошла в комнату с плащом в руках.

— Нет никаких новостей о хозяине? — Заставила себя выговорить Диара. Она всё ещё надеялась, что вчерашний день был чьей то злой шуткой, кошмарным сном. Вот-вот она проснётся и обнаружит Алистера, колдующего над котелком с травами.

Но служанка отрицательно покачала головой. Диара вздохнула, накинула плащ, взяла с собой чемодан и спустилась вниз. Гостиная, потом прихожая... Без него всё казалось таким пустым и бессмысленным. Алистер дал указания слугам, на случай, если с ним что-то случится и ей придётся уехать, чтобы они некоторое время поддерживали в доме видимость присутствия хозяев. Так же убирались в комнатах, подавали на стол завтрак, обед и ужин. Будто они и не уходили никуда, а только вышли в сад прогуляться или покататься на лошадях. Диара так надеялась, что эти распоряжения Алистера не понадобятся. Но даже надеясь, она понимала, что Граций не оставит её в покое. Только не он.

Уже сидя в экипаже, отправлявшемся удачно прямо в Гаст через границу, она с тоской думала о том, что вряд ли когда-нибудь сможет жить спокойно. Тоска, страх и тревога сжимали терзали сердце так, что она едва могла дышать.

Но как ни странно до границы она добралась без приключений. Возможно, Граций просто пока не хватился её и не думает, что она могла куда-то уехать. Она бы и не уехала. Наверное, Её Высочество, держит Алистера в заточении. Может быть, хочет, чтобы она пришла. Но она обещала ему. Она верила, что он найдёт её. Если бы не это, Диара сейчас бы уже стояла возле апартаментов Её Высочества. Просто сидеть в экипаже и медленно трястись по разбитым дорогам, было невыносимо тяжело. Но она должна держаться, ради Алистера.

Вывитанная тревогой, усталостью и голодом (экипаж только пару раз за всю дорогу останавливался в гостиных дворах, где можно было перекусить), через неделю дороги, она наконец ступила на землю своего родного города.

И тут же снова залезла в экипаж, спрятавшись за спинами пассажиров и делая вид, что потеряла перчатку. Мимо неё очень удачно прошла тётка. Она узнала бы её в толпе, даже если не видела бы вечность. Такое невозможно забыть. Иногда она даже являлись ей в кошмарах. Интересно, её тётя, которую Диара знала с детства и которая, казалось, никогда не питала к ней недобрых чувств, хорошо спала после того как продала её в рабство? Вспомнив о днях, проведённых в тесной, тёмной повозке, Диара вздрогнула. Так. Спокойно. Ей нужно быть сильной. Ради Алистера.

Она вздохнула, выпрямилась, гордо подняла голову и направилась по адресу, который назвал он, к господину Файтеру.

Гаст, который она помнила почти не изменился. Улицы, дома, фонари, парки и фонтаны на главной площади, всё осталось тем же и в то же время невыразимо чужим. Это ведь она изменилась, изменилась настолько, что чувствовала себя чужой в родном городе.

Долсен дерр 18 она нашла через четверть часа. От вокзала было недалеко. Она помнила расположение улиц в Гасте и с закрытыми глазами нашла бы свой дом, бывший дом. Почему-то при воспоминании об этом ничего не шевельнулось в душе. Наверное, она слишком устала.

Вздыхнув, постучала в дверь.

— Добрый день, госпожа. Могу я вам чем-то помочь?

— Да, — ответила Диара, отсекая себе все возможные пути к отступлению. — Я желаю видеть господина Файтера.

Господин Файтер оказался полноватым добродушным мужчиной. Чем-то неуловимым он напомнил Диаре об отце. Может быть, виноват был родной город, может быть сама внешность и говор нового знакомого, но она едва не разрыдалась за ужином, с трудом осознавая, что и зачем ест. После того, как она представилась господину Файтеру и показала письмо от Алистера, тут же была принята с таким радушием, с каким давно к ней никто не относился. А уж узнав, что она сама родом из Гаста, он просто рассыпался в любезностях.

— Я очень многому обязан господину Эурелиусу, милая. Он вылечил моего сына от смертельной болезни. И я бы по его просьбе не отказал в гостеприимстве и самому последнему проходивцу. Но вы, дорогая, прекрасны и сами по себе, как чистый самородок. И где он только вас нашёл?

— В Римсе, — она отвечала осторожно, разучившись доверять. Хотя ведь это друг Алистера...

— Каким же ветром вас занесло так далеко отсюда? Всё. Молчу-молчу. Не хотите, не выдавайте свои секреты, держите их при себе. Я слишком болтлив, чтобы мне можно было их доверить. А как ваша фамилия в девичестве?

В девичестве... Диара вздрогнула. Она никак не могла привыкнуть к тому, что она замужем и теперь у неё другая фамилия, ЕГО фамилия. Но кто виноват, что у них с Алистером так и не случилось медового месяца, что всё сложилось так, как сложилось?

— Керенер.

— О! Вы случаем не родственница Джереми Керенеру? Был такой известный механик в нашем городе. Талантище! Жалко умер рано.

— Я — его дочь, — тихо ответила Диара.

— Дочь. Правда? А я то думаю, где я вас видел. Как же тесен мир!

Господин Файтер стал ещё сердечнее если это возможно. Он долго не отпускал Диару, расспрашивая про отца и мужа, так что она в конце-концов вынуждена была признаться, что сильно устала и хочет отдохнуть.

— Конечно-конечно, — замахал руками господин Файтер. — Простите меня, болвана. Пойдёмте я провожу вас в вашу комнату. Располагайтесь. Будьте как дома. Когда Алистер вернётся, я буду счастлив принять и его. Комнат хватит на всех. С тех пор, как умерла моя Ванесса, а сын женился, дом почти всегда пустует, — и гостеприимный хозяин издал то ли вскрик, то ли стон. Диара не умела утешать, поэтому неловко промолчала.

Комната действительно была прекрасна, а постель мягкой, так что уже через несколько минут после того, как голова коснулась подушки, она заснула. Хотя была в полной уверенности, что не уснёт из-за всех тревог, которые пришлось пережить.

Утром Диара встала посвежевшая и немного отдохнувшая. Тревога за мужа, снедавшая её, немного отступила. Он обязательно найдёт её, иначе и быть не может. Но если от него не будет вестей долгое время... Диара даже боялась подумать об этом. Она не сможет долго сидеть здесь, не зная, что там случилось с ним. В конце-концов, она не обещала Алистеру сидеть здесь безвылазно. Через какое-то время, когда Граций угомонится и перестанет её искать, она обязательно вернётся в столицу. А может быть, ей и не придётся этого делать. Может Алистер будет на тот момент уже в Римсе. Подумав об этом, она даже смогла улыбнуться. Ну конечно. Надо надеяться на хорошее. Зачем она думает о плохом?

Завтрак был вкусным, а хозяин — ещё более добродушным чем вчера. И Диара поймала себя на мысли о том, что может быть она даже осмелеет настолько, что прогуляется после еды по городу. В конце концов шляпа с широкими полями хорошо скроет лицо. А то, что её здесь никто не ждёт, поможет не опасаться. Тётка ведь, наверное, придумала какую-нибудь красивую (или не очень) легенду о том, как она сбежала в другую страну к любимому или что-нибудь ещё хуже. Близких подруг у неё не было, так что вряд ли кто-то станет её искать. В общем, она может спокойно прогуляться по городу и посетить дорогие когда-то места.

Разрешив себе то, о чём давно втайне мечтала, Диара выдохнула и после завтрака засобиралась на прогулку. Пообещав господину Файтеру вернуться к обеду, она направилась на главную площадь. Здесь всё осталось таким же, как и год назад. Словно только вчера она гуляла здесь, под башней ратуши, где большие часы отстукивали каждый час. Правда последнее время она никогда не гуляла одна. Или с отцом или с Эдмоном. Вспомнив о бывшем женихе, Диара даже покраснела. Как она могла принимать за чистую монету его ухаживания?! Как могла верить в то, что это — любовь?! Перед глазами невольно возник образ мужа. Она всё никак не могла привыкнуть и называть так Алистера. Его имя горчило полыньёю на губах, и отзывалось сладкой ноющей болью в сердце. Она всё никак не могла до конца поверить в своё счастье. Скорее бы он приехал!

Диара ещё немного погуляла по площади, порадовала себя парой мелочей, купленных в лавках, а потом направилась к дому господина Файтера. Но свернула в другой поворот на полпути. Ноги неудержимо несли её к их с отцом дому, дому, где каждая мелочь напоминала ей о нём и совсем уж ранние, подёрнутые дымкой, но от того не менее любимые — воспоминания о маме. Она шла по знакомым улицам, словно в последний раз, заранее прощаясь. Она не останется в Гасте. Ей нет здесь места. Её ждал Римс и муж. Новый дом, новые дела и обязанности. И новые радости.

И всё же... По знакомой улице она шла, затаив дыхание. Невольно прислушивалась. Вдруг сейчас раздастся голос отца, такой родной и знакомый. Сколько идей он мечтал воплотить в жизнь. Жаль только, что его жизнь оказалась слишком короткой для этого. Возле дома Диара остановилась и удивлённо осмотрелась. Он выглядел заброшенным и нежилым. Труба покосилась, по окнам полз

плющ, а сад зарос так, что она даже не смогла разглядеть парадное крыльцо. На калитке висел большой амбарный замок и кривая табличка, с нацарапанной от руки надписью: «Продаётся». Интересно, что случилось с тёткой, если она продаёт их дом, ради которого не постыдилась продать её в рабство? Диара подавила злорадство и, постояв ещё немного, отправилась к господину Файтеру. Её теперь это не касается. Это просто дом. Вещи отца тётка выкинула, а больше её с ним ничего не связывает. Кроме воспоминаний...

— Газета. Купите газету! Свежие новости по мизерной цене! — Бойкий голос вывел её из раздумья. Она заплатила разносчику и взяла газету. Интересно, какие в стране новости?

Открыла и замерла. Газеты освещала и имперские новости. Перед ней как вживую вырос Диаль с его дворцом и башенками, а заголовок гласил: «Новости на королевской охоте». Сердце тревожно забилось. Она пробежала глазами заголовок, потом начало статьи. Буквы расплывались перед глазами.

«Несчастный случай... На охоте убит небезызвестный господин Алистер Эурелиус, талантливый травник. Приносим соболезнования его молодой жене».

Мир закружился перед глазами. Диару спасло то, что она уже стояла возле дома господина Файтера. Пошатнувшись, она с трудом сделала несколько шагов, открыла парадную дверь, и там милосердное беспамятство настигло её.

Алистер очнулся от того, что безумно сильно болела голова, так что, даже во рту он чувствовал странный металлический привкус. Попытался открыть глаза. Всё поплыло и он кажется опять провалился в беспамятство. Когда очнулся опять — не понял. Интересно, сколько прошло времени? И где он вообще? Как долго здесь лежит? А главное — что случилось? Память возвращалась неохотно, какими-то обрывками, так что он даже едва смог вспомнить как его зовут. А потом вдруг в мысли ворвался образ — яркий, солнечный, словно сотканный из света. Диара, его Диарлинг. И мир тут же волшебным образом обрёл чёткость. Вспомнилось всё. И охота и разговор с принцессой и дуло ружья, наставленного на него.

Он попытался открыть глаза. Получилось. В этот раз мир не уплыл в небытие. Он лежал в лесу под деревьями. Наверное, там же, куда заехал во время охоты. Лошади по близости не было. Да и давящая тишина говорила о том, что он здесь находится уже давно. Попытался пошевелиться и едва снова не потерял сознание. Попытался поднять руки и дотронуться до груди. Рубашка была в чём-то липком. Кровь? Значит Её Высочество всё-таки сделала то, чем пугала. При мысли о ней в груди закипела злость. Добраться бы до неё за Сюзан и за всех, кто пострадал или ещё пострадает по её вине. Но мстить женщине было недостойно, даже такой женщине.

Алистер осторожно ощупал рану. Если он жив, значит ничего серьёзного, хотя крови он, кажется, потерял много. Только бы сумка с травами была на месте. Да! Никто не додумался снять её с него. Он ка знал и захватил пару эликсиров на всякий случай. Теперь оставалось самое сложное. Добраться до сумки и найти нужный. А там возможно он сможет попасть домой и отлежаться там. Нескольким раз теряя сознание, он всё-таки нашёл нужный эликсир, выпил его и сразу почувствовал прилив сил. Потом сел. Несколько минут сидел на траве, потом встал и пошатываясь побрёл туда, где виднелся просвет между деревьями. Там обнаружилась поляна, а на ней — (вот везенье!) его лошадь. Теперь осталось только залезть на неё и окольными путями добраться до дома.

Возле дома Алистера настигло чувство опасности, а потом он запоздало ощутил гремучую смесь из страха, ненависти, предвкушения и еще чего то, чему он не мог дать названия. Он резко осадил лошадь и спрятавшись, из-за кустов, наблюдал, как личная гвардия Её Высочества прочёсывала дом. И, видимо, они не нашли того чего хотели. Алистер расслабленно выдохнул. Всё-таки Диара послушалась его и уехала. Значит осталось дело за малым — запутать преследователей и отправиться вслед за ней.

Он пустил лошадь к ближайшей гостинице. Лекаря вызывать он не отважится, да и смысла в нём особого не было. Действия эликсира хватит ещё на пару часов. За это время надо отдохнуть, перевязать рану и подкрепиться. Припасено ещё пару эликсиров на всякий случай. До Гаста или до полного выздоровления должно хватить. Домой, в Рим, он пока не поедет. Иначе достанут и его и Гастина. Значит дорога одна — в Гаст, к господину Файтеру, туда же, куда он очень надеялся, направилась и Диара. Попытался её почувствовать и не смог. Значит она была очень далеко и с ней всё хорошо. Иначе он бы знал.

После еды и краткого отдыха, он оставил коня в гостинице и снял экипаж. Но не до Гаста. До ближайшего к границе городка. Переночует там. Попытается запутать следы, если вдруг за ними погоня. А потом отправится к Файтеру, за Диарой. Примысли о ней, становилось легко. Даже боль отступала.

В экипаже он уснул сразу, надеясь, что не пропустит ничего важного. Но силы надо было восстановить. Несколько часов сна — это жизненная необходимость, по крайней мере сейчас. Он выпил очередную настойку и провалился в некрепкий сон, где что-то бегало, стреляло, ходили и говорили люди. Алистер несколько раз просыпался, смотрел, что всё в порядке и снова проваливался в сон. И только на въезде в приграничный Кард, проснулся окончательно.

Возле гостиницы отпустил экипаж и снял номер на несколько дней. Хозяин, видимо, чувствующий в нём богатого человека (у таких нюх на деньги), видимо, не зная, чем ещё угодить, предложил купить газету. Алистер кивнул. Почему бы и нет? Заодно узнает новости из первых рук так сказать.

В ожидании завтрака он открыл газету и пробежался глазами. «Происшествие на королевской охоте». Вчитался внимательнее. В статье написали про его смерть. Смерть! Может быть, Её Высочество в этом конечно уверена, но зачем ей объявлять об этом, да ещё и в газете. Алистер прочитал ещё раз статью и вздрогнул. Ведь если Диара сейчас в безопасности, то прочитав эту статью, сорвётся с места и попадёт прямо в ловушку. Принцесса и здесь осталась верна самой себе. Наказать и отомстить напоследок.

Нельзя медлить. Он сегодня же выезжает в Гаст к господину Файтеру.

Диара открыла глаза. Мир оставался размытым и нечётким, словно враз утратил яркость. Что с ней случилось? Где она? Открыла глаза и увидела над собой незнакомую девушку.

— Господин! Господин! Она очнулась! — Радостно закричала девушка, видимо служанка. И тут же в комнату вошёл господин Файтер.

— Девочка, как же ты меня напугала! Тебе было нехорошо. Ты чем то больна? Может быть, позвать лекаря.

— Нет. Не надо. Мне уже лучше. — Тихо ответила она, а на задворках сознания билась мысль о чём-то очень важном, о чём она забыла. С трудом повернув голову, Диара увидела многострадальную газету на столе, и тут же всё вспомнила. А вместе с воспоминанием вернулась и боль. Ей срочно нужно в Диаль, в их с Алистером дом. Удостовериться, что он и правда... Даже мысленно она не могла произнести слово «мёртв». А может быть, принцесса специально дала указание написать об этом в газете. Может быть, Алистер ранен и ему нужна помощь. Она должна встать и отправиться к своему мужу. Диара попыталась подняться с постели.

— Куда вы, Диарлинг? Лежите-лежите, — Господин Файтер заботливо смотрел на неё.

— Мне нужно уехать?

— Куда же? — Изумился он. — Только-только приехали и уже уезжаете? Да и не пушу я вас никуда, пока не дождусь лекаря.

— Вы не понимаете, — вяло отмахнулась Диара.

— Да уж куда мне, старику. Но я теперь вот за вас вроде как ответственный перед Алистером. Он же просил за вас. Так что ждите лекаря. А я сейчас попрошу вас обедом накормить. Вы ведь, наверно, голодная.

Диара только кивнула. Сил спорить не было. Сейчас она восстановит силы и вечером отправится в Диаль. Хорошо, что она не успела распаковать чемоданы. Всё существо её сопротивлялось задержки, но сил встать и идти не было.

Зато к приходу лекаря после обеда, она чувствовала себя гораздо лучше.

— Простое переутомление. — Констатировал он. — Побольше отдыхать, а лучше пару дней полежать в постели. Ну и к травнику бы вам сходить.

При слове «травник» Диара непроизвольно всхлипнула. Нельзя плакать. Только не сейчас и не здесь! Она должна быть сильной! Она попрощалась с лекарем и поднялась в комнату, которая так недолго была её спальней. Если ей даже никогда не суждено будет сюда вернуться, она с теплотой будет вспоминать эту комнату и этот дом, где ей дали приют.

Через несколько минут она, уже одетая, спускалась в гостиную.

— Я уезжаю, господин Файтер.

— Вы нормально себя чувствуете? — Он действительно волновался. И от этого Диаре становилось как-то щемяще грустно. — Может быть вас проводить до вокзала?

— Нет спасибо. Я дойду сама.

Непонятно, почему, но ей не хотелось, чтобы кто-то видел, как она уезжает. И самой не хотелось смотреть, как опять скрывается родной когда-то город из глаз. Можно начать новую жизнь, в Риме ли, здесь ли, или даже в столице. Главное, чтобы в ней был Алистер. Подумав о нём, Диара до боли сжала губы. Она не выдержит и заплачет сейчас. Она не видела его мёртвым, но мысли об этом сводят с ума. Поэтому надо держаться, изо всех сил.

Она взяла чемодан и медленно направилась на вокзал. В голове билась одна мысль, помогавшая ей не думать, не думать и не сойти с ума. «Рейс до Диала».

На вокзале было людно и шумно. Извозчики понукали лошадей, суетились дамы и господа, носильщики предлагали свои услуги за плату. Она никогда не любила вокзалы. Неужели только ей казалось, что с вокзалами будто уходит прежняя жизнь, чтобы не вернуться.

— Простите, — собралась с силами она. — Не подскажите рейс до Диала когда будет?

— Вон там, видите экипаж. Поговорите с хозяином. Они вроде бы через час отправляются.

— Спасибо вам, — искренне ответила она и побрела к экипажу. Медленно, глядя под ноги, почти не поднимая головы. Это так тяжело. Внезапно она споткнулась и полетела бы на мостовую, если бы её не поддержали.

— Благодарю, — ответила она. Но рука, державшая её, не разжималась. Диара подняла голову и встретила с такими знакомыми глазами. — Алистер, — ахнула. Ноги вмиг отказали держать.

— Тихо, Диара, тихо. — выговорил нежно, словно в любви признавался. — Пойдём домой.

Домой? Разве здесь есть их дом? Диара хотела спросить, но тут же забыла. Блаженная радость внезапно заполнила всё её существо, не оставив места для вопросов и мыслей.

— Ты живой, — прошептала.

— Живой. Но скорее вопреки, — горько усмехнулся Алистер. — В Диале нам больше нечего делать.

— Мы поедem в Римс?

— Пока думаю это небезопасно. Но посмотрим. А пока пойдём к Файтеру.

Они шли рядом и молчали. Потом Алистер вдруг притянул её к себе. Диара посмотрела в его лицо и утонула в глазах.

— Мне не надо читать тебя, чтобы знать, что ты чувствуешь, — голос звучал глухо. — Но ты знай, всегда знай, что я люблю тебя.

Диара серьёзно посмотрела на Алистера. В его глазах отражалось небо. Прижать к себе и никогда-никогда не отпускать. Она опустила голову ему на грудь. Стоять так и пусть само время остановится. Зачем им куда-то спешить, если они оба есть друг у друга.

Эпилог

— Дамы и господа, добро пожаловать на бал. Располагайтесь. Будьте как дома.

Диара улыбнулась в ответ на приглашение мэра. Вот уже год, как они с Алистером живут в Гасте. Он продал свой дом в Диале и купил тот дом, где она провела всё своё детство, дом, насквозь пропахший галискаасом, с остатками лаборатории отца на первом этаже.

Они открыли там лавку и постепенно слава Алистера как травника начала расходиться по Гасту. От клиентов теперь не было отбоя. А Диара начала восстанавливать лабораторию отца, его чертежи и внезапно увлеклась механикой. Наверное, у неё это в крови. Алистер помогал в свободное время.

Самой печальной оказалась судьба тётки. Джефри за то короткое время, что её не было в Гасте проигрался в пух и прах и покончил жизнь самоубийством. Тётка осталась практически на улице без средств к существованию, вынужденная доживать свои годы в богадельне. Диара тайком от Алистера (который, наверное, не одобрил бы) посылала ей небольшие суммы каждый месяц, на жизнь, подписываясь анонимом. Она не могла допустить, чтобы её ближайшая родственница умерла на улице. Раньше бы она радовалась, что справедливость восторжествовала. Но сейчас её счастье было слишком полным для этого.

— Позвольте пригласить вас на танец, — Диара вздрогнула, вся уйдя в свои робкие мысли и надежды. Подняла голову и улыбнулась Алистеру. Он вёл себя как джентльмен, то отталкивая, то снова притягивая. Одно было ясно. С ним никогда не будет скучно. Такой мрачный, сутулый,

похожий на ворона, некрасивый да, и всё же до сумасшествия, до умопомрачения великолепный, а ещё нежный и такой родной.

— С удовольствием, — она подала ему руку и они поплыли в танце. В танце и в новую жизнь.